

Ф О Р У М

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

6

1984

«СУЧАСНІСТЬ»

Ответственный редактор:

ВЛАДИМИР МАЛИНКОВИЧ

Консультативный совет:

Петр АБОВИН-ЕГИДЕС, Владимир БОРИСОВ, Борис ВАЙЛЬ, Николай ДРАГОШ, Кронид ЛЮБАРСКИЙ, Михайло МИХАЙЛОВ, Сергей ПИРОГОВ, Игорь ПОМЕРАНЦЕВ, Галина САЛОВА, Тамара САМСОНОВА, Надия СВИТЛЫЧНА, Сейтхан СОРОКИНА, Виктор ФАЙНБЕРГ, Борис ШРАГИН.

Статьи, подписанные авторами, выражают их собственное мнение.

Журнал выходит четыре раза в год.

Für den Inhalt verantwortlich: Dr. W. Malinkowitsch.

Адрес редакции: Georg-Mauerer-Weg 11, 8000 München 50, BRD.

Оформление подписки на журнал: «Sučasnist» e. v. München, Müllerstr. 33, Rgb, 8000 München 5, BRD.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

К. Любарский

ЗАМЕТКИ О НЕДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ

Непосредственным поводом для написания настоящих заметок послужила статья В. Малинковича в пятом номере «Форума», посвященная проблемам правозащитного движения. Поводом, но не причиной. Я хотел бы сейчас — пусть очень кратко — высказаться по вопросу, который волнует многих, если не всех правозащитников. Лично для меня этот вопрос — далеко не решенный (а может быть, и не решаемый), но очень и очень болезненный. И если я намечаю в этих заметках какое-то решение, то оно — исключительно рабочее, не претендующее ни на окончательность (даже для меня самого), ни на глубокую обоснованность. Во многих случаях я буду выступать в роли «адвоката дьявола».

Я заранее оговариваю все это, чтобы попросить читателей отнестись к сказанному ниже не как к материалу для возмущения и «разоблачения», а как к выражению тревоги за наше общее дело. Больше всего на свете я хотел бы оказаться кругом неправым. Обращены эти заметки прежде всего к политической эмиграции из СССР, что вполне естественно, ибо они пишутся эмигрантом, с жизненным опытом, близким к опыту предполагаемых читателей. Но я надеюсь, что они представят интерес и для читателей внутри страны и не покажутся им совсем бессмысленными: в силу специфики своей работы я поддерживал в течение всех эмиграционных лет тесную связь с людьми в Советском Союзе, и мне кажется, что моя оценка ситуации внутри страны не так уж далека от реальности.

Начну с того, что мне очень близок и понятен весь пафос статьи В. Малинковича. Я, как и он, вырос и воспитался именно в правозащитном движении. Успехи движения — это, хоть в малой степени, и мои успехи. Его поражения — это всегда и мои поражения. И если историческое развитие окажется таким, что правозащитное движение сменится какими-то иными формами общественного сопротивления, то, может быть, лично мне в них не найдется места. Это будет моей личной трагедией, что, конечно, не является достаточным основанием, чтобы избегать называть вещи своими именами.

Мы не только воспитанники правозащитного движения — мы выходцы из определенных его кругов, каждый — из своего. Каждый из нас хранит в памяти образ своих друзей, на мнения и оценки которых он ориентируется в своей деятельности. — чаще всего, на мнения и оценки, какими они были в момент расставания. Психологически мы склонны к обобщению, к генерализации этих мнений и оценок.

Еще находясь в лагере, я обратил внимание на странное явление: человек как бы консервируется в том состоянии, в каком он был в год ареста. Мир как бы проходит мимо него. Человек в изоляции, как правило, перестает духовно развиваться (исключения, хотя и впечатляющие, но редки). К концу 10-летнего срока 27-летний зек выходит на волю, оставаясь в душе 17-летним мальчишкой. Для двадцатипятилетнего «сталинского призыва» мир остается все тем же сталинским, конца сороковых годов. Нечто подобное происходит и в сознании эмигранта по отношению к оставленной им Родине.

А между тем — она изменилась. Той Родины, которую мы оставили — кто два года назад, кто пять, кто десять, а тем более, кто еще раньше, — уже больше нет. У меня совершенно четкое впечатление, что уже не существует той страны, какой она была даже два года или год назад. Изменения к худшему происходят с катастрофической быстротой — как всегда в периоды внутренних кризисов.

Я говорю сейчас не об экономическом или о политическом кризисах, о которых писалось и пишется много. Эти кризисы очевидны — распад происходит прямо на глазах. Экономический кризис в обозримом будущем необратим,

направление его вполне определено, и его даже невозможно замедлить. Политический кризис чреват неожиданностями: он может очень быстро привести к резким изменениям системы — правда, не в том направлении, которое было бы нам желательно. Кагебистский полупереворот Андропова — шаг в этом направлении. Следующим шагом, скорее всего, будет более решительный переворот военный, хотя, может быть, без театрального выведения на улицу танков, тихий переворот, даже без прокламаций о введении военного положения а la Ярузельский.

Очень боюсь, что такой переворот (а открытый переворот — тем более!) будет встречен населением с сочувствием. То, что милитаризация режима не излечит, а усугубит болезни страны — все это выяснится потом, но первоначально будет удовлетворена тоска по сильной руке. Как бы ни было недовольно население существующим положением, не менее силен и страх перед непредсказуемыми потрясениями *status quo*, перед «неслыханными переменами, невиданными мятежами». Из польского опыта каждый извлекает свой урок, каждый в меру своей политической зрелости. Извлекло свои уроки и массовое сознание, склонное замечать в первую очередь то, что лежит на поверхности. Для этого сознания таких уроков два:

— попытки повернуть общество к демократическому развитию приводят к развалу, анархии, дезорганизации, ухудшению и без того плохого экономического положения (то, что это ухудшение временное, неизбежное при перестройке экономических механизмов, остается за пределами сознания);

— плетью обуха не перешибешь, всякое сопротивление бессмысленно.

Именно об этом кризисе, кризисе сознания, я сейчас и веду речь. Именно он порождает такие явления, как возрожденные легенды о Сталине (ставший символическим портрет Сталина на ветровом стекле), как вспышка интереса к фашизму (есть разные оценки масштабов профашистского движения в СССР, но здесь существенен сам факт выхода наружу таких настроений). Но еще более значительным симптомом, чем оживление сторонников сильной руки (неважно, левой или правой), является массовая апатия

большинства населения. Интерес к общественным и политическим проблемам резко снизился даже среди такой социально активной группы, как интеллигенция, даже столичная интеллигенция, не говоря уже о так называемой «периферии». Эта интеллигенция всегда была питательной средой правозащитного движения. Далеко не все из ее числа были правозащитниками, напротив — лишь малая часть, но в целом эти люди совокупно образовывали тот референтный круг (говоря языком социологии), на который правозащитники ориентировались, где они черпали моральную поддержку.

Сейчас этот круг разрушен. В немалой степени это произошло под влиянием жестоких репрессий, обрушившихся на правозащитников. Сломанный было хрущевской оттепелью и последующими годами барьер страха поднимается снова. Резко понизился «уровень дозволенного». Если еще недавно для того, чтобы вызвать репрессии, необходимо было ясно выраженное правозащитное действие, то теперь зачастую достаточно лишь принадлежать к референтному кругу правозащитников, достаточно быть заподозренным в симпатиях к ним (говоря о репрессиях, я имею в виду не только прямой арест). Нечто подобное имело место и в лучшие времена правозащитного движения — в глубинке, в провинции. Сейчас дух «провинции» активно наступает на «столицы».

В большой мере созданию атмосферы апатии содействует и хозяйственный развал. С точки зрения благоприятствования общественным движениям нынешняя ситуация — наихудшая. Для проявления социальной активности населения необходим все же минимальный уровень освобожденности от повседневных забот о желудке, о быте. Когда проблемой номер один становится простое выживание, проблемы общественные отходят на второй план. В том самом среднем советском доме, где еще вчера увлеченно говорили за чайным столом о Солженицыне или о социализме с человеческим лицом, сегодня говорят о том, где достать мясо или как найти пару ботинок.

Разумеется, взрыв общественной активности возможен и тогда, когда проблемы быта доведены уже до предела. Такая ситуация, однако, едва ли возможна в обозримом будущем: голодный бунт все же стране не грозит. Этому, разумеется,

можно только радоваться, ибо позиция «чем хуже — тем лучше» безнравственна. Да и не решит проблем страны «бессмысленный и беспощадный бунт».

Общественное (нередко — обывательское) мнение не только становится все более пассивным и запуганным. Как бывает часто, страх влечет за собой агрессивность. Не имея моральных сил поддерживать правозащитную оппозицию, обыватель, не питающий к власти никакой любви, открыто направляет свое раздражение против этой власти на ее оппонентов (они ведь к тому же еще и нарушают комфорт его совести). Люди, читавшие тысячи возмущенных писем, направленных летом 1983 г. А. Сахарову после подлой статьи в журнале «Смена», вынесли уверенное впечатление, что далеко не все из этих писем «организованы» КГБ.

Власти умело канализируют эту «индуцированную» агрессивность загнанного в угол напуганного обывателя. Небывалая даже по советским масштабам военная пропаганда последних лет, подогревание атмосферы ожидания нападения извне, усиленное воспитание психологии осажденной крепости — все это содействует оживлению идеи: кто не с нами, тот против нас, тот враг. Нагнетание таких настроений при определенных острокризисных ситуациях может, к несчастью, создать психологические условия для военной авантюры власти, которая окажется не только самоубийственной для этой власти, но и убийственной для всего мира. Но это особая тема, которую я здесь оставляю в стороне.

Это изменение общественного климата в стране создало ситуацию совершенно новую, ранее не имевшую места (я говорю здесь, конечно, о периоде существования правозащитного движения, которое мы здесь обсуждаем). Дело не в том, что движение и раньше знало периоды спадов, что верно замечает В. Малинкович. Во время этих спадов оставалась нетронутой питательная среда движения. Сейчас затронута и она. Нынешний период — это не очередной спад движения. Сейчас оно подошло к поворотному пункту в своей истории.

Было бы наивно полагать, что ситуация, сложившаяся в 60-е — 70-е годы пребудет вечно: правозащитники борются, режим сопротивляется (или наоборот: режим наносит удары, правозащитники сопротивляются), но в целом равновесие

сохраняется. Рано или поздно этому равновесию не миновало быть нарушенным — в ту или иную сторону. Равновесие возможно лишь тогда, когда обе стороны друг друга всерьез не затрагивают. Правозащитное движение режим затронуло всерьез. Неизбежное свершилось.

Часто говорили и говорят (и я сам совершенно искренне говорил и говорю), что правозащитное движение — движение неполитическое и оно не ставит своей целью изменение режима и завоевание политической власти: целью его является лишь обеспечение прав человека в нашей стране. Если второе отрицание (отказ от завоевания власти) верно практически абсолютно (по крайней мере никто из известных мне лично правозащитников не имеет таких амбиций), то первое отрицание верно лишь относительно: почти каждый правозащитник ясно отдает себе отчет, что при нынешнем режиме права человека не могут быть соблюдены. Режим, соблюдающий права человека, — это уже *не* советская власть. Другой вопрос, что это не вина правозащитников, а вина советской власти. Мы здесь не обсуждаем (довольно очевидного) вопроса вины. Мы лишь констатируем антирежимность идеи прав человека. Это понимает и В. Малинкович, называющий в своей статье правозащитную идею «реальной альтернативой режиму». Альтернативой — значит: либо — либо. Правильно. Мы до сих пор — по разным причинам — не облекали эту мысль в слова. Это сделала за нас сама советская власть. Жестокой волной репрессий она определенно заявила: либо советская власть, либо права человека. Мы это знали и раньше.

Сейчас эта ситуация тактической недоговоренности повторяется в минимасштабе в деятельности Группы за установление доверия между СССР и США. Многие правозащитники обижены на некоторых членов Группы за заявления типа: «мы не диссиденты, мы не боремся с режимом, мы лишь за поддержание мира». Обижающиеся диссиденты забывают, что эти люди нового поколения лишь эпигонски идут по их стопам. Очень скоро советская власть им объяснит (уже начала!), что быть за мир, точно так же, как и быть за права человека, это и означает — быть против советской власти.

Итак — правозащитное движение разгромлено? Нет! Правозащитное движение перестало существовать? К сожа-

лению, я думаю — да. Оно выполнило свою огромную историческую роль, преобразив духовный облик советского общества, преобразив отношение Большого Мира к «первой в мире стране социализма». Время не остановилось на нас, как бы мы ни любили и ни уважали самих себя, своих друзей, свои идеи. Разумеется, как всякая великая идея, идея правозащиты не может совсем умереть. Вновь и вновь будут появляться люди, жертвенно, не заботясь о сиюминутной отдаче, действующие ради ее утверждения. Эти люди нуждаются в поддержке, помощи — нашей помощи прежде всего. Но это уже не движение, как таковое. Уже сейчас кто-то нам неведомый и пока невидный приходит нам на смену. Постараемся его не оттолкнуть.

Советское общество вступает сейчас в судьбоносную фазу. Оно поляризуется. Ситуация Германии 1932 года в чем-то повторяется в СССР — правда, не так открыто, без факельных шествий нацистов и коммунистических демонстраций. С одной стороны — охранители режима и примыкающие к ним сторонники сильной руки, о которых я уже говорил. Жесткая структура власти, номенклатурные слои общества, «диссидентская правая», пресловутая «русская партия» — по одну сторону барьера (я здесь поставил слово «русская» в кавычки, поскольку я отрицаю право этой имперской, авторитарной «партии» на монопольное право называться русской — я сам русский; но это тема отдельного разговора). По другую сторону барьера, помимо ветеранов правозащитного движения, — новые люди, делающие из уроков правозащитного движения логический вывод: если режим несовместим с идеей Прав Человека, значит этот режим нужно изменить.

Я не хочу быть неправильно понят, и потому вновь и вновь должен сказать: идеи преемников правозащитного движения — не обязательно мои идеи. Лично я, наверное, не найду себе среди них места. То же самое верно и для большинства моих друзей (и даже врагов). Речь идет о другом: важно увидеть, что конфликт «отцов и детей» возникает вновь, и не отвергать идеи «детей» только потому, что мы выросли на других идеях.

На других? А может быть, на таких же? Давайте наберемся мужества и широко процитируем здесь документ,

вошедший, быть может, в десятку величайших документов истории:

«Мы считаем самоочевидными истины:

что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью;

что для обеспечения этих прав люди создают правительства, справедливая власть которых основывается на согласии управляемых;

что, если какой-либо государственный строй нарушает эти права, то народ вправе изменить его или упразднить и установить новый строй, основанный на таких принципах и организующий управление в таких формах, которые должны наилучшим образом обеспечить безопасность и благоденствие народа. Благоразумие, конечно, требует, чтобы давно сложившиеся формы правления не сменялись вследствие маловажных и преходящих причин, так как опыт прошлого показывает, что люди скорее склонны терпеть зло, пока оно еще переносимо, чем пользоваться своим правом упразднения привычных форм жизни. Но когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно преследующий одну и ту же цель, обнаруживает стремление подчинить народ абсолютному деспотизму, то право и долг народа свергнуть такое правительство и создать новые гарантии обеспечения своей будущей безопасности».

Это — из «Декларации независимости» США 1776 года. Разве это не правозащитная идея?

Впрочем, неважно, как мы расцениваем эту идею. Мы можем и не считать ее правозащитной. Мы можем продолжать открыто отвергать ее (втайне или даже бессознательно ей симпатизируя). Я здесь подхожу к центральному пункту моих заметок: давайте сформулируем свое отношение не к желаемому, а к действительному. Прекрасно, если и то, и другое совпадут. Тогда вопрос исчезает. А если не совпадут? А если новые люди пожелают действовать по-иному, восприняв всерьез идеи «Декларации независимости»? Как мы, правозащитники 60-х — 70-х годов отнесемся к их деятельности? Заклеймим? Отвернемся? Постараемся понять? Помочь?

Вопрос не праздный. Есть основания утверждать, что это непредвиденное нами будущее уже наступило. И я думаю, что режим это знает тоже.

Реакция режима на новую ситуацию легко предсказуема. А какова будет наша реакция?

Я сказал, что, по моему мнению, правозащитное движение перестало существовать. Едва ли это нужно доказывать. Исчезли — когда *de jure*, а когда *de facto* — правозащитные организации. Кампании открытых писем протеста, обращенных к властям и общественности, более не проводятся. Система свободной информации общественности, заявившая о себе открыто, снова загнана в подполье. Самиздат становится все более анонимным и псевдонимным. Можно назвать это только конспирацией и продолжать считать движение правозащитным. В какой-то части это будет правдой. Но в значительной части — это будет самообманом.

Я вовсе не сторонник идеи о том, что все действительное — разумно. Я констатирую, как объективный наблюдатель, уход оппозиции в подполье, но субъективно меня это очень тревожит. Я вполне отдаю себе отчет в связанных с этим опасностях. Опасности терроризма и нечаевщины — лишь первые и наиболее самоочевидные. Это — опасности тактики. Есть опасности и более серьезные, опасности стратегии. Это опасности, проистекающие из целей, которые ставит перед собой подполье. А главная его цель — изменение режима. Подполье сделает (сделало?) логический вывод из опыта правозащитников: если Права Человека несовместимы с режимом, значит режим надо менять.

Свержение режима — даже насильственное — само по себе ни добро, ни зло. Из недавних примеров перед нами «революция гвоздик» в Португалии, установившая в этой стране современную демократию, и переворот Пиночета в Чили, который стал притчей во языцех. Что будет в нашей стране, когда (и если!) режим будет изменен? Я вновь повторяю вопрос: как будем на это реагировать мы?

Об этом надо думать уже сейчас.

Совершенно очевидно, что мы, оказавшиеся в эмиграции, не имеем никакой возможности определять, даже в общем, формы, структуру или размеры нового оппозиционного

движения, не говоря уже о конкретных рекомендациях конкретным людям. Мы не имеем для этого никаких реальных возможностей, не говоря уже о куда более важном, что отметил В. Малинкович: у нас нет морального права определять меру чужого риска. Все эти вопросы могут быть решены только внутри страны непосредственными участниками оппозиционного движения — и никем больше.

Значит ли это, что наша роль — роль эмигрантов — в этой новой ситуации равна нулю? Я уверен, что нет. Не располагая организационными возможностями, мы обладаем возможностью формирования идей. Нам в значительной мере доступны (или мы оказываем на них влияние) свободные радио и печать на языках народов СССР. То и другое, несмотря на все технические трудности, все же проникает в страну, к ним жадно прислушиваются, как к голосу свободного мира. Мы ответственны за то, что именно попадает в СССР в этом качестве.

Есть основания полагать, что идеи нынешней антирежимной оппозиции в СССР тяготеют, в основном, к двум полюсам. Первый полюс — это новосоциалистическая мысль, базирующаяся на единственном доступном в СССР источнике — классиках социалистических, в первую очередь марксистских, идей. В информационно замкнутом обществе, каким является СССР, неизбежно усвоение, наряду с заманчивыми идеалами, также и иллюзий о возможности их реализации. Второй полюс — это идея русско-православного авторитаризма, идея, в настоящее время наиболее популярная в эмигрантских средствах массовой информации. Именно последнее обстоятельство меня тревожит более всего: аура свободной мысли, проникающей с Запада, придает этим идеям особый соблазн и убедительность.

И то, и другое, как я уже сказал, — полюса, крайности, и тревогу вызывают именно как крайности. Плохо, если в кризисной ситуации какая-либо из этих идей «овладеет массами». Первая идея, «брошенная в массы», грозит опасностью сползания на проторенный путь, забвения преподанных уроков и повторного скатывания в ту яму, из которой так хочется выкарабкаться. Впрочем, я не думаю, что вероятность реализации этого варианта велика: уроки слишком свежи. Внедрение в сознание масс второй идеи куда

более вероятно: здесь уроки забыты весьма прочно, романтический флер закрывает глаза. Между тем, не говоря уже об обедах, которые принесет торжествующий авторитаризм самому русскому народу, его главная опасность в другом: он оттолкнет от российской оппозиции другие сопротивляющиеся народы, превратит естественных друзей во врагов. А между тем, именно для национальной оппозиции идеи «Декларации независимости» сейчас современны как ни для кого другого, именно национальная оппозиция представляет сейчас главную опасность для режима. Отказаться от союза с ней — значит неосознанно укреплять режим.

Если мы, правозащитники, хотим установить идейную преемственность с новой оппозицией, у нас нет иного выхода, кроме терпеливого, настойчивого разъяснения и пропаганды (да, пропаганды!) *наших* положительных политических идей, которые могли бы стать альтернативой идеям экстремистским. Формулировка, разработка этих идей не может быть задачей этой, уже и без того затянувшейся статьи: это задача всей эмигрантской правозащитной прессы и радио.

Но, поскольку без хотя бы краткого определения этих идей настоящая статья будет туманной, я хочу ясно и недвусмысленно сказать, на чем я стою, какие именно идеи я хотел бы видеть воплощенными в нашей стране.

Это:

1. Решительный и недвусмысленный отказ от существования империи (последней на земном шаре). Освобождение народов империи и — лишь после этого! — решение вопроса об их возможной совместной судьбе, если такое желание будет изъявлено.

2. Установление в наших странах плюралистической демократии западного типа, базирующейся на разделении властей и обеспечивающей полное соблюдение Прав Человека.

3. Введение рыночной экономики (с обеспечением экономически конкурентных прав для различных форм хозяйствования).

Я надеюсь в будущем иметь возможность для большей детализации этих, лишь тезисно намеченных основ.

Пока, как видите, я ничего не могу предложить, кроме настойчивой и терпеливой пропаганды того, что мы считаем

справедливым. Пропаганды честной и откровенной, с мыслью о тех людях, которым в первую очередь придется воплощать эти идеи в жизнь, рискуя собой и своей свободой.

Ибо сказано: в начале было Слово.

И в этом будет преемственная связь между нами, правозащитниками, и теми, кто сейчас в стране изыскивает новые формы сопротивления.

СТРАНА И МИР

В первом квартале 1984 г. в Мюнхене начинает выходить ежемесячный журнал «Страна и мир». Журнал освещает современную политическую, экономическую и духовную ситуацию в Советском Союзе и во всем мире. Журнал обращен ко всем читающим по-русски, вне зависимости от их политической, национальной или религиозной принадлежности, — живущим в СССР и за рубежом.

Объем журнала 96 стр. большого формата. Цена одного номера 6 н. м., стоимость годовой подписки 60 н. м. Пересылка за счет редакции. Подписка производится по адресу: Das Land und die Welt e. V., Schellingstr. 48, 8000 München 40, BRD.

Подписная плата принимается в виде чека, почтовым переводом или перечислением на банковский счет: Deutsche Bank, BLZ 700 700 10, Konto-Nr. 331 96 13 (Das Land und die Welt e. V.). Справки по телефону (089) 272 18 99.

ПОЧЕМУ НЕОБХОДИМА ДЕМОКРАТИЯ?

Часть I. *Государство и общество, политический плюрализм*

В марте 1983 года «Европейский Совет» провел в Страсбурге международный коллоквиум по проблемам современной демократии. В работе коллоквиума приняли участие многие видные государственные и общественные деятели, юристы и социологи демократических стран Запада.

Следует, вероятно, сказать хотя бы несколько слов о том, что такое «Европейский Совет». Еще в 46-ом году, вскоре после окончания Второй мировой войны, Уинстон Черчилль в своей речи в Цюрихе призвал к созданию «Соединенных Штатов Европы». Эта идея породила целое общественное движение, которое к 49-ому году и привело к созданию «Европейского Совета». В него вошли представители Бельгии, Великобритании, Дании, Франции, Ирландии, Италии, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии и Швеции. Позднее к ним присоединилось еще восемь государств: Австрия, Кипр, Греция, Исландия, Мальта, Швейцария, Турция и Западная Германия. Впоследствии «Европейский Совет» был подчинен «Европейской консультативной ассамблее», которая состоит из 144-х депутатов, избираемых парламентами соответствующих стран или назначаемых их правительствами. Заседает она в Страсбурге, на границе между Францией и Западной Германией, — можно сказать, в самом сердце Западной Европы. В Страсбурге и проводился коллоквиум о демократии.

Программа коллоквиума о демократии была очень насыщенной. В первый день обсуждался вопрос, почему демократия необходима. Затем выступили докладчики, которые говорили о том, как совершается прием политических решений в демократических государствах. На

следующий день одно заседание было посвящено рассмотрению соотношений между демократией и гарантиями прав человека, а второе — экономической жизни в демократических обществах. Наконец, на третий день разбирался вопрос о правопорядке при демократиях. Коллоквиум в Страсбурге привлек к себе большое внимание западно-европейской печати.

Первое заседание, которое, как я уже сказал, было посвящено вопросу о необходимости демократии, открыл президент «Европейской консультативной ассамблеи» Хосе-Мария де Арейлса. В начале своей речи он дал определение демократии

«Демократия есть форма государственной власти, которая не только позволяет личности пользоваться всеми благами, внутренне вытекающими из самой философии, на которой покоится эта форма, но и активно вовлекает личность в деятельность по государственному управлению. При демократии личность участвует в государственной власти, тогда как в тоталитарном или деспотическом государстве личность оказывается всего лишь объектом манипуляций. Ее в случае необходимости могут заставить молчать или вообще уничтожить»

Демократия, как подчеркивалось в речи де Арейлсы, оказывается необходимой формой государственного устройства общества при современных условиях. Современное индустриальное общество составляется из разных социальных групп, каждая из которых имеет и отстаивает свои особые интересы. Эти интересы имеют право претендовать на максимальное удовлетворение, если только это не идет в ущерб другим личностям или группам. Кроме того, каждая такая группа вступает в сложные отношения и с государственной властью, с правительством. Чтобы удовлетворить свои особые интересы, она нуждается в своем особом голосе при принятии политических решений. Весь этот сложный социальный организм может функционировать лишь в условиях демократии, которую де Арейлса назвал просто «цивилизованной формой политической жизни». По его словам:

«Демократия, в отличие от деспотизма, не требует оправданий. Это диктаторы нуждаются в пропаганде, чтобы

внушать веру в себя и всеобщее восхищение собою. Демократические правители непрерывно отчитываются перед общественным мнением. Демократическая система — это постоянный эксперимент. Самое бесспорное обоснование демократии — в ней самой».

Демократия — это непрерывный диалог между управляющими и управляемыми. Правительство в демократическом обществе ни на минуту не может отвлечься от заботы о том, что думают рядовые граждане о предпринимаемых этим правительством действиях. Если оно лишается поддержки общественного мнения, то немедленно лишается и своей стабильности. Для этого и нужны при демократии свобода слова, печати, собраний, демонстраций. Эти свободы обеспечивают гражданам все возможности критиковать правительство, выражать ему свое неудовольствие или неодобрение. При демократии почти не услышишь слов восхищения или обожания по отношению к власти имущим, которыми наполнена пропаганда тоталитарных и деспотических государств. Критика там звучит гораздо чаще. Но это, как признает де Ареилса, делает демократию уязвимой. Демократическая политическая жизнь представляет собою непрерывное неустойчивое равновесие, которое нарушается и восстанавливается попеременно. Но только таким путем можно сохранить неурезанной всю полноту прав человека.

«Тем не менее, — сказал де Ареилса, — находятся люди, которые заявляют, например, что право на спокойную жизнь или интересы общественного развития должны иметь приоритет перед нуждами демократии или обеспечения всех прав человека. Но таковы слишком нам знакомые рассуждения, к которым всегда прибегают апологеты всех диктатур и тоталитарных режимов. В таких рассуждениях ссылаются обычно на чрезвычайные обстоятельства с тем, чтобы оправдать насильственное ниспровержение законного правительства и установление на его месте абсолютного государства, то есть неограниченной власти бюрократии».

Такие рассуждения и теории не безобидны. Достаточно взглянуть на современную политическую карту мира, чтобы убедиться, что демократических государств на ней — ничтожное меньшинство. Но помимо того, что демократиям угрожают разного рода экстремистские идеологии, они сами

переживают внутренние трудности, порожденные стремительными темпами современного технологического прогресса. Механизмы демократического управления подвергаются воздействию новых технических средств. Власть, в связи с этим, становится более обезличенной, более анонимной, менее доступной контролю со стороны демократического общественного мнения. Однако тем более нужны сознательные усилия, чтобы сохранить и усовершенствовать политические механизмы демократии.

Завершил свою речь президент «Европейской консультативной ассамблеи» такими словами «Слабости демократии, вероятно, наиболее различимы сейчас в Европе, но именно в Европе больше всего видима и необходимость демократии. Если Европе суждено сохраниться, то это будет демократическая Европа».

Доклад профессора парижской Сорбонны и директора центра сравнительного анализа политических систем Мориса Дюверже «О необходимости демократии» привлекает своей логической ясностью и систематичностью, хотя сам докладчик отметил, что фактически нет сейчас ни одного государства, которое соответствовало бы полностью идеалу демократии. В любом, даже самом демократическом из современных государств права и свободы граждан урезаются властью денег, законами о наследстве или даже просто эгоизмом, который присущ почти всем людям. В любом, даже самом демократическом государстве власть имущие стремятся закрепить и превысить данные им полномочия. И никогда не исчезает стремление определенных социальных слоев превратить демократию в автократию. Но тем не менее, по словам профессора Дюверже, никогда в истории демократия не достигала таких успехов, как именно в наше время, а различия между демократией и всякими иными, недемократическими формами государственного устройства легко поддаются сейчас достаточно точному определению.

«Как система правительства, демократия может быть определена как совокупность средств, направленных на достижение двух целей: с одной стороны, демократия

стремится к тому, чтобы правительства представляли рядовых граждан, которые сами выбирают тех, кто ими управляют, и держат их под постоянным общественным контролем; с другой стороны, демократия стремится обеспечить каждой личности возможность жить согласно собственному выбору, сводя к минимуму число ограничений, необходимых для обеспечения благосостояния и развития общества».

Среди средств, которые использует демократия, чтобы достичь своих целей, Морис Дюверже выделил, прежде всего, свободные выборы гражданами своих представителей. В то же время он признает, что даже при самых свободных выборах демократию подстерегает множество опасностей. В древние времена — в древнегреческих Афинах, например, или в древнем русском Новгороде — последней инстанцией при принятии всех важнейших политических решений было народное собрание, в котором имели право участвовать все полноправные граждане. Но при современных массовых обществах это стало физически неосуществимо. Для осуществления идеальных целей демократии было бы правильнее по всякому затрагивающему интересы каждого вопросу проводить всенародные референдумы. Но и это едва ли возможно. Приходится гражданам выбирать своих представителей и перепоручать им решение государственных дел. Но никогда нет достаточных гарантий, что такие представители не злоупотребят полученными ими полномочиями.

«Всеобщие плюралистические выборы, — говорит Морис Дюверже, — одновременно и делают членов правительства представителями граждан, и ограничивают власть этих представителей. Назначаемые посредством выборов на достаточно краткий период, высшие руководители государств могут быть легко смещены при следующем голосовании. Страх перед народным приговором — начало государственной мудрости. Правда, не следует забывать, что избиратели никогда не бывают полностью свободны в своем выборе, который контролируется политическими партиями и другими общественными организациями, а политические партии, в свою очередь, зависят от финансовых ресурсов. Но ничто не совершенно в этом мире и несовершенные выборы все-таки в

тысячу раз лучше любых других политических систем, уже существующих или мыслимых».

Но свободные выборы — не единственное средство, которое предоставляет гражданам демократия для контроля над своими представителями. Важнейший принцип демократии — разделение властей. Прежде всего, согласно уже прочно сложившейся при демократиях традиции, избранные гражданами депутаты парламентов разделяются на правящую партию и оппозицию. Оппозиция неусыпно и придирчиво следит за действиями избранного правительства, критикуя каждую его ошибку или проступок. При этом оппозиция опирается на силы вне парламента — принадлежащие к оппозиции местные власти, прессу, профессиональные союзы и создаваемые по разным конкретным поводам «группы давления» на правительства. Морис Дюверже подчеркивает:

«Именно существование оппозиции обеспечивает прочность и стабильность власти при демократической системе. А это значит, что оппозиция должна быть наделена всеми возможными средствами самовыражения, позволяющими ей составлять противовес власти большинства. Где нет оппозиции, нет и демократии».

Кроме того, как подчеркивает профессор Дюверже, любое избранное большинством голосов демократическое правительство, придя к власти, тотчас же находит себя существенно ограниченными существующими и установленными до него законами

«Демократическое правительство ограничивается конституцией. Этим демократическое государство отличается от деспотического, правители которого не ограничены ничем, кроме собственных своих желаний. За тем, чтобы правительство следовало конституции следит парламент, который сам подчинен конституции».

Чтобы весь этот конституционный механизм демократии действовал, необходимо еще одно разделение власти — полностью независимый от правительства суд:

«Независимый суд гарантирует соблюдение законов на любом уровне власти. Независимость судей от парламента и правительства — важнейший аспект демократического разделения власти. Именно суду дано право останавливать

руку правительств, когда они допускают произвольные обыски или аресты, вмешиваются в свободу прессы или нарушают какие-либо другие из прав человека. И в этой области, как и во многих других, демократия все еще далека от совершенства, но и здесь она бесконечно выше автократий, где судьи оказываются всего лишь исполнителями правительственных беззаконий, прикрываемых иногда так называемой «народной справедливостью».

Современные разного идеологического толка диктаторы, притворяясь демократами, поступают диаметрально противоположным образом: они сводят к нулю возможности общественного контроля над властью и неограниченно расширяют средства воздействия правительства на образ мыслей и поведение отдельных граждан.

«Диктатура, — сказал Морис Дюверже, — которая устанавливает власть одной партии и ставит суд в зависимость от собственной милости, может позволить себе роскошь принять конституцию, которая чрезвычайно демократична по видимости. Подобную ситуацию можно, к сожалению, наблюдать сегодня у многих народов. В прошлые времена подобным же образом узурпатор женился на вдове или дочери короля, которого сам же и убил, чтобы придать своей власти хотя бы видимость законности».

Ленин захватил власть, обвинив Временное правительство в том, что оно не собирает демократически избранное Учредительное собрание, а затем сам же это собрание и разогнал; Гитлер сам устроил поджог здания германского парламента — рейхстага, чтобы обвинить в этом своих политических противников и самого себя сделать «фюрером». Подобного сорта манипуляции с демократией представляют собою величайшую опасность нашего времени. Диктаторы устраивают фальшивые референдумы и играют во всеобщие выборы. Поэтому так важно, по мнению Дюверже, следить не только за формальными признаками демократии, но и за соблюдением присущих ей этических принципов, которые предполагают неукоснительное соблюдение прав человека.

«Если какое-либо государство перестает уважать права человека, это уже — не конституционное государство, как бы при этом ни выдерживались формальные признаки де-

мократии. Такое государство будет противоречить системе ценностей, ради которых демократия и существует. Страны, в которых их собственная конституция превращена в клочек бумаги, совершенно так же поступают и с международными конвенциями, которые они ратифицировали или за которые голосовали в Объединенных Нациях «Всеобщая декларация прав человека» остается всеобщей только по названию, и ее влияние не переходит границ тех государств, где практикуется охарактеризованная выше политика».

Лакмусовую бумажку, при помощи которой легче всего отличить подлинную демократию от минимой, Морис Дюверже видит в плюрализме.

«Свобода — это прежде всего свобода для других. Свобода оказывается в опасности, когда кто-либо обнаруживает склонность считать свои верования единственно допустимой истиной. Тенденция некоторых современных идеологий выступать от имени псевдо-научных истин содействует нетерпимости. Следует твердо усвоить, что плюрализм не ограничивается вежливым отношением к тем, кто неправ, со стороны тех, кто прав. Разделение правды, и истины между людьми — в этом самое существо и правды, и истины. Не все мнения равноценны, не все мнения заслуживают одинаковой поддержки; но ни одна партия не располагает монополией на истину. Каждый должен помнить, что правда, исповедуемая другим человеком, необходима ему самому, какой бы ограниченной ни казалась эта правда... Этика демократии выражается в изречении Паскаля: «Высказав какую-нибудь истину, следует добавить в конце, что и противоположная истина не забыта».

Морис Дюверже напомнил в своем докладе, что еще в XIX веке Карл Маркс выступил с критикой существовавшей тогда демократии, доказывая, что при капитализме, при резком имущественном неравенстве демократия оборачивается одной лишь фальшью. Еще резче то же самое уже в нашем столетии повторял Ленин. Но, как показал опыт Советского Союза, обобществление средств производства отнюдь не влечет за собою автоматического расширения демократических прав и свобод.

«К тому времени, когда Ленин начал свой эксперимент, либеральные народы уже достигли существенного прогресса

на пути к реальной демократии благодаря повышению жизненного и культурного уровня рабочего класса, благодаря формированию обществ всеобщей материальной обеспеченности и безопасности. В противоположность этому ленинский коммунизм привел к диктатуре и экономической неэффективности, из которых он, по всей вероятности, в ближайшее обозримое время не выберется. Трудящиеся демократических стран теперь уже полностью уяснили себе подлинную природу режимов Восточной Европы и следовать их примеру не собираются».

Среди многих других интересных докладов, представленных на коллоквиуме в Страсбурге, был и доклад члена «Афинской академии» Георгеса Влахоса «Критерии демократии в эру государства благосостояния». Доклад посвящен глубоким структурным переменам в передовых демократических обществах и государствах. Они стали настолько богаты, что взяли на себя обязательство обеспечивать всем своим гражданам определенный минимум достатка. Каждый гражданин наделен теперь не только всей полнотой гражданских и политических прав, обычно называемых «правами человека», но и возможностью получать от общества питание, жилище, медицинскую помощь и страхование в случае болезни или по старости, если он в этом действительно нуждается. В современных демократических обществах есть, конечно, богатые и бедные, но никто не умирает от голода и не лишен крова «Государства благосостояния», как теперь очевидно, сумели гораздо лучше разрешить социальные проблемы жизни, чем страны так называемого «реального социализма», т. е. СССР и страны Восточной Европы. Однако, в связи с возникновением «государства благосостояния», демократия переживает сейчас глубокие и подчас болезненные структурные перемены. В своем докладе Георгес Влахос сказал:

«Современный период нашей истории отмечен двумя главными явлениями, которые мы наблюдаем в развитых и развивающихся странах. это, во-первых, принцип «благо-

состояния», а, во-вторых, невиданное прежде при демократических режимах вмешательство государства в те сферы жизни, которые прежде считались исключительной прерогативой частного предпринимательства. Сочетание этих двух новых явлений имеет своим результатом возникновение нового типа общества и в то же самое время — новой формы государства и правительства, во многих отношениях противоположной традиционным принципам либерализма и парламентской демократии... Как всем нам хорошо известно, теоретическим базисом либеральной демократии почти повсеместно было отделение государства от общества, причем мыслилось общество как автономное взаимодействие частных индивидуумов. Это отделение опиралось на идею, что если предоставить обществу свободной игре содержащихся в нем сил, то оно стихийно, бесконтрольно, беспланово достигнет и наилучших результатов. Что же касается государства, то его функции стремились свести к минимуму. Обязанностью правительства оставалось всего лишь наблюдать за тем, чтобы конкуренция между отдельными членами общества не переходила установленных законом пределов. Этот принцип стремились перенести на всю жизнь общества, на всю совокупность отношений между обществом и государством».

Однако, по мнению Георгеса Влахоса, либеральная модель демократии все больше обнаруживает свои несовершенства. Впервые эти несовершенства стали очевидными в конце XIX-го века в классической стране демократии — в Соединенных Штатах. Общество вынуждено было тогда признать тот факт, что свободная конкуренция между отдельными индивидуумами, предоставленная самой себе, вовсе не обязательно ведет к непрерывному улучшению продуктов производства при минимальных рыночных ценах на эти продукты. Оказалось, что стихия рынка ведет к образованию монополий, а монополии, разоряя и поглощая более мелких конкурентов, добиваются возможности навязывать потребителю изделия худшего качества по самым дорогим ценам. Тогда, еще в последнем десятилетии XIX-го века, в Соединенных Штатах были приняты «анти-трестовские законы», которые с тех пор несколько раз конкретизировались и усиливались. Но тем самым было

допущено серьезное отступление от доктрины классического либерализма. Было признано фактически, что вмешательство государства необходимо — не для того, чтобы ликвидировать конкуренцию, а чтобы сохранить ее стимулирующий характер. Но это было только начало. Демократия стала менять свое лицо. Введение принципа «благополучия» значительно ускорило этот процесс, поскольку оно стало возможно только благодаря государственным налогам с целью перераспределения доходов. Теперь во время избирательных кампаний в демократических обществах граждане больше всего интересуются вопросом о том, какой политический деятель или политическая партия смогут наилучшим образом разрешить экономические проблемы. В обществе классического либерализма такая постановка вопроса показалась бы нелепой. Правительство в экономическом регулировании тогда почти не участвовало. В докладе Георгеса Влахоса поставлен в связи с этим вопрос.

«Что же осталось от тех принципов, которые при либеральной демократии были почти священными? Осталась, несомненно, глубокая преданность либеральному наследию, гражданским свободам и правам человека. Однако в наши дни демократия существенно расширилась, добавив к этим правам и свободам также гарантии экономических, социальных и культурных прав граждан. Но одновременно оказались разрушены барьеры, достаточно надежно оборонявшие общество от вмешательства правительственной администрации. Возникла опасность перерождения демократии в авторитарное государство».

Так сформулировал Георгес Влахос тот «парадокс», на который натолкнулась демократия в постиндустриальную эпоху. Но, по его мнению, это — именно парадокс, а не тупик. Демократия способна его разрешить, обеспечивая каждому гражданину максимально полную возможность активного участия в обсуждении и принятии всей совокупности государственных решений, обеспечивая возможно более полный контроль граждан над деятельностью избираемых ими правительств.

«На протяжении XVIII-го и XIX-го столетий, — сказал Г. Влахос, — не раз появлялась мысль, что подлинной демократии и подлинной свободы можно достичь в нашем

мире лишь в результате отмирания государства как органа принуждения — либо постепенного и мягкого, либо быстрого и насильственного. Это критическое отношение к государству было возможно в прошлом лишь при условии, что государство было отделено от общества и функционировало только как сдерживающая сила на случай, когда действия отдельных индивидуумов или групп превысят положенные законом пределы».

Так, по словам Георгеса Влахоса, было и на его родине — в Греции. В XIX веке там развивалась либеральная демократия. Общество внимательно следило за тем, чтобы органы государства никогда и ни в чем не превышали предоставленных им полномочий. Однако после II мировой войны история Греции развивалась достаточно бурно, что в конце концов привело к диктатуре «черных полковников», к одному из самых жестких диктаторских режимов в Европе, вне границ советского блока. 21 апреля 1967 года в Греции была восстановлена демократия. Новая конституция Греции, в отличие от прежней, гарантировала гражданам не только политические и гражданские, но также и социальные, экономические и культурные права. Но в то же самое время новая конституция значительно расширила сферу компетенции государственной власти. Пытаясь обезопасить греческую демократию на будущее от тех потрясений, которые привели к диктатуре «черных полковников», новая греческая конституция в чем-то приблизилась к социально-политическому строю коммунистических режимов, где, как известно, никакой действительной демократии нет. В докладе Георгеса Влахоса говорилось:

«Каждому становится ясно, что в наше время экономический прогресс перестал быть автоматическим, что он все больше становится результатом планирования, в котором призваны принять участие и государство, и общество. Вопрос заключается лишь в том, должно ли это планирование осуществляться сверху, государством и его учреждениями, что, по всей вероятности, будет способствовать неуклонному усилению авторитарного вмешательства государства в общественную и частную жизнь, либо, наоборот, прежний барьер между государством и обществом исчезнет, и это приведет к более активному вмешательству различных

общественных организаций и индивидуумов в выработку планов, в принятие государственных решений, в действенный контроль над государственными учреждениями»

Только второй из намеченных им двух путей, как убежден Георгес Влахос, может способствовать развитию творческой инициативы населения и свободному развитию каждого члена общества. Функции государственного управления могут сколько угодно расширяться, но уважение к правам человека должно оставаться нерушимым базисом всего общественного строя. Иначе неизбежно получится не плановое развитие, а социально-политический тупик, как это видно на примере стран, где восторжествовали авторитаризм и тоталитаризм.

Однопартийная политическая система — это не демократия, а диктатура. О политическом плюрализме, о многопартийности как необходимом признаке демократического устройства говорил в своем докладе «Демократический процесс принятия политических решений» бывший министр иностранных дел Нидерландов Макс ван дер Стул.

Всем в Советском Союзе, вероятно, памятно, что Ленин создал «партию нового типа». Новшество состояло в том, что членами партии могут становиться лишь тщательно отобранные люди, готовые и способные неукоснительно выполнять партийные решения. Такая партия добивается любыми средствами своего прихода к власти, а затем, — опять-таки любыми средствами, — добивается того, чтобы не выпустить власть из собственных рук. Созданная Лениным партия «нового типа» была коммунистической. Ее своеобразное устройство обосновывалось тем, что выдвигаемые ею цели непосредственно выражают поступательное движение самой истории. Но история показала, что партии «нового типа» могут быть не только коммунистические. Аналогичным образом были устроены, например, и национал-социалистическая партия в Германии, и партия итальянских фашистов. Общая особенность всех этих партий состоит в том, что, захватив власть, они не стесняются в средствах, чтобы ее удержать.

Режимы, которые они устанавливают, — всегда однопартийные.

Партии, о которых говорит в своем докладе Макс ван дер Ступ, ничего общего с «партиями нового типа» не имеют. Он подчеркнул, что процесс принятия политических решений может быть признан демократическим только при том условии, что он осуществляется посредством борьбы и конкуренции различных политических концепций, которые представляются и проводятся в жизнь несколькими партиями

«Борьба против авторитаризма победой во Второй мировой войне не завершилась. Мы еще далеки от осуществления мечты американского президента Вудро Вильсона о мире, в котором демократии ничего не будет грозить. Демократию подстерегают опасности извне, поскольку в современном мире демократические государства составляют всего лишь меньшинство. Но есть также и внутренние опасности, ибо демократические системы могут оказаться роковым образом ослаблены, если они не разрешат противоречий, на которые они наталкиваются на современном этапе собственного развития».

Анализу внутренних трудностей, на которые наталкиваются сегодня демократические общества как общества плюралистические, многопартийные, и посвящен, в основном, доклад Макса ван дер Стула. Прежде всего, при современных демократиях функционируют не только разные партии. Огромную роль играют также и так называемые «групповые интересы». Они могут быть самые разнообразные и часто находятся в конфликте. Рабочие заинтересованы в том, чтобы получать как можно более высокую плату, а предприниматели — чтобы платить им меньше. Фермеры добиваются, чтобы цены на сельскохозяйственные продукты оставались высокими, что, конечно, не соответствует интересам всего остального населения. Каждая такая имеющая общий интерес группа в демократическом обществе создает собственную организацию или множество организаций, чтобы соответствующим образом воздействовать на государственное законодательство и принятие политических решений. Иногда эти организации очень могущественны — например, профсоюзы или федерации предпринимателей.

От них в значительной степени зависит, какая именно партия победит на очередных выборах. Кроме того, Макс ван дер Стул говорил в своем докладе о наличии в демократических обществах различных движений, стремящихся воздействовать на государственное законодательство в каком-нибудь определенном направлении, не связанном непосредственно с частными материальными интересами:

«Поистине во всех демократических государствах сегодня мы находим, например, феминистское движение, движение за охрану окружающей среды и, наконец, но не в последнюю очередь — движение за мир. Они могут быть разделены на множество организаций, но между ними есть одно общее: все они добиваются какой-нибудь одной определенной цели. Они устраивают демонстрации, собирают подписи под петициями, чтобы привлечь внимание общественного мнения, чтобы оказать давление на правительства, парламенты и партии».

У каждой политической партии есть, конечно, своя программа, в каком направлении следует вести развитие данного государства. Но, чтобы реализовать свою программу, партия должна стремиться завоевать максимальное количество мест в парламенте и получить право составить правительство. И каждая партия может добиться этого, лишь привлекая на свою сторону возможно большее число разнообразных, борющихся между собой, частных интересов. Но во всем этом сложном политическом механизме, — говорил в своем докладе Макс ван дер Стул, — есть источник равновесия. Партия наверняка проиграет на выборах, если она готова будет принести интересы всего общества в жертву интересам какой-нибудь определенной группы: ведь такие партии представляют, как правило, меньшинство, а на выборах может ожидать победы лишь та партия, программа которой совпадает с общенациональными интересами, то есть, говоря иными словами, с интересами большинства. Кроме того, как подчеркивал Макс ван дер Стул, депутаты демократических парламентов или даже члены правительства при демократической многопартийной системе не обязаны во всех случаях голосовать так, как того требует программа партии, от имени которой они были избраны. Депутаты демократических парламентов подотчетны прежде всего

своим избирателям и при всех условиях должны стремиться к тому, чтобы не отклоняться от точки зрения большинства избирателей.

«Партии не гарантированы от ошибок и фактически часто делают ошибки. Их роль в парламенте, помимо законодательства, заключается в том, чтобы контролировать действия правительства. Но можно задать классический вопрос: кто же будет контролировать этих контролеров? И нельзя ответить просто: партия как организация или партийная фракция парламента как автономная единица. Ответ, как мне представляется, заключается в том, что партии контролируют друг друга. Каждый просчет, допущенный одной из них, беспощадно разоблачается другой. Кроме того, в демократическом государстве существует нерасторжимая связь, объединяющая все партии: их обязанность отражать в своих действиях общую волю граждан, поддерживать и укреплять демократический процесс принятия политических решений. И этот общий долг, как свидетельствует опыт поколений, оправдывает нашу уверенность, что система парламентской демократии докажет свою жизнеспособность и в будущем».

Один из разделов доклада Макса ван дер Стула озаглавлен: «Вызов демократии со стороны антидемократических сил». Есть ли в демократических обществах силы, которые вольно или невольно стремятся разрушить существующий порядок, воспользоваться правами человека во зло, ввергнуть демократию в анархию? Макс ван дер Стул показал, что такие силы есть. Прежде всего, это — терроризм. Террористы пытаются воспользоваться гуманистическими установками, которые составляют фундамент демократических конституций. Они, например, захватывают заложников — как правило, ни в чем не повинных людей, — и, угрожая убийством, пытаются диктовать определенные требования демократическим правительствам. Ясно, что при анти-демократических режимах такая тактика террористов едва ли была бы мыслима: диктаторы гораздо меньше ценят человеческую жизнь, если, конечно, это не их собственная жизнь или жизнь их ближайших сообщников. И действительно, террористам временами удавалось всерьез колебать устои западных де-

мократий. Но, как подчеркивал Макс ван дер Стул, этот тяжелый период почти миновал:

«Любой акт терроризма, какую бы форму он ни принимал, безусловно бросает вызов демократической системе. И самые решительные действия, направленные против такой опасности, конечно, оправданы. С другой стороны, следует противиться искушению приостановить или урезать некоторые демократические права и свободы ради того, чтобы более действенно бороться против терроризма. Угрозу, которую представляет для демократии терроризм, нельзя ликвидировать посредством мер, несовместимых с демократией. Поступать таким образом — значило бы делать именно то, что хотят от нас террористы».

И действительно, ни одна из демократических стран, как бы сильно не страдала она от террористов, не ослабила законодательства, регулирующего действия следственных органов и полиции с тем, чтобы они не нарушали принципов свободы и неприкосновенности личности. В то же время рука демократического правосудия стала наступать на террористов гораздо чаще и успешнее, чем это было раньше.

Макс ван дер Стул говорил также о той опасности для демократии, которую несут с собой различные откровенно антидемократические партии и политические течения. Это — всякого рода крайне правые или крайне левые группировки, которые под разными идеологическими предлогами стремятся заменить демократию авторитаризмом. О том, как следует с ними поступать, на Западе идут споры. Но ясно только одно даже и откровенно анти-демократические взгляды, пока они не переходят в действия, не могут быть подвергнуты запрету или цензуре. В докладе Макса ван дер Стула говорится:

«На практике, однако, ситуация с анти-демократическими партиями, когда они стремятся достичь своих авторитарных целей чисто демократическими методами, встречается не столь уж часто. Такие политические течения обнаруживают склонность либо нарушать законы и прибегать к насилию, либо вуалировать свои враждебные демократии цели тем, что они будто бы хотят всего лишь „оздоровить“ демократию. Примечательно в этой связи, что разного сорта диктаторы часто заявляют о своих намерениях спасти демократию от

грозящих ей бопезней, вводя при этом на неограниченное время бесконтрольную, не регулируемую законом впасть. Против подобных мнимо-демократических, а на деле авторитарных течений никакая система законодательных запретов работать не может. С другой стороны, демократические партии могут добиться, внушая избирателям, что они допжны быть бдительны, разоблачая перед избирателями действительную анти-демократическую сущность такого рода попитических течений».

Демократия предпоагает социальное равновесие, которое всегда несет в себе элемент неустойчивости. Прочность демократии в конечном счете определяется тем, что ее сохранение соответствует жизненным интересам большинства населения. Если правительство покушается на права и свободы большинства, хотя бы во имя сохранения «порядка», оно пшает себя моральных оснований требовать от населения, от граждан, чтобы они уважали законы, которые оно само не уважает. Тогда, действительно, остается лишь две возможности — либо жестокая диктатура, либо хаос и анархия. Это, кстати сказать, и видно на примере современной Польши: введя единожды «военное положение», генерал Ярузельский пшил себя силы отменить его не на сповах, а на деле.

(Продолжение в следующем номере)

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

Б. Вайль

ПОСЛЕСТАЛИНСКАЯ ССЫЛКА В СИБИРЬ*

Исторически ссылка появляется у народов после остракизма, т. е. высылки. Во многих языках вообще нет слова «ссылка» и там употребляется слово «exil», что по-русски означает высылка, изгнание. Поэтому для понятия «ссылка» в русском смысле там добавляется прилагательное «внутренняя» — «внутренняя ссылка», и что это такое — не всегда понятно западным людям.

Для того, чтобы отправлять людей во внутреннюю ссылку, надо иметь такие районы страны, где, очевидно, должно быть в каких-то отношениях хуже, чем в тех районах, откуда ссылают. В Советском Союзе, по старой традиции, это Сибирь (включая Дальний Восток), Казахстан, Север Европейской части СССР.

Впрочем, согласно официальному советскому объяснению, смысл ссылки состоит не в том, чтобы направить человека в худшие условия, а в том, чтобы вырвать преступника из преступной среды, из преступного окружения, поместить его в новую среду, где он мог бы исправиться.

---

* Доклад на международном коллоквиуме «Сибирь», Париж, май 1983. Публикуется с разрешения Centre National de la Recherche Scientifique, Institut d' etudes slaves.

Однако, почему-то эта новая среда, как правило, должна находиться за Уралом. Может быть, там живут более сознательные граждане, менее склонные к преступлениям, чем, скажем, в Европейской части СССР?

Сами сибиряки — и мне не раз приходилось с этим столкнуться — болезненно реагируют на то, что к ним ссылают тех, кого считают преступниками. Значит, — спрашивают они, — и мы, что ли, сами ссыльные? Значит, наш край настолько плохой, что именно сюда надо ссылать? Эти вопросы ставят чаще всего не «простые люди», а представители так называемого «среднего звена управления». Они кое-чего добились в жизни, но сам факт, что они постоянно живут в Сибири — в краю, куда ссылают, рождает в них комплекс неполноценности.

По контрасту с этим можно представить себе, что жители западноевропейских стран, куда стремятся попасть беженцы из Восточного блока, должны чувствовать некое моральное удовлетворение от того факта, что именно в их среду мечтают попасть эмигранты, сюда иной раз бегут, рискуя жизнью. Но на самом деле это не так просто. В левых кругах Западной Европы существует комплекс, который можно обозначить высказыванием: «У нас *тоже* плохо». Поэтому некоторые левые говорят: мы не хотим, чтобы наша Дания (Голландия, Швейцария...) была для кого-то утопией, страной мечты, «анти-Сибирью». Их раздражает, что их страны идеализируются восточноевропейцами, также как некоторых сибиряков раздражает, что их родина считается правительством регионом второго сорта, где само пребывание — кара, наказание.

Сибирь всегда была местом ссылки и каторги, и в сталинское время сюда ссылались не только уголовные преступники, не только так называемые «члены семей контрреволюционных деятелей», сами эти «контрреволюционные деятели» («казры»), а также социалисты, троцкисты и т. д. В Сибири оказались целые социальные классы («кулаки»), и целые нации (этнические немцы, калмыки и др.), многочисленные представители прибалтийских народов. Рассмотрение их положения в сибирской ссылке не входит в тему настоящего доклада. Отмечу только, что все эти ссыльные получают возможность покинуть места ссылки не

сразу после смерти Сталина, а лишь в 1956-57 гг. Здесь, после XX-го съезда, на мой взгляд, проходит граница сталинского и послесталинского периодов в истории ссылки. Во всяком случае для большинства ссыльных именно эти годы оказались годами освобождения. Фактически эти люди были приговорены к пожизненной, вечной ссылке, но смерть Сталина и XX-й съезд продемонстрировали, что ничего вечного нет. Однако не все выжившие ссыльные могли вернуться на свою родину. Калмыки, сосланные в Сибирь, могли вернуться во вновь образованную Калмыцкую АССР, но этого не могли сделать немцы, поскольку правительство не захотело реставрировать Республику Немцев Поволжья.

Возможно, часть из немцев и не вернулась бы на Волгу, потому что они, более, чем другие сосланные народы, приспособились к жизни в Сибири. К тому же, многие захотели бы вернуться не на Волгу, а на родину своих предков — в Германию. Как бы там ни было, в Сибири по-прежнему живут бывшие ссыльные немцы и их потомки — в Омской, Новосибирской, Тюменской областях. Они считаются хорошими, дисциплинированными работниками. Более того, некоторые полагают, что успехи освоения целинных земель во многом обусловлены трудолюбием немцев. Здесь, в Северном Казахстане и в Омской области, немцев можно встретить на руководящих постах — таких, как директор совхоза и аналогичных. Ссыльные же калмыки, чеченцы и ингуши покинули Сибирь вскоре после 1956 года.

В 1957 году в СССР начинается кампания против «лиц, ведущих паразитический образ жизни», против так называемых «тунеядцев». Такие кампании периодически вспыхивают в СССР, и последний пример этому — кампания Андропова после его прихода к власти. Случайно или неслучайно, но кампания 1957 года совпала во времени с международным фестивалем молодежи и студентов в Москве. Этот фестиваль был большим событием для СССР (таким же, как и Олимпиада 1980 г.), тем более, если учесть, что страна в течение 30 лет находилась в изоляции от Запада. Возможно, первыми жертвами фестиваля в Москве, жертвами кампании против «тунеядцев», оказались девушки и женщины, легко вступавшие в связь с иностранцами, приехавшими на фестиваль. Власти подозрительно относятся ко всем, кто

вступает в неконтролируемые отношения с иностранцами, и, хотя связи этих девушек с иностранцами в данном случае не носили по политическому характеру, тем не менее тысячи девушек были сосланы в Сибирь в административном порядке. Я узнал об этом в Иркутской области, в поселке Чуна, где сам сидел в политическом лагере, а группа московских девушек жила в том же поселке. По рассказам очевидцев, сыпка не «исправила» их, а скорее наоборот — окончательно деморализовала. Они не хотели работать и занимались тем, что заманивали освобожденных заключенных (лагерь был большой и почти ежедневно кто-нибудь выходил на свободу; с другой стороны, еженедельно прибывали новые и новые заключенные с «воли»). Заманить же этих освобожденных зэков было нетрудно, поскольку годами они не видели женщин. Итак, они заманивали и спаивали их, обкрадывая или выманивая деньги и вещи. Их избы были, по существу, притонами. Из этих притонов бывшие заключенные выходили наутро без верхней одежды и без сапог. Местное начальство давно махнуло рукой на московских девушек, отчаявшись привлечь их к «полезному труду» и предоставив им свободу промышлять, как им заблагорассудится. Кажется, жертвы фестиваля жили не только в Иркутской области.

Жертвами кампании против туенядцев оказались также цыгане, ведущие кочевой образ жизни (против них тоже периодически ведется безуспешная борьба), но у меня нет данных, куда эти цыгане съезжались. Затем, верующие различных религиозных сект (если какие-то сектантские священнослужители содержатся за счет общины, то очень удобно трактовать их как «туенядцев»). Наконец, кампания против «туенядцев» использовалась властями и в политических целях. Наиболее известные случаи: сыпка поэта Иосифа Бродского в 1964 г. в Архангельскую область и сыпка историка Андрея Амаляка в 1965 г. в Томскую область. Амаляк делал встречи с им «туенядцев» на 4 типа:

1. пьяницы (не обязательно алкоголики) и наркоманы;
2. мастеровые, т.е., работавшие по вольному найму и какое-то время ни на какой официальной работе не числившиеся;
3. блатные;
4. верующие, интеллигенты и случайные люди.

Амальрик встречал среди «тунеядцев» совсем молодых людей — вчерашних школьников, и, с другой стороны, — людей пожилых, которым осталось всего несколько лет до пенсии.

Нет никаких данных о том, сколько же «тунеядцев» сослали в Сибирь с 1957 по 1965 годы (в октябре 1965 г. кампания против тунеядцев стихла, и, что важно для нас, их почти прекратили ссылать в Сибирь; их теперь должны были «перевоспитывать» на местах, но многие «тунеядцы» продолжали отбывать ссылку в Сибири и после 1965 года). Согласно одному сообщению, только из Москвы в 1961 г. было выслано 2 тысячи человек, но надо учесть, что «тунеядцы» высылались в Сибирь из многих городов и сел страны. Амальрик свидетельствует о своих встречах с многочисленными «тунеядцами», высланными из Краснодарского края, Свердловска, Сызрани и т. д. Он пишет, что большинство ссыльных было из провинции. Какими причинами диктовалась ссылка всех этих людей в Сибирь? Я не думаю, что интересы экономического развития Сибири играли здесь решающую роль. Скорее можно говорить об экономических проблемах СССР в целом: о борьбе за повышение производительности труда, о борьбе со «второй» экономикой («экономикой черного рынка») — борьбе безуспешной, ведущейся и поныне. И, разумеется, идеологические догмы, вроде «кто не работает (на государство), тот не ест». Заметим, однако, что по свидетельству Амальрика (да и по моим наблюдениям), ссыльные в Сибири, направленные в колхозы и совхозы, были там совсем не лишней рабочей силой, учитывая, что сибирское село уже тогда переживало отток крестьян в города и нехватку рабочих рук. С тех пор положение в сельском хозяйстве Сибири (как и в Европейской России) в этом аспекте заметно ухудшилось.

Прибыв в 1971 г. в село Ухват Тюменской области (это в 150 км к северу от Тобольска) в качестве ссыльного, я мог бы найти работу (физическую) в разных организациях (Ухват — райцентр), но работу с жильем — только в совхозе. Ибо здесь несколько ведомственных — совхозных — квартир пустовало и, таким образом, жильем совхозное начальство могло привлечь людей к работе, а рабочих рук в совхозе не хватало. Пока человек работает в совхозе, он имеет право жить в

ведомственной квартире, уволившись же из совхоза, он рискует быть выселенным из нее.

Однако я не верю, что власти в СССР думали и думают об экономике сибирских совхозов, когда ссылают людей за Урал. Сельское хозяйство, хотя и является самым больным местом советского режима, но не на него в первую очередь обращено внимание правительства. Если не говорить о военной промышленности, то традиционными фаворитами советского государства являются тяжелая индустрия, энергетика, переработка полезных ископаемых и т. д. Ленин увлекался электрификацией, Сталин — каналами, Хрущев объявил программу «химизации» промышленности. Последний период правления Хрущева связан с новостройками химической промышленности, и тут мы подходим к интересному и новому феномену в советской пенитенциарной политике — к феномену «химиков». Кто такие «химики» — в жаргонном употреблении этого слова?

Человека судят обычным судом за любое (не очень «тяжелое») преступление, и в приговоре указывают, что он приговаривается к нескольким (до пяти) годам лишения свободы «условно, с обязательным привлечением к труду в местах, определяемых органами, ведающими исполнением приговора». Это один путь стать «химиком». Второй: человек сидит в лагере, и когда он отбыл две трети (в других случаях — три четверти) своего срока и «вел себя хорошо», то его могут направить отбывать оставшийся срок в эти самые «места, определяемые органами и т. д.», или, как иногда говорят, «на стройки народного хозяйства», а на жаргоне — на «химию».

Эта практика существует с середины 60-х годов и поныне. Направлялись эти условно-осужденные и условно-освобожденные первоначально на стройки химической промышленности — отсюда и пошло жаргонное слово «химик».

«Химиков» собирают в центрахстроек (или промышленных комбинатов), поселяют в специальных общежитиях, в каждом из которых имеется комендатура местного управления внутренних дел (МВД). Комендатура осуществляет пристальный надзор за жизнью «химиков». Как и ссыльные, «химики» свободны в пределах данного города или поселка, но они не могут, как и ссыльные, покинуть его. Отъезд из

этого города будет рассматриваться как побег, и «беглец» будет отправлен в лагерь. Но положение «химиков» хуже, чем положение ссыльных, по нескольким причинам. Во-первых, они должны жить в определенном здании. Во-вторых, они должны работать в определенном месте и исполнять ту работу, которую им прикажут делать (если инженеру прикажут носить носилки с цементом, он не может отказаться). И в-третьих, в случае «плохого поведения» (невыход на работу, неподчинение мастеру или коменданту и т. д.) его могут — по суду — направить в лагерь на тот срок, который указан в приговоре по его делу. А то время, которое он провел на «стройке народного хозяйства», может засчитываться, полностью или частично, в его срок, а может и вовсе не засчитываться — этот вопрос каждый раз решает суд. Таким образом, «условный» срок наказания может оказаться «безусловным». Да и саму работу на стройке в таких условиях даже некоторые советские юристы считают не «условным», а вполне реальным наказанием (см. напр., «Вестник Московского университета», сер.11, 1982, N2, стр. 21).

Я встречал «химиков» в разных частях СССР и в разные годы. Будучи ссыльным, я жил с ними в одном общежитии в Тобольске. В Тобольске при мне начал строиться огромный нефтехимический комплекс. Этот большой комбинат должен был перерабатывать нефть и газ, идущие с Севера — из Уренгоя, Нефтеюганска и т.д. Строительство этого комбината еще полностью не закончено, но о нем писали как о крупнейшем в мире. Строили этот комбинат «химики» (не только они, но именно они были в начале ударной силой, ядром строителей). Я уехал из Тобольска по окончании моей ссылки в 1975 году, а «химики», конечно, оставались там, и, я полагаю, они работают там до сих пор.

Живут «химики» обычно по 5-8 человек в одной небольшой комнате — бедно, убого; зарплату, впрочем, они получают такую же, как и их «вольные» коллеги. К «химикам» редко приезжают их семьи: жить негде. Весь их быт неустроенный, полу-лагерный, как на «пересылке», хотя живут и работают они на стройках по 2-3 года и более. Их труд носит принудительный характер (что-то подобное было в СССР в 20-е годы и называлось тогда «ссылкой с принудительными работами»), и перед каждым из них витает

как угроза мрачный призрак лагеря. И примерно 10% из них (там, в Тобольске) в лагерь попадали.

В Сибири нехватает рабочих рук, вольные люди не очень-то хотят туда ехать, и советское государство сочло целесообразным посылать туда этих полу-рабов. Для них не надо строить детсадов, школ и вообще нормального жилья, для них нужно только место, где спать. С другой стороны, не нужна и колючая проволока, вышки и собаки: в этом смысле посторонний взор не отличит «химика» от обычного рабочего.

Взаимоотношения «химиков» с местным населением не очень отличаются от взаимоотношений «тунеядцев» и «ссылных», и этого вопроса я коснусь ниже.

Сколько всего «химиков» в СССР? Эмигрировавший на Запад бывший советский адвокат Ф. Незнанский утверждал, что в 1977 году их было более полумиллиона. Другие утверждают, что их значительно больше. Во всяком случае, я считаю, что их больше, чем ссылных. По моим наблюдениям, «химики» — по преимуществу рабочие по своему социальному положению, и в возрастном отношении среди них преобладают люди от 20 до 40 лет.

Преступления, за которые они попали на «химию», почти всегда связаны с хулиганством.

Что касается нынешних ссылных, то их типы несколько иные, чем во времена ссылки Амальрика. Я встречал в начале 70-х годов и «тунеядцев», но они составляли незначительное меньшинство среди других ссылных. Сейчас чаще встречаются «алиментчики», т. е. люди, приговоренные к ссылке за то, что после развода они уклонялись от выплаты алиментов на детей, живущих с их бывшими супругами. У некоторых из них уже были новые семьи и дети от нового брака, и высчеты (до 33%) больно ударяли по карману. Эти люди тоже были, как правило, рабочими или колхозниками, и в ссылке они искали дополнительных («левых») заработков, чтобы компенсировать высчеты из своей зарплаты. Реже встречаются среди ссылных люди, осужденные за «частнопредпринимательскую деятельность». С 1968 года власти начинают применять ссылку (в виде основного наказания) к диссидентам. Первый известный случай — приговор по делу демонстрации 25 августа 1968 года — демонстрации протеста против советской интервенции в Чехословакию. Павел

Литвинов, Лариса Богораз и Константин Бабицкий получили от 3 до 5 лет ссылки (Литвинов попал в ссылку в Читинскую область, Лариса Богораз — в Иркутскую обл.)

В 1970 году меня и моего товарища тоже приговаривают к 5-летней ссылке за распространение Самиздата. Однако такие случаи в последнее время встречаются все реже, и ссылка все чаще применяется не как основное, а как дополнительное наказание: т. е. человека приговаривают, скажем, к 5 годам лагерей с последующей ссылкой на 5 лет. Таким образом можно усилить, утяжелить наказание. Максимальное наказание по делам об «антисоветской пропаганде» в этом случае — 15 лет: 10 лет лагерей плюс 5 лет ссылки, а если речь идет об «измене родине» или о «заговоре, с целью захвата власти», то и 20 лет: 15 лет лагерей плюс 5 лет ссылки. Такой суровой практики — комбинации наказаний — не было при Хрущеве.

В отношении же уголовных преступников дополнительное наказание в виде ссылки применяется практически уже 60 лет, хотя и неко всем осужденным. Поэтому следует помнить, что в послесталинский период в ссылке, кроме «тунеядцев», верующих и других, всегда были обычные «блатные», направленные в ссылку после тюрьмы или лагеря.

Места, избираемые властью для ссылки, охватывают большинство областей Сибири и Дальнего Востока. Особенно излюбленны Якутская АССР, Томская, Иркутская, Тюменская области, Красноярский край; на Дальнем Востоке — Магаданская область. Зато нет никаких сведений, чтобы ссыльных отправляли на Сахалин или Камчатку. Сейчас это стратегически важные и режимные области, и они, видимо, более не используются как места ссылки.

Что касается «химиков», то, как я уже сказал, использование их принудительного труда обусловлено экономическими потребностями развития Сибири, и они направляются туда, где ведутся стройки. Ссыльные живут разбросано в Сибири, большей частью в деревнях и совхозах, химики же живут компактно в районах новостроек. В Тюменской области ссыльные живут, как правило, в сельской местности и, в основном, к северу от Тобольска. А в самом Тобольске я был единственным ссыльным, тогда как «химиков» — в связи со строительством вышеупомянутого «Гиганта на Иртыше» —

были сотни. И ссыльных и «химиков» везут в места назначения, как правило, по этапу — т. е. по тюрьмам-пересылкам, в арестантских вагонах, в ужасных — без преувеличения — условиях. Парадокс советской практики по отношению к ссыльным и «химикам» состоит в том, что людей, приговоренных к наказанию, «не связанному с лишением свободы», или людей, «условно» осужденных, содержат и транспортируют как обычных заключенных. Другой парадокс: за побег из ссылки человек приговаривается к лишению свободы до 2 лет (чаще всего дают 1 или 2 года) и его отправляют в лагерь. (В царской России за побег из ссылки приговаривали к ссылке же, но в более отдаленные места).

Я встречал в Сибири людей, которые были приговорены за 10 лет до этого к 3 или 4 годам ссылки. Но они бежали оттуда, их ловили, отправляли в лагерь, после лагеря их отправляли в ссылку, откуда они снова бежали, т. е. их срок заключения был практически бесконечным. Подобных людей встречал в Сибири и Амальрик.

Если приговоренный к ссылке имеет семью и если его семья хочет жить с ним в ссылке, то возникают проблемы с жильем (одиному кое-как удастся устроиться в общежитии, семье же найти жилье значительно труднее). Притом, если семья едет к ссыльному, то она потеряет жилплощадь там, откуда приезжает, и не сможет вернуться туда после окончания срока ссылки.

В царское время политические ссыльные работали часто на руководящей, как сейчас говорят, работе: в губернских канцеляриях, в редакциях газет, работали учителями. Смешно даже и представить себе, чтобы нынче такая работа могла быть предоставлена ссыльному.

В Тобольске, Ярутоловске и других сибирских городах можно видеть дома, в которых жили ссыльные декабристы. В некоторых из них сейчас живут по несколько семей, а в самом небольшом размещен теперь детский сад. Нынешнее жилье ссыльного — койка в общежитии, реже комната, снимаемая у частных хозяев.

Особенно тяжело приходится ссыльным-инвалидам и просто больным людям. Политссыльный, инвалид 2-й группы Павел Кампов в августе 1976 года прибыл в пос. Комсомольск

Томской области. 12 суток ничего не ел, т. к. денег у него не было. Работу по специальности ему не давали. Жить ему тоже было негде. «По поводу своего жилья, — писал Кампов в жалобе на имя Суслова, — я обращался к начальнику милиции, прокурору, был на приеме у первого секретаря райкома КПСС... Все разводят руками. Я — без средств существования, голодный, без одежды, без квартиры, больной инвалид. За 8000 км от родных мест». В частном письме Кампов писал: «Мне там (в лагере) было лучше. Хотя бы помои давали, но теплые, а тут ничего... Сколько лиц в стране существует, чтобы выполнять карательные функции по отношению ко мне, а нет ни одного, чтобы помочь... Тут так страшно все пьют, что это уму непостижимо. Пьют даже женщины. Нету дня без ЧеПе. А я чувствую (себя), как на фронте. Не знаю, что будет через час». Жалоба Кампова Суслову помогла — через 3 месяца он получил комнату в общежитии, но госпитализировать его в Томскую больницу врачи отказались («у нас достаточно своих»).

Взаимоотношения с начальством у каждого ссыльного складываются по-своему. У меня лично не было никаких претензий к милиции, но были — к работникам КГБ. В целом милицее и производственному начальству смотрит на ссыльных (я имею в виду политических ссыльных) терпимее, чем аналогичное начальство в Европейской части СССР на бывших заключенных. Я мог сравнить отношение к себе различного начальства в Тюменской области, когда я был там ссыльным (как бы еще преступником в его — начальства — глазах), с отношением к себе в Смоленской, Калужской и других областях, когда я уже был вольным гражданином, но *бывшим* ссыльным. Контраст разителен, и он — в пользу Сибири. Там, в краю, где к ссыльным давно привыкли, и отношение к ним, как к нормальным людям; напротив, какой-нибудь председатель колхоза на Смоленщине приходил в ужас, когда узнавал, что я был в ссылке по политическому обвинению. И как бы ни испытывал его колхоз нехватку в рабочей силе, он находил предлог, чтобы не брать меня на работу. В Сибири директор Тобольского винзавода и, разумеется, не рядовой член КПСС, гордился тем, что я работаю у него и демонстрировал меня своему начальству как какую-то музейную редкость. Наши отношения были прекрасными. В

этом смысле у меня остались хорошие воспоминания о Сибири. Может быть, мой опыт нетипичен. Если же взять отношения ссыльных с местным населением в целом, то надо учесть, что политссыльные составляют лишь меньшинство во всем потоке ссыльных в Сибири. А уголовные ссыльные («блатные») заслужили у местного сибирского населения недобрую славу. Речь идет не только о «тунеядцах», но и о тех уголовниках, которые в ссылке отбывали дополнительное наказание после лагерей. Обычно, оказавшись в сибирском селе после лагеря, безкопейки денег, они начинают воровать: стянут у местных жителей белье с веревки, залезут в погреб, украдут и съедят курицу и так далее. Один «тунеядец» рассказывал Амальрику, что сибиряки встречали ссыльных «тунеядцев» «сначала хорошо, говорили: мы сами бывшие ссыльные, но когда увидели, что за рвань и пьянь к ним прислали, то отношение резко изменилось; в Красноярском крае, где он был, крепкие мужики: бывшие кулаки, власовцы, латыши, не любящие праздного народа. Все сокрушенно кивали головами и приговаривали: „Да, испоганили Красноярский край, испоганили“».

С аналогичным отношением местного населения к ссыльным столкнулся я в Тюменской области. Расскажу об одном случае, происшедшем в селе Ухват в 1972 году. Местный тракторист ехал по улице села вечером под хмельком и с невключенными фарами. Чисто случайно он переехал насмерть женщину, лежавшую поперек дороги, — это была вдрызг пьяная ссыльная. Тракториста судили и приговорили к 4 годам лагерей. Я читал несколько необычный приговор по его делу: необычность была в том, что в приговоре, как на смягчающее вину обстоятельство, указывалось, что потерпевшая была ссыльной и нигде не работала. «Учитывая личность потерпевшей», — говорилось в приговоре, т. е. если бы это была не ссыльная, тем более нигде не работавшая, то подсудимый получил бы более суровое наказание (его статья предусматривает наказание до 10 лет лагерей). Из этого факта видно, как относятся власти к ссыльным, а отношение коренных жителей в этом смысле часто совпадает с мнением властей.

Особо следует остановиться на отношениях ссыльных с коренными сибирскими национальностями. Об этом у меня

мало материала; в той части Тюменской области, где я жил, наиболее представительное национальное меньшинство — сибирские татары. Они относятся к ссыльным так же, как и русская часть местного населения. Но одно я могу сказать: с сибирскими татарами я мог открыто, не боясь, обсуждать некоторые аспекты правозащитного движения — прежде всего проблему крымских татар. В этом вопросе мои собеседники были осведомлены и проявляли, конечно, большую заинтересованность, чем русские. Ясно было, что они сочувствовали борьбе крымских татар за возвращение в Крым. Сами же они воспринимали Сибирь как свою родину, хотя никакой особой культурной автономии сибирские татары не имеют.

Я побывал однажды в глухом селе Юрты к северу от Ухвата, населенном сплошь чувашами. Когда и почему чувашаи переселились в это село — осталось для меня загадкой. В этом селе чувашаи не потеряли своего языка, и некоторые из них выписывали журналы и газеты из Чувашии. В целом же жизненный уровень их был ниже, чем у русских или татар.

Находившийся в ссылке в Якутии украинский диссидент Чорновил дал описание национальных (точнее сказать — расовых) конфликтов между русскими и якутами. В качестве «белого» человека он воспринимался якутами и местными русскими как «русский». Чорновил описывает, как однажды в глухом селе (дело происходит в 1978 г.) группа пьяных молодых якутов окружила его и пыталась побить как русского: «Может быть, дело не кончилось бы только избиением и пришлось бы мне сгнить в болоте тайги, но меня спасло разъяснение, кто я такой... Большинство голосов решили „ссыльного не трогать” и оттащили меня от тех, кто был несогласен с таким решением». «20 июля (1979 г.) на меня снова пробовали напасть... Ожидая автобуса, я сидел над Вилюем, недалеко от речного порта, и читал газету. Меня окружили трое выпивших якутов средних лет и начали задирааться... Меня снова выручило слово „политический ссыльный”, от меня отстали, но дали совет: „Ты, мужик, быстрее мотай отсюда. Там ждут наши молодые. Они с тобой объясняться не станут, а хорошо отлупят”». Разумеется, как якуты нападают на русских, так и местные русские нападают на якутов. На фоне рассказов Чорновила, отношения между

датчанами и гренландцами в Гренландии должны казаться настоящей идиллией.

Обобщая все имеющиеся материалы и собственные наблюдения о нынешней ссылке, можно уверенно сказать, что она вряд ли «исправляет» преступников, по крайней мере, большинство из них. Условия, в которые попадает ссыльный, часто, наоборот, способствуют совершению новых преступлений (можно ведь понять человека, попавшего в ссылку без копейки денег и свернувшего голову соседскому петуху — ему ведь нечего было есть). Некоторые категории ссыльных не могут продолжать свою прошлую, так сказать, преступную, деятельность только потому, что в ссылке они находятся под большим контролем (это, например, «алиментщики»). Под неослабным контролем в ссылке находятся и диссиденты, поле их деятельности в ссылке крайне сужено, хотя бы уже потому, что местное население не интересуется проблемами прав человека. В этом смысле власти должны расценивать ссылку как удачный институт. С другой стороны, нельзя отрицать и некоторых позитивных последствий ссылки и для самих политических ссыльных и для местного населения. Ссыльные больше узнают о народе, о социальных и других противоречиях в стране; они завязывают порой отношения с местным населением и политически просвещают его. А сибирское население узнает, таким образом, больше об окружающем мире (напомню, кстати, что — по данным советских социологических опросов — 40% сельских жителей Новосибирской области никогда за пределы своей области не выезжало. Можно себе представить, каков кругозор этих людей).

Другое дело, что при нынешней практике, сейчас, как и в 30-е годы, диссиденты из ссылки попадают в лагерь и волевым образом им приходится быть очень осторожными в разговорах с местными жителями.

В советской юридической литературе время от времени вспыхивают дискуссии о целесообразности ссылки и «химии». В 1972 году один из советских юристов доказывал, что поскольку разница между различными районами страны исчезла, а современные средства связи сократили дальние расстояния, а также поскольку ссыльный живет в ссылке часто лучше, чем до нее, то и сам институт ссылки устарел.

Очевидно, все это не так, и власти это прекрасно понимают. А что касается «исправительных работ» на стройках народного хозяйства, то они доказали свою полезность для решения промышленных задач.

По-прежнему для СССР остается в силе определение ссылки, данное Малой Советской Энциклопедией в 1930 году (том 8): ссылка — это «мера социальной безопасности, средство устрашения политических противников, способ эксплуатации рабочих сил ссылаемых».

ТРИБУНА

**ПРОДАЕТСЯ
ВО ВСЕХ РУССКИХ
КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ**

ЦЕНА НОМЕРА 18 фр.фр.

**подписка на 10 номеров
(150 фр.фр.)**

принимается по адресу:

**31, Jardins Boieldieu
92800 Puteaux, France
M-me ZVORYKINE**

Балис Гаяускас*

КОНЦЛАГЕРЬ ОСОБОГО РЕЖИМА ДЛЯ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ

(УЧРЕЖДЕНИЕ ВС-389/36-1, пос. Кучино Пермской области)

Здесь нас — 31 человек. В прошлом году освободился И. Гель, его отправили в ссылку. Перевели на строгий режим или в другие концлагеря Иваненко, Кнапа, Лозинского, Д. Эббеева. За антисоветскую агитацию и пролаганду сейчас здесь — 15 человек, за военные преступления — 12, за попытку бежать из страны — 3, за шпионаж — 1.

Март Никлус, агитация и пропаганда, 10 лет лагеря + 5 ссылки. Болеет радикулитом. В апреле заперли его на год в одиночку. Его письма к матери не пропускают, и от нее (за исключением нескольких) он ничего не получает.

Виталий Калинин, агитация и пропаганда, 10 + 5. С прошлой осени — на год в одиночке.

Балис Гаяускас, агитация и пропаганда, 10 + 5. Болят глаза, гипертония.

---

* Балис Гаяускас — литовский правозащитник. Арестован 20 апреля 1977 года и осужден за распространение самиздата и перевод «Архипелага ГУЛАГ» на литовский язык на 10 лет лагеря особого режима и 5 лет последующей ссылки. В прошлом уже отбыл 15-летний срок заключения (с 1948 по 1973 гг.) за участие в литовском национальном движении.

Вячеслав Острогляд, агитация и пропаганда, 10 лет. Осужден в 1982 г. в бытовом лагере в Донецке. Болеет язвой желудка.

Семен Скалич, агитация и пропаганда, 10 + 5. Осужден за религиозные стихи. Сектант-покутник. Инвалид, ходит на костылях. Страдает язвой желудка и сердечной болезнью. Возраст — 62 г.

Василь Стус, агитация и пропаганда, 10 + 5. Большой желудок, дважды оперирован.

Викторас Пяткус, агитация и пропаганда, 10 + 5. Нарывы на теле.

Левко Лукьяненко, агитация и пропаганда, 10 + 5. Страдает болезнью сердца и желудка.

Иван Кандыба, агитация и пропаганда, 10 + 5.

Олекса Тихий, агитация и пропаганда, 10 + 5, заболевание кишечника.

Василь Овсиенко, агитация и пропаганда, 10 + 5. Полуслепой, болезнь сердца.

Олесь Бердник, агитация и пропаганда, 6 + 3.

Генрикас Яшкунас, агитация и пропаганда, 10 + 5.

Николай Евграфов, агитация и пропаганда, 10 + 5.¹

Осужденные за военные преступления:

Визирь, 15 лет. Иван Мамчич, 15 лет, страдает гипертонией. Титаренко, 15 лет. Акбар Керимов, 15 лет, болезнь сердца. Остапенко, 15 лет. Комиссаров, 15 лет. Полищук, 15 лет. Менх, 15 лет — без руки и без ноги. Курка, 15 лет. Кондратюк, 15 лет. Леонтьев, 15 лет. Моисеенко, 15 лет.

---

1. Виталий Калиниченко, Василь Стус, Левко Лукьяненко, Иван Кандыба, Олекса Тихий, Василь Овсиенко, Олесь Бердник — члены Украинской хельсинкской группы; Василь Курило — участник национального движения на Украине.

Викторас Пяткус — член Литовской хельсинкской группы, Балис Гаюскас, Генрикас Яшкунас — участники литовского правозащитного движения;

Март Никлус — эстонский правозащитник;

Николай Евграфов — политзаключенный из бывших бытовиков.

Недавно пришло сообщение что В. Пяткус и М. Никлус в знак солидарности с украинскими правозащитниками вступили в лагере в Украинскую хельсинкскую группу. — Ред.

Осужденные за попытку бегства из страны:

Юрий Федоров, 15 лет, заболевание желудка. Алексей Мурженко, 14 лет. Василий Федоренко, 15 лет.

Осужден за шпионаж: Анатолий Филатов, 15 + 5.

На облегченном режиме (после 1/3 срока) находятся Курка, Полищук, Комиссаров, Менх, Леонтьев, Моисеенко, Бердник, Евграфов, Кондратюк.

Письма не на русском языке приходят к нам через 1,5-2 месяца. Получаем письма только от близких родственников, от других людей практически не приходят. Кажется, это запрещено. Очень часто конфискуют и письма от жен, матерей, детей, а также и наши письма. Поздравления по случаю религиозных праздников запрещены. Конфискуют все открытки. Объясняют, что они вредны идеологически или политически, или содержат заговор. Если начинаешь выяснять, почему не отдают, или пишешь прокурору, отвечают, что письмо конфисковано и уничтожено справедливо. Они утверждают, что имеют право уничтожать корреспонденцию. Прокуратура всегда оправдывает любые действия администрации по отношению к заключенным. Однажды прокурор нам заявил, что он доверяет администрации. Так что наша переписка зависит от милости администрации: хочет — отдает письмо, хочет — нет. Разбирательство конфликтов невозможно, поскольку прокуратура заранее оправдывает администрацию. Писем из-за границы не получаем вовсе.

У всех отнимают материалы дела, отнимают возможность опротестовать его, т. е. человек не имеет материалов, опираясь на которые он мог бы бороться за свои права. Поскольку наши дела — это фальшивка, подборка бездоказательных, сфабрикованных утверждений КГБ, он не хочет чтобы материалы дел попали за границу. На все жалобы по делу все учреждения отвечают формально: дело рассмотрено всесторонне, приговор суда правильный. Наказания тоже стандартные: 10 + 5. На другие жалобы прокуратура обычно отвечает: факты не подтвердились. Часто жалобу поручают рассмотреть тому, на кого жалуешься.

Режим в лагере поддерживается, как в изоляторе КГБ. В особенности стараются изолировать нас от общества и друг

от друга. Сейчас живем в камерах по 2-5 человек. С заключенными других камер не встречаемся. Работаем в отдельных камерах только с теми, с которыми вместе живем. Прогулочные камеры устроены так, чтобы не было возможности передавать записки, а для того, чтобы мы не переговаривались, сверху по мостику ходит надзиратель. Если начинаем переговариваться — уводят с прогулки. Жилые и рабочие камеры оборудованы туалетами. В жилых камерах в прошлом году поставили перегородку примерно 1,5 м. Стало немного удобнее, но от всей камеры все-таки не отгораживает. Вентиляции нет, поэтому стоит вонь. В рабочих камерах нет и этой формальной перегородки. Естественные надобности приходится отправлять на виду у всех. На одного человека отводится 2 метра площади камеры, включая и заставленную двойными нарами и столом. Рабочие камеры темные: днем необходим электрический свет. Особенно плохо осенью и зимой — тогда круглые сутки живем при электрическом свете. Ночью тоже горит свет. Поэтому у многих ослабли и болят глаза. Работа легкая, только нормы выработки большие, их мало кто выполняет. Некоторых наказывают за невыполнение норм. Льготы, предусмотренные трудовым кодексом для больных и инвалидов, здесь не применяются. Должны работать до смерти.

Питание плохое. Крупа, мясо (кусок хрящей, костей) часто протухшие. Овощей почти не бывает, свежих совсем не получаем. В ларьке можно купить всего на 4 рубля в месяц; маргарин, растительное масло, конфеты (по 1 р. за килограмм). Иногда бывают рыбные консервы, редко — плавленные сырки, печенья.

В камере разрешается иметь 5 книг или журналов. Остальные надо сдать в каптерку. Хотя говорится, что книги можно менять, практически это удается редко, так как ключ находится у дежурного офицера, а он не хочет давать разрешение. Нельзя хранить и записи. Их отнимают. Объясняют так: ты имеешь право писать, но не имеешь права хранить записи. Поэтому, как только написал предложение, надзиратель имеет право отнять. Недавно у нас отняли книги, журналы, тетради. Оставили только по 5 книг или журналов. Поэтому очень трудно что-либо изучать.

Во время прогулки запрещается раздеваться до пояса и

загорать. После обеда в прогулочные камеры попадает немного солнечных лучей. Но нельзя снять даже куртку — она должна быть застегнута. Некоторые надзиратели не разрешают снимать и головные уборы. Тех, кто не соблюдает этих требований, уводят из прогулочной камеры. Всего имеется 5 прогулочных камер — «бочек». Три из них примерно 3 x 5 м, высота 2,5 м. Две камеры бетонированные, верх закрыт сеткой из колючей проволоки. Поверху ходит надзиратель. Камеры построены так, что лучи солнца проникают туда лишь под вечер и не надолго. Прогулка длится один час. Две другие камеры — 2 x 2 x 2,5 м. В них никогда не проникает солнце. Здесь ходят, если не отказываются от прогулки, наказанные одиночкой. У них прогулка — полчаса. На вопрос, почему такие маленькие прогулочные камеры, отвечают, что в законе не указана их площадь, и поэтому они делают такие, какие хотят. Это — лишь формально прогулочные камеры.

Очень плохая вода. На кухню иногда привозят питьевую воду, но чаще ее не бывает, тогда кипятят болотную. Она очень грязная, много осадков, воняет, но приходится пить.

Осенью и зимой электрический свет очень слабый, пульсирующий. Очень трудно читать, портятся глаза.

Осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду часто лишают свиданий. А когда кто и получает, то обычно на один день или два. Краткие свидания предоставляют на месте или везут в 36.² Это свидание — сквозь двойное окно. Длится оно час или два. Поскольку ехать на свидание очень далеко, многие отказываются.

На два лагеря — один молодой врач. Приходит не каждый день. Лечение — только первая помощь. Лекарств не хватает. Очень редко приезжает зубной и другие врачи. Больница в 35 лагере. Люди, которые там побывали, говорят, что лучше здесь в карцере, чем там в больнице. Больничные камеры, как в карцере: маленькие, темные, зимой холодные. Лечение формальное. Негде помыться. Ванна в туалете. Зимой очень холодно. Лучше не мыться, так как можно простудиться. Прогулочные камеры в больнице такие, как наши малые, т. е. «бочки». Заключение особого режима в больнице предельно

---

2. Так в тексте; м. б. след. читать «35».

изолируют, помещают отдельно от заключенных строгого режима, не разрешают с ними встречаться, разговаривать.

Наши условия отличаются от условий других лагерей. Они значительно жестче условий лагерей особого режима для бытовых заключенных. К нам не применяют правил, предусмотренных кодексом для содержания заключенных. Их обходят, о них даже не упоминают. Во многих случаях мы отданы на милость местной администрации. Голодовки считаются нарушением лагерного режима и за них наказывают.

1982, Пермская обл., Кучино, концлагерь особого режима для политзаключенных.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Владас Иуодейка*

ЕСТЬ ЛИ РЕШЕНИЕ?

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В СССР

Покорение и ассимилирование

В 1930 году по дороге в Южную Америку я остановился в Париже, нанял на вокзале такси и направился в гостиницу. Оказалось, что мой шофер был капитаном царской армии и воевал против большевиков в 1918-1920 годах. Он обрадовался, узнав, что я литовец, и сказал: «Так значит мы с вами земляки, мы — русские». Я возразил, что я не русский, а литовец, и что Литва уже 19 лет существует как независимое государство и признано как таковое всеми правительствами мира, включая и Советский Союз. Я добавил, что я сам лично воевал за свободу Литвы против большевиков, немцев и поляков. Моему капитану показалось странным, что я не считаю себя русским, и он, видимо, был огорчен. После некоторой паузы он самоуверенно сказал: «Что вы там говорите про какую-то независимость Литвы. Литва — это все равно Россия. Так было и так должно быть!» Переубеждать его не было смысла.

---

* Владас Иуодейка (1900-1977) — известный литовский общественный деятель и ученый. Участник борьбы за независимость Литвы в 1918-1920 гг., директор Департамента промышленности в Литовской республике. С 1946 г жил в США, преподавал в различных американских университетах. Автор многих работ по экономике, социологии и истории.

Этот капитан не был исключением. Так думали генералы, воевавшие против большевиков с целью восстановить «единую, великую, неделимую Россию». Они не хотели ничего слышать о самоопределении нерусских народов Российской империи. Это объясняет то, почему они не могли получить никакой помощи ни от литовцев, ни от латышей, ни от других народов, воевавших против тех же самых большевиков, защищая свою национальную свободу. Это была одна из причин, почему белые генералы были побеждены. В 1920 году прибалтийцы заключили мир с большевиками, которые признали суверенитет Эстонии, Латвии и Литвы. Примером отношения белых генералов к нерусским народам может послужить позиция известного белого генерала Юденича. Его военная база была в Эстонии и многие эстонцы служили в рядах его армии. И вот, когда его войска стояли уже у Петрограда, генерал Юденич заявил, что национальное правительство Эстонии — это шайка бандитов, провозгласивших себя вождями независимой Эстонии. Его заявление так сильно подействовало на эстонцев, что они сейчас же покинули ряды его армии и она была отброшена и побеждена.

В теперешние времена крайнего национализма, когда каждая нация прилагает все усилия, чтобы сохранить свои культурные ценности и традиции, противиться этому всеобщему стремлению века кажется и нерациональным и нереальным. Почему же русские идут наперекор истории? Где зиждется суть русского империализма?

Ответ нужно искать в традициях русской истории. Иван Грозный, Петр Великий и Екатерина Великая на долгое время определили цель русской истории: Россия должна быть сильной, всемогущей империей, должна непрерывно расширять свои владения, покоряя и ассимилируя соседние нерусские народы. Такая политика не была безуспешной маленькое Московское княжество со временем выросло и расширилось в великую Российскую империю.

Но всякое насилие без моральной основы не может держаться долгое время. Чтобы оправдать русские завоевания перед своим народом и всем миром, был создан миф русской всемирной миссии: Запад вырожден, разложился морально, и материализм скоро прикончит западную цивили-

зацию. Миссия России — спасти Запад и создать всемирную Русскую империю, основанную на царской автократии, на православном вероисповедании и на высшей русской национальной культуре. Москва должна стать Третьим Римом и центром мира.

Как ни странно, но эта симплистическая идея русской миссии нашла свое отражение в той или иной форме почти у всех русских мыслителей, церковных иерархов, писателей и поэтов. Они возвещали миссию спасения декадентского Запада, совсем забывая, что всякое спасение следует начинать со спасения себя — с самой России. Русские вестники желали другим дать то, чего у них самих не было. А самое главное, они как-то не замечали тяжелых оков, которыми был скован сам русский народ. Сами в оковах, русские могли и другим народам дать только оковы.

Польско-литовское восстание 1830-31 гг. за освобождение из-под гнета Российской империи в Западной Европе вызвало сочувствие. Во Франции был создан комитет для поддержки восставших под руководством генерала Лафайета, морально поддерживаемый Виктором Гюго, Беранже, Давидом, Делявиным и другими известными писателями и выдающимися людьми. Но угнетаемые народы не получили никакой моральной помощи ни от русской интеллигенции, ни от русских писателей. А Пушкин даже проклял их в своем стихотворении «Клеветникам России»:

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? Волнение Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

.....
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?

.....
Так высылайте к нам, витии,
Своих озлобленных сынов

Есть место им в полях России.
Среди нечуждых им гробов.

.....

Прямо не хочется верить, что эти строки вышли из-под пера Нестора русской поэзии. Ведь он сам сочувствовал декабристам и находился под надзором полиции. Волнения в Литве для него только «старый, уж взвешенный судьбою» спор между славянами, хотя взвешен-то он был русским мечом. Ему уж следовало бы лучше знать, чем упомянутому царскому капитану, что здесь не могло быть спора между славянами, потому что литовцы — вовсе не славяне. И не очень уж благородно — всем, кто отважится сопротивляться царской воле и заступиться за угнетенные народы, угрожать силой царского слова, напоминать о прошлых победах и обещать похоронить среди могил наполеоновских воинов.

В течении сорока лет (1864-1904) литовская печать на латинской азбуке была запрещена. Цель этого запрещения — обрусить литовский народ. Запрещение издал виленский генерал-губернатор Муравьев, который для литовцев был «Муравьевым-вешателем». Его наследник — генерал-губернатор Кауфман — цинично объявил, что «Муравьев употребил все усилия, чтобы восстановить растоптанные права православия и русской национальности». В действительности же никто не мог растоптать этих прав, потому что ни православия, ни русской национальности в Литве не было, и, кроме того, вся сила и власть были в руках русских. У литовцев есть поговорка «Если хочешь убить собаку, скажи, что она бешеная».

Когда литовский епископ Антанас Баранаускас, выдающийся литовский поэт, обратился к царскому министру внутренних дел с просьбой вернуть литовцам их печать, уверяя, что за этот жест литовцы будут вечно благодарны и сумеют выразить свою любовь царю, министр остановил его и сказал: «Не нужна нам ни ваша любовь, ни вы сами. Пройдет некоторое время, прольется в Литве много слез и крови, но

Литва станет русской и православной». Царская власть даже не скрывала своих намерений.

Жребий был брошен. Перед литовским народом была поставлена дилемма: быть или не быть. Литовцы поняли грозящую опасность своему национальному существованию и католическому вероисповеданию. Они учредили книжные издательства за границей — в Восточной Пруссии и в США. Таким образом появилась национальная подпольная литература: вышли молитвенники на литовском языке, культурно-политический журнал «Аушра» («Заря»), а позже — другой журнал «Варпас» («Колокол»). Стремление царской власти уничтожить литовцев как нацию вызвало их реакцию и послужило их национальному возрождению. Вся эта подпольная литература, которая достигала нескольких сот тысяч экземпляров, переносилась через немецко-русскую границу так называемыми «книгоношами» и распространялась по всей Литве.

Понятно, что нелегальная контрабанда преследовалась по всей строгости закона. Многие вынесли самоотверженные книгоноши: некоторые из них были заключены в тюрьму, другие сосланы на каторгу в Сибирь. Но чем больше ожесточались преследования, тем сильнее было сопротивление.

С особой жестокостью русская власть преследовала в Литве католичество, надеясь, что репрессиями заставит литовцев-католиков перейти в православие. Результаты такой политики оказались как раз противоположными: литовская нация и католицизм сплотились в единый фронт.

Осуществляя свои цели, царская власть в 1832-1892 годах закрыла 46 костелов и монастырей. В 1864 и в 1866 годах верующие оказали русификаторам коллективное сопротивление. Самое упорное сопротивление оказали литовцы-католики в 1893 году в городе Кражяй — весть об этом событии прозвучала по всему миру. Происходило оно следующим образом.

12 декабря 1891 года русская власть приказала закрыть в

Кражяе бенедиктинский монастырь, костел и кладбище. Католическое духовенство попросило население, в случае попытки насильного захвата костела, заполнить его, окружить Божий дом и сопротивляться, не страшась смерти.

Жители Кражяя и окрестностей услышали этот призыв. С первого октября 1893 года толпа народа постоянно дежурила в костеле, и Петр Вихман, местный полицейский исправник, был не в состоянии его закрыть. В ночь на 22 октября для закрытия костела из Каунаса прибыл сам губернатор Михаил Клингенберг с 70 жандармами. Много людей пострадало, но костел отстояли. Только под утро, когда из Варняя прибыло 300 казаков, верующие Кражяя были побеждены: 19 человек было убито, 44 — тяжело ранено и 150 — брошено в тюрьму. Завершая эту резню, казаки и жандармы зверски изнасиловали женщин. Губернатор Клингенберг известил центр, что «успешно усмирил опасное восстание в Кражяе».

Эпизод, происшедший в Кражяе, не был единственным и случайным. Таких эпизодов было много, и в них пострадали тысячи невинных людей. Герцен не без основания называл Россию «тюрьмой народов».

Надо заметить, что разные радикальные движения, добиваясь уничтожения царского режима, осуждали царскую национальную политику. Поэтому неудивительно, что эти радикальные движения, особенно социалисты, привлекли в свои ряды немало евреев и представителей других нерусских национальностей.

Угнетение нерусских народов вызвало с их стороны реакцию — их национальные движения, которые в конце первой мировой войны разрушили Российскую империю. Между 1918 и 1920 годами Российская империя фактически не существовала. Все угнетенные народы отделились от России и объявили о своей независимости. украинцы, белорусы, эстонцы, латыши, литовцы, финны, армяне, грузины, азербайджанцы, узбеки, киргизы, татары, башкиры и другие. В мае 1918 года Ленин сказал: «Ничего не осталось от Русской империи, за исключением великороссов» Таким образом, «тюрьма народов» осталась без заключенных — тюремные сторожа разбежались. Казалось, что солнце свободы наконец взошло и для нерусских народов. Увы, это была только иллюзия.

Тот же самый Ленин русскую «тюрьму народов» превратил в советскую «каторгу народов» и заключил в нее все освободившиеся народы. Он стремился вернуть «матушке России» даже Польшу и прибалтийские государства, но это ему не удалось. Эту задачу выполнил Сталин на исходе второй мировой войны, поработив прибалтийские государства и навязав коммунистический режим Польше и всей Восточной Европе.

Социальным идеалом Ленина был коммунизм, в котором все народы должны будут слиться в единую коммунистическую общину, а народности сами собой исчезнут. Но Ленин был не только коммунистом-идеалистом, но и политиком-прагматиком. Столкнувшись с сильными национальными движениями нерусских народов и стараясь использовать их в интересах большевистской революции, Ленин в декабре 1917 года объявил «Декларацию прав народов России» и каждой нерусской нации дал право на самоопределение, т. е. право самой решать, оставаться ли ей в границах России или вести собственную независимую жизнь. Даже вступив в созданный Лениным Советский Союз каждая нация, в соответствии с конституцией, в любое время могла отделиться и выйти из Союза.

Однако Ленин действовал как двуликий Янус: он был способен говорить одно, а делать другое. Прошел лишь год после его «Декларации прав народов», как уже 25 декабря 1918 года в официозе «Известия» он осудил образование независимых государств Литвы, Латвии и Эстонии:

«Советская власть должна иметь подход к берегам Балтийского моря и водрузить там Красный флаг пролетарской революции... Советская армия должна занять Литву, Латвию и Эстонию... Захват Балтийского моря и его берегов даст возможность Советской России влиять на скандинавские страны в интересах социалистической революции... Балтийское море должно стать Советским морем для достижения этой великой цели».

Таким образом, под предлогом социалистической революции Ленин вел прежнюю завоевательную политику русских царей. С целью поработить прибалтийские страны он учредил в Кремле «революционные власти» Эстонии, Латвии

и Белоруссии-Литвы. Разумеется, что в Белорусско-Литовской республике литовцы должны были бы ассимилироваться с довольно обруселыми белорусами. Но эти «власти» существовали только на бумаге. В то время у Ленина не было на деле достаточно военных сил для экспорта «революции».

Советский Союз был основан в декабре 1922 года самовольной декларацией коммунистической партии. Народам, составляющим этот союз, не было предоставлено право самоопределения — ни народного референдума, ни голосования не было. Партия самовластно распределила все народы Советского Союза на союзные национальные республики, автономные республики и автономные области. Хотя советская конституция формально позволяет республикам в любое время выйти из Союза, но это только для пропаганды. Нерусские народы были насильно включены в Советский Союз и уйти из него они смогут, только опираясь на собственные силы. Литву, Латвию и Эстонию несомненно постигла бы судьба Грузии и Украины, если бы не случилось «чудо на Висле», когда полки Пилсудского победили под Варшавой армию Тухачевского.

Самоопределение национальностей не затрагивало сердца Ленина. Вот что он говорил по поводу заключения мира с Эстонией 28 января 1920 года: «Мы сделали много уступок Эстонии... Но мы не хотим проливать крови рабочих и бойцов Красной Армии из-за куска земли, тем более, что эти уступки не вечны... они в скором времени низвергнут эту власть и образуют Советскую Эстонию, которая заключит с нами новый договор».

На самом же деле Ленин никогда не жалел крови рабочих, но Советская Россия находилась тогда в крайней опасности и боролась за свое существование. Ленин был очень рад заключить мир с Эстонией, а также с Литвой и Латвией, что дало ему возможность сконцентрировать свои относительно небольшие силы против Колчака и Деникина.

★

23 августа 1939 года Сталин и Гитлер заключили договор

о ненападении и сотрудничестве. В договор были включены тайные протоколы, согласно которым Литва, Латвия, Эстония и восточная Польша переходят к Советскому Союзу, а остальная часть Польши с коридором Данцига и Познанью достаются Германии. Таким образом два агрессора поделили между собой будущую добычу в Европе. Теперь оставалось лишь ждать, когда же СССР заберет свою добычу.

Как только советская агрессия против прибалтийских государств стала очевидной, литовский премьер профессор Винцас Креве-Мицкевичус поспешил в Москву. Пять часов он уговаривал тогдашнего Председателя Совета Народных комиссаров Вячеслава Молотова не нарушать суверенитета Литвы. Последний, будучи не в состоянии возражать рациональными аргументами и потеряв терпение, заявил патетическим тоном: «Когда русские цари, начиная с Ивана Грозного, старались достичь Балтийского моря, они это делали не из-за личной причуды, но потому, что интересы русского государства и народа требовали этого. Было бы непростительной оплошностью советской власти не воспользоваться этой возможностью, которая может и не повториться в будущем». Кроме того, он добавил, что история маленьких государств уже завершена — они должны быть поглощены большими народами.

Словами Молотова говорил русский шовинист, который в то же время исповедовал космополитическое марксистское мировоззрение. Очевидно, что у коммуниста колени легко гнутся перед алтарем национализма.

Чтобы оправдать перед миром насильственное включение Литвы, Латвии и Эстонии в СССР Молотов приказал разыграть комедию «народных выборов». Мол, эти страны «сами, по своей воле, просились принять их в Советский Союз». Примени такой метод к Соединенным Штатам или Китаю, и они 99,99% большинством голосов высказались бы за вступление в советскую империю.

Русификация

Реакционные чиновники Победоносцева были неопытными любителями по сравнению с теперешними советскими

шовинистами. У последних есть многолетний опыт — они вышколенные эксперты. И власть их несравненно больше. Властвующая олигархия распоряжается всеми областями жизни. От нее зависит положительно все: промышленность, сельское хозяйство, полиция, просвещение, культура, религия. Вся сложная система тоталитарного государства участвует в проведении систематической русификации и уничтожении нерусских народов. Как когда-то Гитлер задавался целью основать тысячелетнюю Великую Германию с одним народом, одной империей и одним вождем, так и теперешние кремлевские вожди силятся создать Всемирную Красную Русскую Империю с одной русской национальностью, с одним атеистическим мировоззрением и с одной властвующей коммунистической партией. Понятно, что их чаяния наталкиваются на диаметрально противоположное стремление нерусских народов — сохранить свою национальность, свой язык и культуру. Под сравнительно спокойной советской поверхностью кипит борьба нерусских народов за свое национальное существование, которая в любой момент может внезапно стихийным вулканом вырваться наружу. Сегодня даже страшно и подумать о возможном взрыве всеобщего бешенства и глупости, зверской ненависти и варварского разрушения. Но это, кажется, неизбежно, так как властвующая олигархия не только ничего не делает, чтобы избежать взрыва, но, как раз наоборот, сама того не ведая, возбуждает и без того едва сдерживаемые страсти. История наглядно показывает, что руководители стран редко умеют забегать вперед событий.

Как и какими мерами проводится русификация и геноцид в нерусских республиках? Следующие факты говорят сами за себя.

В начальных школах русский язык обязателен со второго класса (при Сталине — с первого класса). Очень поощряются двуязычные школы, цель которых вытеснить местный язык и заменить его русским.

В управлениях, на заводах и на собраниях употребляется русский язык, поскольку на них всегда присутствует хотя бы один русский.

В Белоруссии литовцы, живущие около границы Литвы,

даже в польские времена имели свои школы и литовские католические приходы. Сегодня все это у них отнято; древние литовские названия местностей, даже имена и фамилии литовцев, несмотря на протесты, заменяют русскими.

Жителям национальных республик, проживающим компактными группами за пределами их республик, запрещено иметь свои национальные школы, клубы, театры, организации, газеты и журналы. У русских же, проживающих в чужих национальных республиках, имеются свои русские школы, газеты, театры, клубы и организации. Значит у русских, где бы они не жили, всегда есть все, у местных жителей есть кое-что, а у других — совсем ничего. Жителям национальных республик, проживающим за пределами своих национальных республик, даже запрещено выписывать газеты и журналы с их родины на родном языке. Им приходится читать только русскую печать.

Если в высших учебных заведениях национальных республик находится некоторое число русских, украинцев, белорусов или представителей других национальностей, часть лекций уже читается на русском языке. Большая половина театрального репертуара обязательно должна состоять из русских пьес.

В национальных республиках любые проявления местной культуры связывают с «буржуазным национализмом», который осуждается и преследуется законом; русский же национализм всеми способами поощряется. В концентрационных лагерях находятся сотни, если не тысячи, людей, осужденных на долгие годы за «буржуазный национализм», но среди них нет ни одного русского, наказанного за такое же «преступление».

Советская власть в национальных республиках создает тяжелую промышленность, которая экономически далеко не всегда оправдывает себя, а нужных для нее рабочих и специалистов привозит на поселение из России и других республик, хотя нужная рабочая и техническая сила находится на месте. Местные же специалисты и рабочие высылаются на работу за пределы своих республик и таким образом становятся жертвами русификации.

С незапамятных времен литовцы жили в восточном районе Кенигсберга (Калининграда) и Тильзита. Начальство

кайзера даже приказы объявляло там на литовском языке. Эта местность теперь не отдана Литве, а переименована в Калининградскую область и присоединена к РСФСР. Древние литовские названия местностей заменены русскими и в край переехали жить русские поселенцы.

Замечательная история Литвы с ее великими князьями почти вся перечеркнута. Ныне школьный учебник истории Литвы превращен в учебник истории подпольных деяний нескольких революционных коммунистов и занимает около 100 страниц. Однако история России занимает более 500 страниц. Таким образом литовские ученики узнают гораздо больше об Иване Грозном и Пугачеве, чем о литовском короле Миндовге или о великом князе Витовте, потому что последние были «угнетателями народа».

В состав Совета Министров Литовской ССР и особенно Латышской ССР входят много русских, которые даже не знают местного языка. В республиках Прибалтики во главе коммунистических организаций огромное число русских. Например, в Литве в Центральный комитет комсомола 13-14 февраля 1974 года было «выбрано» 15 русских.

В армии, в тюрьмах и в концлагерях русификация происходит естественно.

В школах национальных республик ученикам вдалбливают в головы, что их настоящая родина — Советский Союз, создатель цивилизации и культуры, что самый важный язык в мире — это русский, потому что «на нем говорил Ленин, самый лучший человек на свете».

Старые латыши, коммунисты-революционеры, сидевшие в царских тюрьмах, стали протестовать и обратились к коммунистическим партиям других стран Европы, прося их повлиять на Советский Союз, чтобы он прекратил свою антимарксистскую шовинистическую политику. Они пишут, что, например, в системе Министерства внутренних дел Латвии работает 1500 служащих, в числе которых только 300 латышей. В государственных политических учреждениях доминируют русские. Для удовлетворения новых колонистов одна радио- и одна телевизионная программы вещают только по-русски, другие программы — на русском и латышском языках. Несмотря на то, что русским доступны все русские газеты и журналы, почти половина печати в Латвии выходит

на русском языке. В Латвии недостаточно бумаги для печатания латышских авторов и учебников, но для печатания русских авторов и учебников недостатка бумаги не бывает. Вся административная переписка латышских городов и районов, протоколы и записи собраний и совещаний, а также и педагогических советов, ученических митингов и пионерских слетов ведутся на русском языке. Известные названия латышского шоколада, конфет, сигарет, блюд и т. п. заменены русскими. Традиционный латышский национальный праздник «Лиго», который праздновали даже в царские времена, теперь запрещен. Никакой репертуар театра, оркестра или хора не будет утвержден, если в него не будут включены русские пьесы и песни. Город Рига разделен на шесть районов, которые называются: Ленина, Кирова, Московский, Ленинградский, Октябрьский и Пролетарский.

Коммунисты Латвии старались всеми силами сопротивляться этой политике русификации и колонизации. В Ригу прибыл сам Хрущев, провел «чистку», устранил из партии руководящих латышских коммунистов и изгнал их с родины. На их место он назначил русских или обрусевших людей, даже не знающих латышского языка.

Эти 17 латышей-коммунистов желают оставаться верными марксизму, за торжество которого они боролись всю жизнь, но они хотят, чтобы Советский Союз прекратил дальнейшие притеснения Латвии и искажения марксизма.

Геноцид — убийство народов

Кроме систематически проводимой русификации, советские вожди ведут и физическое истребление народов, применяя для этого массовые депортации за пределы национальных республик. 13 июня 1941 г. из всех трех прибалтийских республик советская власть вывезла в Сибирь около 100 000 эстонцев, латышей и литовцев. У нее был план вывезти из Прибалтики третью часть жителей. Этот замысел подтверждают списки, которые были найдены в НКВД, когда советские войска бежали от наступающих немцев. Так как Гитлер начал войну против СССР через девять дней после первой депортации, советская власть не успела выполнить свой коварный план. Без сомнения, Москва

намеривалась вывезти из Прибалтики всех жителей и поселить там русских, чтобы на веки укрепиться в стратегически ей важном Прибалтийском районе.

После второй мировой войны советская власть продолжала депортации, и в промежутке от 1944 до 1953 г. из одной только Литвы было вывезено более 300000 человек, в большинстве крестьян. Совершив это преступление, советская власть торжественно объявила, что «класс кулаков окончательно разгромлен».

Что же это, если не геноцид? Сотни тысяч людей выселяют из их родного дома, отнимают у них родину и выгоняют в чужие им края, где никто их не ждет и где они вынуждены выкапывать себе землянки или строить будки, которые пригодны разве только для собак?

Советские вожди применяют геноцид против народов в широком масштабе. Так они выселили из родных мест всех приволжских немцев, крымских татар, калмыков, чеченцев, кабардинцев и другие народы. Общее число этих изгнанников больше 1650000. Изгнанные народы были лишены своих названий, их вычеркивали из списков регистраций, из статистики, из учебников, их названий на картах нет. Названия их прежних родных мест заменены русскими. Как народы они вообще больше не существовали — они были убиты. Целью изгнания было убийство этих народов, но за все эти злодеяния, за нарушение конвенции о геноциде никто не подает на советскую власть в суд.

В феврале 1956 г. на XX съезде КПСС Хрущев в своей речи, осуждающей Сталина, упомянул пять национальностей, изгнанных по приказу Сталина (балкары, чеченцы, ингуши, карачаевцы и калмыки), но он не сказал о судьбе приволжских немцев, крымских татар и месхов. Осуждая жестокость депортаций, Хрущев добавил, что «украинцы избежали такой же судьбы только потому, что их было слишком много и не было места, куда их выселить».

Однако ни Хрущев, ни Брежнев не прекратили убийственной политики геноцида. Ни первый, ни второй не разрешили всем изгнанным народам вернуться на свою родину.

Пытаясь вернуть себе отнятые права, деятели крымских татар посылали в Москву делегации. Но напрасно. Восемьсот членов одной такой делегации, приехав в Москву летом 1968

года, были арестованы и в товарных вагонах высланы обратно в Ташкент, а их активисты были приговорены к трем годам тюрьмы. На суд, как защитник татар, приехал генерал Петр Григоренко, но он сейчас же был арестован и помещен в больницу для психически больных. Вот некоторые выдержки из его заранее подготовленной речи:

«...кто оклеветал этот народ, ограбил его, зверски изгнал его из своей родины, истребив при этом почти половину его состава, и поселил оставшихся в живых в резервациях на полупустынных территориях Средней Азии, Урала и Сибири. Это было *величайшее преступление против человечества — геноцид*».

«Крымских татар хотели истребить как нацию, частично физически, затем путем ассимиляции... Крымские татары очень трудолюбивый народ. Их культура, особенно земледельческая, значительно выше, чем у местного населения, ввиду чего выше их материальное состояние, чем они очень гордятся, и поэтому никогда не приbedняются».

«...крымских татар лишили исконной Родины... Ликвидировали: крымскотатарскую национальную автономию, крымскотатарский язык, крымскотатарскую литературу, духовную жизнь народа, его верования, традиции, праздники... В Крыму проводится расистская тактика — Крым без татар... Итак, зверская депортация 1944 г. — это национальная политика коммунистической партии и советского правительства, а тех, кто называет это „варварским злодеянием“ — под суд за клевету на эту „политику“!»¹

Чеслав Милош — известный польский поэт и внук знаменитого литовского поэта Оскара Любич-Милоша с горьким сарказмом писал:

«Жестокости? Никаких жестокостей нет. Убиваемы только те, которые должны быть убиты, уничтожаемы только те, от которых нужно добиться признания, высылаемы только те классы жителей, которые должны быть высланы. Если высланные народы в новых для них условиях погибают, то это случается только из-за климата, тяжелой работы и

---

1. П. Григоренко, Мысли сумасшедшего, Фонд им. Герцена, Амстердам, 1973, сс. 218-220

недостаточного питания. Нельзя требовать от страны, которая добивается таких благородных целей, чтобы она кормила своих заключенных, как Англия кормит своих солдат. Возможно, что при лучшем обеспечении они не так скоро бы умирали, но тогда их работа не оплачивалась бы. Кроме того, провизию администрация по дороге все равно украдала бы».²

Эти несколько приведенных фактов показывают уродливую действительность советской жизни. С тяжелым сердцем хочется воскликнуть: «Советская Россия, есть ли у тебя совесть?»

Итог русификации и геноцида

По данным переписи населения 15 января 1970 г. в Советском Союзе было 241 720 134 жителя. Из этого числа русских было 126 050 000, нерусских — 115 620 134. Значит разница между русским и нерусским населением не очень велика. Она еще уменьшается, если принять во внимание, что русскими записались многие граждане нерусской национальности. Значительное число людей разных национальностей в результате разнообразных давлений уже забыли свой родной язык. Из 242 млн. жителей Советского Союза 142 млн. человек считает своим родным языком русский.*

Результаты проводимой советским правительством политики русификации очевидны. Украинцев в 1913 г. было 37 млн. В советской статистике 1959 года упоминаемы те же 37 млн., что и в 1913 г. При нормальном естественном приросте жителей за промежуток времени с 1913 г. по 1959 г. украинцев должно было бы быть по крайней мере на 15 млн. больше, т. е. 52 млн. человек. Но их осталось столько же. Численность же русского населения за это время почти удвоилась.

То же самое случилось и с литовцами. В 1940 г. в Литве было 2 925 000 жителей. После Второй мировой войны в Литву

---

² Draugas, 1970, XI, 12.

* В 1979 г. 153,5 млн. человек назвали родным языком русский (Ред.)

стали переселяться колонисты из России, Украины и других республик. В 1970 г. число жителей в оккупированной Литве увеличилось лишь на 13-14%. Между тем, население всего мира только за последние 20 лет увеличилось на 44%.

По опубликованным советским данным, во время войны и в послевоенное время Литва лишилась 850 000 жителей. По материалам же из независимых источников, она лишилась за это время не 850 000, а 1 509 483 жителей, т. е. почти половины своего населения.

Властвующей коммунистической олигархии удалось довольно успешно русифицировать нерусские союзные и автономные республики и области. Эта цель была достигнута насильственной колонизацией, депортацией местных жителей, браками нерусских с русскими, строительством промышленных центров с политической целью, и разными другими мерами.

В настоящее время наиболее русифицированной республикой является Казахстан, где местных жителей осталось в 1970 г. 32,4% а русских было 43,8% (и украинцев — 7,2%). Процент местных жителей в Латвии упал к 1970 г. до 56,8% (в 1959 г. еще было 62%); число русских возросло до 29,8% (в 1959 г. их было 26,6%). В Киргизии русских было в 1970 г. 29,2%, а самих киргизов — 43,8%. В Эстонии число русских к 1970 г. повысилось до 24,1% (в 1959 г. было 20,1%), а число самих эстонцев уменьшилось до 68,2% (в 1959 г. было 74,6%). Довольно большой процент русских в 1970 г. находился в следующих республиках: на Украине — 19,4%, в Туркмении — 14%, в Узбекистане — 12,5%, в Таджикистане — 8,5%, в Литве — 8% *

Русский язык господствует в Белоруссии 90% всех предметов в школах преподается там на русском языке. В прибалтийских республиках особенно сильно русифицированы большие города в Риге и Таллине число русских

В 1979 г русских в Латвии было 32,8%. в Киргизии — 27%, на Украине — 21,1%. в Туркмении — 12,6%. в Узбекистане — 10,8%, в Таджикистане — 10,4%. в Литве — 8,9%. Всего количество русских в нерусских республиках увеличилось за 9 лет (с 1970 на 1979 г) на 2,8 млн человек — Ред

превышает 50%, в Каунасе, Вильнюсе и Клайпеде их около 40%.

В Латвию ежегодно приезжает на поселение 35-40 тысяч русских. По статистическим данным, в Латвии в 1970 г. жило 705000 русских, в Эстонии — 335000 и в Литве — 268000. Когда количество русских в Прибалтике превысит определенный предел, эти национальные республики могут быть уничтожены.

Коварный план

23 мая 1950 г. в «Известиях» было напечатано «Великий русский народ это могучее ядро, вокруг которого растут и развиваются все народы страны... Многонациональная семья советских народов, следуя примеру великого русского народа..., руководимая нашим Вождем и Учителем, товарищем Сталиным шагает твердым и решительным шагом к победе Коммунизма. Он вдохновляет своим примером рабочих всего мира». Хотя теперь Сталина нет, но результаты его политики очевидны: родилась новая раса русских господ.

В настоящее время КПСС ведет пропаганду за «содружество народов», в котором «старшая сестра» — великая русская нация — направляет все другие нерусские нации к будущему счастью коммунизма.

На самом же деле, прикрываясь интересами содружества, советская власть стремится уничтожить все национальные культуры, национальные языки, отдельные республики и слить все народы в одну огромную российскую державу.

Все чаще советские вожди проговариваются, что настает время для ликвидации этнографических границ республик, языков и культуры нерусских народов, введения одного, общего для всего советского государства, языка и создания единой «общественной культуры», которая, разумеется, будет советско-русской культурой. Брежнев в своей речи по поводу празднования пятидесятилетия основания СССР сказал, что «уже создано новое высшее человеческое общество — советский народ, который органически объединяет людей разных народов, у которого есть свой общий

язык, общая идеология и общий масштаб ценностей, общая экономическая система и общая социальная структура». Понятно, существование отдельных национальных республик потеряет смысл, их границы исчезнут, и какая-то там Литва станет частью огромного географического района, а все народы сольются в один русский народ. Появляются данные о том, что Кремль собирается весь Союз, включая и оккупированную Прибалтику, разделить на огромные экономическо-географические районы. 4 мая 1973 г. московский корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс» Теодор Шабад сообщил о существовании плана разделения СССР на семь районов: четыре в азиатской части и три в европейской. В Азии это будут: 1. Дальний Восток, 2. Сибирь, 3. Центральная Азия, в которую войдут Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и Туркмения и 4. Казахстан. В европейской части будут: 1. Волга-Урал, 2. Юг, куда войдут Украина, Молдавия, Грузия, Армения, Азербайджан, и 3. Север-Центр, в который войдут Литва, Латвия, Эстония, Белоруссия, Калининградская область и часть России с районами Ленинграда и Москвы. Таким образом в районе Север-Центр, который особенно беспокоит прибалтов, окажется несколько народов. Однако абсолютный перевес (и по территории, и по численности населения) будет у русских. Этот район будет гораздо большим, чем Северо-западный край при царе, и перевес русских в нем будет гораздо более значительным. В Южном районе перевес над украинцами будут иметь русские, молдаване, грузины, азербайджанцы и армяне.

Кремль предвидит, что через 15-20 лет запланированные районы будут созданы. Еще не известно, какая форма власти будет в этих районах. Если национальные республики временно и останутся, то районные власти в тоталитарной системе постепенно вытеснят власть национальных республик. Надо заметить, что экономические соображения для Кремля играют в данном случае второстепенную роль. Главная цель этого громадного замысла — чисто национальная и политическая: слить все народы в одну русскую нацию. В настоящее время пропаганда в этом смысле усилена. Людям нерусской национальности постепенно вбивают в голову, что твоя настоящая родина — это Советский Союз, что твоя идеология — это идеология всего

Союза (т. е. марксизм-ленинизм) и что ты должен избавляться от «буржуазных, религиозных и национальных предрассудков».

План слияния всех народов в единую нацию — варварский план. Советские забыли, что у народов в их культуре и языках накоплены огромные сокровища, обогащающие весь мир. В их языках — ключ их истории. Уничтожение народных богатств, языков и культур народов — это величайшее преступление против всего человечества и нарушение конвенции о геноциде.

Вопрос еще не решен

В 1967 г. в своей речи по поводу пятидесятилетия Октябрьской революции Брежнев подчеркнул:

«Оглядываясь не героические подвиги столетия, можно с уверенностью сказать, что национальный вопрос — такой, какой мы получили в наследство, — уже решен, решен окончательно и бесповоротно».

В своей речи он выражает радость по поводу того, что число браков между русскими и нерусскими достигает миллионов, что в Казахстане теперь живут миллионы русских, сотни тысяч украинцев, белорусов и других; что все национальные культуры обретают «интернациональные черты»; что уже заложены основы «новой куммунистической культуры», которая не знает национальных границ; что уже создается «новый советский народ». Его особенно радует тот факт, что русский язык стал «всемирно признанным мировым языком».

Вот где собака зарыта. Говоря об «интернациональных чертах» всех национальных культур, Брежнев имеет в виду русскую культуру, так как никакой интернациональной культуры нигде еще нет. Когда же он говорит о новом образовавшемся «советском народе», он имеет в виду русский народ, который говорит на «общепризнанном русском языке». Процесс слияния народов он считает естественным и угрожает всем тем, кто отважится этому препятствовать.

Брежнев и его пропагандисты могут хором сотню или

тысячу раз повторять, что национальный вопрос уже «решен окончательно и бесповоротно», но поработанные народы никогда не согласятся с таким навязанным им «решением» — сплавить все народы в русском горне.

Национальный вопрос может быть решен трояко: 1. Подавить национальность других народов и ассимилировать их в пользу большого народа; 2. Признавая равенство всех народов, дать каждому из них равные культурные и административные права; 3. Дать народам право путем самоопределения самим решать — желают ли они оставаться в пределах СССР или же хотят, выйдя из Союза, стать самостоятельными. В ходе своей истории русские всегда выбирали первый способ, т. е. порабощение и ассимилирование, и нет признаков, чтобы они от этого отказались.

Чтобы успокоить народы, озабоченные своей судьбой, советские пропагандисты стараются уверить их, что Советский Союз стремится не к ассимилированию, а только к «сближению», т. е., что слияние в «новую советскую нацию» или во «всенародную нацию» не означает ассимиляции. И приводят для этого разные наивные и весьма неубедительные аргументы. Однако у защитников генеральной линии иногда проскальзывают слова правды. Правду эту высказал некто А. Смирнов в журнале «Вопросы философии», когда открыто заявил, что «сближение немыслимо отделить от процесса их слияния для полного достижения единства». Однако не стоит забывать, что план слияния отражает лишь желание Кремля, но не волю нерусских народов. Вопрос еще не решен.

От редакции:

В третьем (с. 110) и пятом (с. 50, 51) номерах журнала, в статьях из раздела «Польский опыт» имя руководителя «Сопидарности» напечатано с ошибкой (*Лех Валенса* и *Лэх Валэнса* вместо *Лех Валэнса*). Приносим извинения переводчику этих статей С. Пирогову и нашим читателям

В «Форуме» N5 на стр. 77 (статья Р. Сольчаныка «Русский язык и советская политика») — опечатка, искажающая смысл. Следует читать: «...численность этой популяции снизилась до 52,4%».

ЗАБЫТЫЙ ГОЛОКОСТ*

На следующий день после инцидента с корейским авиалайнером, когда весь мир был буквально потрясен убийством 269 ни в чем не повинных людей, один мой украинский друг заметил, что, если оценивать случившееся с точки зрения событий прошлого, можно сказать, что русские должны были бы сбивать по одному авиалайнеру в день в течение 70 лет, чтобы уравнивать число жертв с числом погибших от сталинского голодного террора на Украине 50 лет назад.

Голод 1932-33 годов имел много специфических особенностей, из которых наиболее впечатляющим было его насомненное искусственное происхождение. Пища была, но ее отобрали. В любой момент можно было выдать зерно из запасов, и миллионы людей были бы спасены.

Кроме того, голод был ограничен определенными районами. Особенно страшным он был на Украине и в областях с украиноязычным населением на Северном Кавказе (было еще несколько других, менее специфичных мишеней для убийства голодом — немцы Поволжья, например).¹ На украинско-русской границе создавались контрольные пункты для того, чтобы предотвратить бегство украинских крестьян. У тех, кому все же удавалось перейти границу и вернуться с хлебом, этот хлеб конфисковывали.

Кампания началась с постановления, вышедшего в середине 1932 года, где были установлены плановые цифры поставок государству такого количества зерна, которое

---

* Статья напечатана в «The Daily Telegraph» 5 ноября 1983 г

Роберт Конквест — известный английский историк, писатель и общественный деятель, автор многих книг о Советском Союзе, среди которых и исследование о сталинских репрессиях 1930-х годов «Большой террор».

1. Во время голода 1933 г погибло и около миллиона жителей Казахстана (см. работы Максудова о голоде 33-го года) — Ред.

вообще не могло быть собрано. Замечательный писатель, лауреат Сталинской премии по литературе Василий Гроссман в своей последней, тайной, книге «Все течет...» писал, что подобного указа никогда не было в истории России. Ни царь, ни татары, ни даже немецкие оккупанты не издавали столь страшных указов. Указ этот обрекал крестьян Украины, Дона и Кубани на голодную смерть, смерть вместе со своими маленькими детьми.

Сначала забрали весь хлеб, затем зерно для посевов, потом обыскали дома и перекопали дворы: изымали

малейшие запасы хлеба. Они жили на остатках картошки, затем поели птиц, кошек и собак, потом — желуди и крапиву, а ранней весной они умерли.

Несомненно, что голод был сознательным актом террора против украинского крестьянства. Сталин заявил, что крестьянский вопрос составляет основу национального вопроса, и украинскую деревню все это время обвиняли в том, что она является убежищем буржуазных националистов. В этот же период началось наступление на другой важный элемент украинской нации — на интеллектуальную элиту республики: в культурных учреждениях проводились чистки,

ведущих писателей и ученых. Многих из них заставляли публично или частным порядком признавать свои ошибки и отправляли в подвалы на расстрел или в трудовые лагеря; подобным же образом была уничтожена Украинская православная церковь.

Даже по раздутым официальным советским данным переписи 1939 года наблюдался дефицит 10-11 миллионов украинцев в это десятилетие. Подлинное число умерших от голода можно оценить приблизительно в 7 миллионов, из которых 2-3 миллиона — дети до семи лет.

Иногда сомневаются в том, что Сталин знал все, что тогда происходило, также как иногда утверждают, что Гитлер был застигнут врасплох «окончательным решением». На самом же деле совершенно ясно, что Сталин получал точные отчеты о происходящем из различных источников: «Правда» хрущевских времен приводила доказательства того, что у него был отчет из первых рук, от известного украинского коммуниста. Его цель — уничтожить Украину, его метод — тот же, что применяли Чингиз-хан и Тамерлан, — «опустошить» непокорную нацию.

Мой украинский друг назвал этот период «забытым голокостом». То, что происходило на Украине, было довольно хорошо освещено в то время на Западе — Малкольмом Мэггериджем, например, — но Сталин попросту отрицал, что был голод, и устроил для нескольких известных гостей шоу с показом ферм, так что прогрессивная западная общественность выбросила из головы и вскоре забыла эти события, на что жаловался Джордж Орвелл

Одна из причин столь быстрой забывчивости, я думаю, в том, что Запад игнорирует мощь украинского народа, силу украинского национального чувства. Страна была независимой всего лишь в течение нескольких военных лет, и мы привыкли думать о ней лишь как о части, пусть даже национальной части Российской империи или Советского Союза. Но это историческая и эмоциональная фальшь.

Существенная связь между украинским голокостом и инцидентом с авиалайнером заключается в том, что оба они были организованы одним и тем же режимом, одной и той же партией, и в том, что нынешние кремлевские лидеры начинали свою политическую карьеру в начале тридцатых,

как раз в те времена, когда партия руками своих наиболее молодых и наиболее жестоких кадров боролась против мужчин, женщин и детей, которых она рассматривала как своих классовых врагов.

Недавние высказывания миссис Тэтчер в вашингтонском посольстве об этих типах послужили поводом распустить благородные слюни, причем не только для «слютняев»-консерваторов, но и для всех прочих. Ее замечания (я присутствовал там и слышал их) были ясными, четко выраженными и абсолютно правильными. Но ясные и твердые выражения отрицаются как «риторические», и поэтому истинные мысли лучше не высказывать. Один тори — сверхслютяй или мегаслютяй — даже доказывал, что на оскорбления со стороны русских мы не должны отвечать и что взаимные словесные нападения могут помешать переговорам. Конечно же, это уравнило справедливые замечания миссис Тэтчер с его фальшивыми. Что же касается Кремля, то он будет продолжать вести переговоры с нами, несмотря на наши высказывания, если это будет в его интересах. Как это удачно делал гораздо больший любитель ругаться Гитлер.

Намного важнее то, что мы сможем вести переговоры разумно в том случае, если будем знать нашего противника и если наши лидеры смогут передать эти знания общественности — а это «железная леди» сможет сделать гораздо лучше, чем «желеобразный джентльмен». Между тем, позвольте заметить, что советское руководство, как бы подтверждая правильность отношения к нему английского премьер-министра, никогда не выражало раскаяния за украинский геноцид и даже никогда публично не признавало его, как не признавало оно и другие массовые убийства, характерные для советского прошлого.

Мой украинский друг принимал участие в мемориале 50-летия этой страшной трагедии, который был организован 3-миллионной украинской общиной на Западе. Эту статью можно рассматривать как мой небольшой вклад в этот мемориал.

(Перевел с английского А. Бабаев)

Звиад Гамсахурдиа

О ДИСКРИМИНАЦИИ ГРУЗИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ТРЕХ РАЙОНАХ АЗССР

(Письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС Ю. В.
Андропову)

Уже много лет грузинское население Саингило (ныне Кахский, Белоканский и Закаतालский районы Азербайджанской ССР) безрезультатно обращается во все партийные и советские инстанции, жалуясь на нестерпимое притеснение и преследование со стороны азербайджанских властей. То, что происходит в Саингило, можно назвать настоящей расовой дискриминацией грузин, официально санкционированной властями. Достаточно отметить, что азербайджанские власти под разными предлогами незаконно сносят дома грузин, вырубают их сады с виноградниками, лишают их приусадебных участков и даже продуктов питания, требуя «документов» на каждый килограмм продуктов и на каждую связку дров, искусственно заселяют Саингило негрузинским населением, борются против грузинских школ, разрушая их и строя на их месте «интернациональные» (т. е. азербайджанские школы с грузинским сектором), перерезывают населению Саингило все пути контакта с родиной — Грузией и ее населением, незаконно арестовывают грузин, глушат передачи из ГССР, взрывают, разрушают или переделывают уникальные средневековые памятники грузинской архитектуры, преследуют верующих христиан, поощряют принятие ими мусульманской веры, не допускают в районах действующую церковь и христианские праздники, несмотря на требования и протесты населения всего края.

Трудно перечислить все факты попрания самых элементарных прав населения Саингило, все факты глумления над человеческим достоинством ингилойцев, поэтому мы здесь укажем лишь на некоторые.

Как мы отметили выше, в азербайджанских школах Саингило существуют грузинские секторы, которые находятся в весьма плачевном состоянии, т. к. у педагогов нет методической помощи, а у детей нет в достаточном количестве учебников и школьных приспособлений. Представители грузинской интеллигенции и молодежи привозят им учебники из Грузии, однако власти запрещают ингилойцам общаться со своими соотечественниками, приехавшими из ГССР, и принимать от них в подарок учебники, как будто это иностранцы, приехавшие из враждебной державы (и это делают власти «братской» Азербайджанской ССР). Это ли дружба народов? Это ли советский патриотизм? Могут ли коммунисты Азербайджана иметь целью ассимиляцию грузинского населения?

Обратимся к фактам.

13 октября 1981 года в селе Ититала (ныне Белоканский район Азербайджанской ССР) группа милиционеров, руководимая капитаном Мехтиевым, без санкции ворвалась в дом инженера-педагога Р. Куркунаева (Зарабашвили) и конфисковала учебники для местной грузинской школы — 800 штук, которые он привез из Тбилиси по поручению Министерства просвещения ГССР, имея надлежащее разрешение. Все документы, включая паспорт, у него были отобраны. Этим азербайджанские руководители возродили поистине фашистские методы преследования книг, на сей раз официально изданных в СССР. Сам Куркунаев также незаконно был задержан. В милиции во время допроса с ним беседовали представители райкома, РОНО, а также официальные лица из Баку, которые заявили ему, что ингилойцы — не грузины, поэтому им не нужны грузинские учебники, что Саингило никогда не было Грузией, что все, кто по вероисповеданию мусульмане, являются обязательно азербайджанцами и т. п. (Все это происходит в то время, когда в Грузии процветают азербайджанские школы и никто не преследует азербайджанские книги, а также никто не называет азербайджанцев, проживающих в Грузии, «грузинами»). Р. Куркунаев жаловался во все инстанции, но тщетно. Кончилось тем, что ему пришлось навсегда уехать из Саингило и поселиться в

Грузии. Я также послал телеграмму по этому случаю Л. И. Брежневу, но безрезультатно.

16 октября 1982 года экскурсия студентов Тбилисского государственного университета, руководимая лектором Г. Куталиа, посетила Белоканский, Закатальский и Кахский районы. Целью экскурсии был осмотр исторических памятников и ознакомление с этнографическим бытом. Экскурсанты имели с собой детскую и юношескую литературу, изданную в Тбилиси в 1955 году, 6 комплектов шахмат, мячи и учебные карты.

В селе Ититала они посетили школу, однако директор школы Мустафаев не пустил их в здание школы и разогнал учеников, запретив им принять учебники. Он не позволил детям даже сфотографироваться вместе с приезжими. Несмотря на это, учебники и подарки были розданы детям. В это время появился участковый инспектор милиции и, с грубой бранью налетев на детей, отнял у них книги и подарки, а тбилисцам с угрозами приказал оставить село Ититала. Когда тбилисцы уезжали из села, дети и их родители гнались за автобусами и кричали: «Не бойтесь их и в будущем не оставляйте нас в беде!»

Экскурсия направилась в Белоканы и Закаталы. Вечером они остановились в селе Алибад * Закатальского района и раздали книги школьникам. Затем остались ночевать у жителя данного села Б. Керимова (Цилишвили). Ночью к дому подъехало несколько милицейских машин. Милиционеры без санкции ворвались в семью, обвинили хозяина и гостей в спекуляции орехами и книгами, пытались обыскать дом и автобус, шантажировали хозяина, спрашивая его на какие средства накрыл он стол для приезжих (не зная, что эти последние привезли с собой свои продукты). Милиция всю ночь караулила дом, а утром потребовала от тбилисцев оставить село, взяв одного из хозяев (М. Исаева) в милицию в качестве заложника.

17 октября утром экскурсанты оставили Алибад и поехали в Кахи, где с ними не случилось никаких инцидентов,

---

* В селе Алибад в 1971 году был взорван грузинский храм XII века «Богоматерь».

однако на обратном пути на границе Кахского и Закатальского районов их остановила автоинспекция. Сотрудники милиции без предъявления документов набросились на студентов, пытались повлечь их за собой в милицию, грубо обращались с девушками, издевались над ними. Экскурсанты в знак протеста не последовали за ними и потребовали компетентную личность, чтобы получить разъяснения.

Через некоторое время на место происшествия явился человек в штатском, а затем — несколько машин, наполненных милиционерами и людьми в штатском (экскурсанты успели зафиксировать номера двух машин: «Волга» ГАЗ-24 N81-00 АГЛ и «Москвич» N79-86 АГД). Вышеупомянутое лицо заявило, что оно является заведующим отделом КГБ Кахского района. Человек этот бранился и угрожал экскурсантам за то, что они привезли учебники детям (!). Студенты попытались записать его ругань на магнитофон, однако сотрудники набросились на них и, вырвав из рук дорогостоящий японский магнитофон, разбили его. Затем, угрожая избиением, в нарушение всех этических норм, обыскали девушек, а также руководителя экскурсии лектора Г. Куталиа.

Наконец сотрудники органов были вынуждены отстать от тбилисцев, т. к. на дороге остановилось движение, скопились машины, водители начали сигналить. Перед отъездом «блюстители порядка» отняли авторучки у студентов и загородили номера своих машин, боясь, что они будут записаны.

Вернувшись в Тбилиси, экскурсанты узнали, что у детей и их родителей были отобраны все книги и подарки, а хозяев М. Исаева и А. Тинаева незаконно держали в милиции и освободили лишь по просьбе делегации учителей села Алиабад, за что на этих учителей прогневался первый секретарь Закатальского райкома партии и пригрозил им закрытием грузинского сектора школы.

Слыша о подобных вещах, не веришь, что подобное варварство может происходить в XX веке и притом в цивилизованной стране. Действия мусульманских, мусаватистских экстремистов, замаскированных партийными мандатами, напоминают фашистские методы. (Истинные коммунисты, по нашему мнению, не поступили бы так.)

Необходимо создать компетентную комиссию ЦК КПСС для расследования вышеупомянутых фактов и, если участники вышеупомянутых бандитских налетов действительно являются сотрудниками органов, наказать их примерно.

Если в скором будущем не будут приняты меры для искоренения этих возмутительных беззаконий, то создастся впечатление, что все это сознательная антигрузинская политика, исходящая из центра, а не только произвол местных властей.

С уважением

Звиад Гамсахурдиа

12 ноября 1982 года,
г. Тбилиси

УКРАЇНСЬКА ГЕЛЬСІНКСЬКА ГРУПА

1978 — 1982

ДОКУМЕНТИ І МАТЕРІЯЛИ

Упорядкував і зредагував
Осип Зінкевич

Українське Видавництво «Смолоскип» ім. В. Симоненка

SMOLOSKYP
P. O. Box 153 Station "T"
Toronto, Ontario, M6B4A1
CANADA

SMOLOSKYP
P. O. Box 561
Ellicott City, Md. 21043
USA

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Збигнев Бжезинский

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ — МИРОВАЯ СВЕРХДЕРЖАВА ОСОБОГО ТИПА*

Цель этого доклада — проследить особую природу Советского Союза как мировой державы и определить специфический характер советского вызова международной системе. Основные тезисы моего анализа могут быть кратко представлены следующим образом:

1. Экспансионизм советской имперской системы — это уникальный органический императив, порождаемый отсутствием чувства территориальной безопасности в русском центре империи.

2. Поскольку русские кровно заинтересованы в сохранении империи, трудно поверить в подлинную эволюцию советской системы в направлении плюрализма.

---

* Доклад, прочитанный профессором Колумбийского университета, бывшим советником по вопросам государственной безопасности президента США Картера Збигневом Бжезинским на юбилейной конференции Международного института стратегических исследований в Оттаве (Канада) 8 сентября 1983 года. Проф. Бжезинский любезно согласился на публикацию перевода этого доклада в нашем журнале. — Ред.

3. Политические приоритеты и бюрократические искажения коммунистической системы вынуждают Советский Союз играть одноплановую роль военной сипы мирового значения.

4. Советы обладают теперь военной мощью мирового масштаба, но их политические возможности в мире ограничены — они достаточно сильны для того, чтобы согласиться на существующий статус кво, и одновременно внутренне настолько слабы, что боятся его.

5. Как органически экспансионистское и односторонне развитое военное государство, которое неспособно совершить подлинную революцию в мире, Советский Союз довольствуется по существу негативной ролью раскольника в международных соглашениях о взаимном сотрудничестве.

6. Серьезный раскоп сип на международной политической арене может возникнуть из-за неспособности Запада противопоставить свою мощь советскому военному давлению и одновременно успешно справляться со все усиливающимися кризисами в стратегически и геополитически наиболее важных зонах Ближнего Востока и Центральной Америки.

1. Исключительно органичный империализм (Тезисы 1 и 2)

Советский Союз является политическим выражением российского национализма. Русские доминируют в многонациональном Советском Союзе с населением в 270 миллионов человек, и благодаря силе и ресурсам этого Союза они господствуют также в группе географически смежных государств, где проживают еще 115 миллионов человек. Таким образом 135 миллионов русских реально осуществляют контроль над политической структурой, которая включает в себя всего около 385 миллионов человек и которая простирается на значительную часть евразийского континента.

Это вовсе не означает, что система построена только на национальном угнетении. Русские управляют при помощи кооптации (привлечения людей к власти) в той же мере, как и при помощи репрессий. В истории Российской империи —

масса примеров успешного привлечения к власти, подкупа и интеграции элиты иных народов, постепенной политической и даже культурной абсорбции этнически родственных наций, воспитания чувства более широкой общности. Тем не менее, в основе этого процесса лежит реальность имеющейся у Москвы силы, которую она безжалостно использует всякий раз, когда какая-либо нация пытается сопротивляться порабощению, особенно если она стремится вырваться из-под российского господства.

Особый характер российской империалистической экспансии определяется взаимосвязью между военной организацией общества в России и территориальными требованиями, обусловленными инстинктом самосохранения. Как русские, так и нерусские историки часто отмечают, что русское общество с незапамятных времен выражало себя политически как государство, устроенное и управляемое по военному образцу, где основным организующим импульсом было служение делу государственной безопасности. Отсутствие каких-либо четко определенных национальных границ превращало территориальную экспансию в видимый путь достижения безопасности. Но такая экспансия порождала новые конфликты, новые тревоги, а значит, вела к новой экспансии. Так образовался порочный исторический цикл: недостаточное ощущение безопасности порождало экспансионизм, экспансионизм приводил к недостаточной безопасности, недостаток безопасности стимулировал дальнейшую экспансию.

Русская история, таким образом, является историей бесконечной территориальной экспансии. Эта постоянная экспансия из северных равнин и лесов Московии продолжается — почти непрерывно — уже более 300 лет. Она проявлялась и в наступлении на Запад против наиболее сильных соперников (результатом чего было изгнание шведов с восточной Балтики и раздел польско-литовского государства), и в непрерывном наступлении на Юг, которое завершилось (после поражений, нанесенных Оттоманской империи) покорением украинских казаков и крымских татар, а также поглощением нескольких кавказских наций и мусульман Средней Азии; она связана и с постоянным потоком переселенцев, ссыльных и военных разведчиков

вдоль границ Китайской империи, вплоть до Камчатки. Такая территориальная экспансия безусловно является — и по масштабу и по продолжительности — одним из наиболее претенциозных примеров безостановочного империалистического наступления, известных истории.

Таким образом русские получили в свои руки контроль над самыми большими в мире владениями. Они сохраняют его, заселяя относительно густо центр империи — огромную область, известную как Европейская Россия, и в меньшем (но политически значительном) количестве поселяясь в стратегически важных колониальных зонах Прибалтики (включая Калининград), в Белоруссии, на Восточной Украине, на северо-восточном побережье Черного моря, в Казахстане и на длинной, исключительно важной с точки зрения безопасности, полосе вдоль Транссибирской железной дороги, вплоть до советского Дальнего Востока. В результате, бескрайние пустые просторы Сибири оказываются эффективно изолированными и пригодными для постепенной колонизации.

В процессе экспансии русские утвердили свое господство над более слабыми народами, населяющими эти территории, покоряя их политически, ассимилируя их культурно и даже иногда уничтожая часть населения биологически. Контроль над нерусскими народами осуществляется из центра и это препятствует их объединению против политического господства русских, которые населяют стратегически важные области в центре многонациональной державы.

Таким образом, российская имперская система — эта смесь ассимиляции, угнетения и стратегических поселений — возникла совершенно иным путем, чем другие империи недавнего прошлого. Морская экспансия в отдаленные земли с последующими ограниченными поселениями — здесь не имела места. Русская колонизация — это более органичный процесс проникновения на смежные территории, когда атавистический инстинкт самосохранения диктует потребность в новых землях, а «недостаток безопасности» стимулирует бесконечную экспансию. И в результате, вопреки многим журналистским штампам, исторически Россия не столько была жертвой частых агрессий, сколько сама

выступала в качестве агрессора, расширяясь от центра во всех направлениях, как только появлялся соответствующий повод. Любой список актов агрессии против России за последние два столетия выглядел бы весьма жалко при сравнении его с параллельным списком русских захватических походов против своих соседей.

Чувство «необеспеченности своих границ», о котором так много говорят, русским действительно присуще, но вызвано оно отнюдь не тем, что на Россию часто нападали, а тем, что его порождал органический экспансионизм, который своими территориальными приобретениями вызывал ответные волны антагонизма.

Дополнительным и долгосрочным следствием политики постоянной территориальной экспансии было возникновение имперского сознания у русского народа. Что такое «имперское сознание» трудно определить, но трудность подбора соответствующей дефиниции вовсе не отрицает существование самого феномена. Есть что-то исключительно имперское в том, что русские настойчиво стремятся играть роль «старшего брата» всех покоренных народов, в их стихийной решимости строить огромные православные соборы в центрах покоренных столиц, например, в Хельсинки и в Варшаве (и даже в том, что на месте варшавского собора, который освобожденные поляки высадили в воздух в 1919 году, русские тридцать лет спустя поставили Дворец культуры имени Сталина), в глибоко укоренившемся убеждении, что почему-то нерусские народы Советского Союза и Восточной Европы должны оставаться во власти «Матушки-России». Кто видел или читал отчеты о том, как советские послы за границей ведут свои периодические совместные сессии со своими коллегами — послами стран Варшавского договора, получил из первых рук представление об имперских и иерархических отношениях.

Российское имперское сознание — это сложный сплав религиозного мессианизма (что в течение длительного времени связывал Москву с Третим Римом), националистических инстинктов великодержавности и более современного универсалистского идеологического фанатизма. Кроме того, территориальный экспансионизм и уже упомянутое чувство «недостаточной безопасности» усиливается ком-

мунистической одержимостью по отношению к внутренним и внешним врагам, и это в свою очередь способствует развитию уже существующего параноидного отношения к внешнему миру. Вся эта сложная система мотиваций помогла создать и укрепить мировоззрение, согласно которому интересы соревнования за мировое господство, определяемые в течение десятилетий успехами в конкуренции с США, стали основным движущим импульсом. На этом импульсе и держится хищнический характер российского империализма.

Именно это стремление ко всемирному господству, так же как и глубокая заинтересованность в сохранении империи не дают повода надеяться на какие-либо качественно значительные эволюционные изменения характера советской системы. Без советской интервенции Чехословакия Дубчека (как и Польша Валэнсы) стала бы, вполне вероятно, социал-демократической республикой, где коммунистическому тоталитаризму пришел бы конец.

Но советская интервенция произошла по той же самой причине, по которой внутренняя эволюция в направлении большего политического плюрализма в Советском Союзе будет решительно, и возможно более успешно, подавляться еще в течение довольно длительного времени. Реакция на мирные изменения в Восточной Европе объясняется теми же факторами, что вызывают у русских страх перед каким-либо существенным ослаблением центрального контроля Москвы. Подлинная далеко идущая децентрализация советской системы, даже только экономическая, создала бы смертельную опасность для российского имперского контроля, а также (в сознании русских) для безопасности русского народа. Но что означает, с точки зрения политики, «только экономическая» децентрализация в условиях Советского Союза? Очевидно, что она означала бы более широкую автономию для нерусских, которые могли бы превратить большую экономическую самостоятельность во все большую степень политического самоопределения.

Для большинства русских — это очень опасная перспектива. Любое проявление национальной самобытности в каких-либо национальных республиках бросает вызов русскому территориальному верховенству и может даже пред-

ставлять угрозу русскому национальному самосохранению. Куда бы в конце концов завели подлинная децентрализация, демократизация и утверждение плюрализма? Где можно действительно провести грань между русскими и нерусскими, принимая во внимание демографические изменения последних десятилетий? Децентрализация принесла бы усиление напряженности и в конце концов привела бы к конфликтам во многих районах: в некоторых прибалтийских республиках, густо заселенных непрошенными русскими, в культурно смешанных районах Белоруссии и Украины и, конечно же, на окраинах — в кавказских и среднеазиатских республиках.

Крах заморских империй — британской и английской — не означал конца ни Британии, ни Франции. Расчленение территориально целостной российской империи могло бы угрожать существованию самой России, если принять во внимание отсутствие у нее естественных границ. Трудности, которые должны были преодолеть французы в Алжире, бледнеют по сравнению с теми, что возникли бы на окраинах чисто русских земель. Любые попытки распутать сложные национальные взаимоотношения привели бы к беспорядкам и кровавым столкновениям, и страх перед такой перспективой инстинктивно делает каждого русского нетерпимым по отношению к любому существенному ограничению центрального контроля Москвы. Инстинкт самосохранения придает автократической, строго централизованной имперской советской системе исключительную стабильность, нейтрализуя неверие в собственные силы и имперскую усталость, которая побудила британцев и французов согласиться на раздел их империй.

II. Одномерная мировая сверхдержава особого типа (Тезисы 3 и 4)

Западные исследователи советской системы не склонны признавать, что политический централизм придает ей прочность и что российские империалистические устремления неотъемлемо присущи этой системе. Конечно, спокойнее верить, что оба эти фактора скоро исчезнут, что система будет постепенно смягчаться благодаря то ли

политике сдерживания, то ли экономическому развитию (то ли комбинации этих двух действующих сил), а ее империалистический динамизм ослабнет одновременно с неминуемым увяданием марксистского фанатизма. Трансформация системы и уменьшение ее империалистических амбиций освобождает Запад от обязанности стать лицом к лицу перед гораздо более трудной дилеммой: как в наш ядерный век сосуществовать с мощной и закрытой политической системой, которая руководствуется нечетко выраженными, но очень опасными глобальными целями.

Но что случится, если советская система не станет более мягкой, а ее военная сила будет продолжать возрастать? Очень редко (если они вообще это когда-нибудь делают) западные обозреватели рассматривают международные осложнения, возможные в этом случае, — разве что этим занимаются люди крайне правых взглядов (и то с большой долей манихейства и морализаторства). А между тем вопрос этот требует внимания, и спедует прежде всего хорошо уяснить себе то, что в течение еще многих будущих десятилетий может продолжаться беспокойное и не всегда мирное сосуществование с сильным в военном отношении Советским Союзом — сосуществование на краю пропасти ядерной войны.

Отправной точкой для того, чтобы реально оценить наши взаимоотношения, должно быть признание особого характера советской системы как мировой сверхдержавы. Советский Союз — это сверхдержава нового типа потому, что ее могущество одностороннее и что, в связи с этим, она не способна обеспечить себе господствующего положения в мире. Это факт, что Советский Союз имеет глобальное значение только в военном отношении, но ни в каком другом. Он не является ни экономическим соперником США, ни даже — как это было в прошлом — источником идеологического эксперимента, представляющего интерес для всего мира. Это положение значительно ограничивает возможности СССР действовать так, как традиционно действовали мировые державы или претенденты на это звание.

Традиционно как ведущая военная держава мира, так и ее ближайший соперник имели схожее политическое и социально-экономические устройство, и оба были способны в

течение длительного времени удерживать всестороннее первенство. С конца средних веков морская мощь была основным средством достижения глобального военного превосходства, и государствами, которые добились его (насколько вообще можно говорить о глобальном военном превосходстве в век ограниченных коммуникаций и слабо развитой военной техники), а также их главными соперниками были: Португалия и Испания (соответственно) — в течение большей части XVI столетия; затем Голландия и Франция — в XVII веке; Британия и Франция, а позже Германия — в XVIII, XIX веках и части XX столетия; и наконец, Соединенные Штаты и Советский Союз (соответственно) — во второй половине XX века. Во всех случаях, кроме последнего, соперничество шло на таком уровне, что каждый из соперников был способен, в дополнение к своей военной мощи, играть руководящую роль и в торговле, и в политике. Именно поэтому любой из соперников, добившись ведущей роли в мире, мог осуществлять и удерживать всестороннее лидерство.

Отличительной чертой советской мировой политики является то, что Советский Союз, очевидно, вовсе не подготовлен к конструктивному и длительному лидерству в мире в случае, если бы ему удалось столкнуться США с позиции мировой сверхдержавы. Советский Союз не в силах взять на себя роль финансового лидера мира. Его экономика не может действовать как двигатель мирового развития и технического прогресса. Его массовая культура не имеет широкой привлекательности (ее ведущие представители — интеллектуалы и художники — постоянно бегут из Советского Союза). Короче говоря, место мирового лидера, если оно будет потеряно Америкой, не может быть занято Советами.

Основная причина такого положения — само существование коммунистической системы в России. Ее бюрократизация, централизация, догматизм при принятии решений подавляют всякую социально-экономическую инициативу. И в результате советские достижения во всех невоенных областях колеблются в пределах между средними и ниже среднего. По-прежнему, например, нужны решения буквально на самом высоком политическом уровне для того, чтобы советская экономика могла производить товары, на которые

давно существует спрос во всем мире. Советская экономика в течение многих лет требует социальных затрат, вовсе не пропорциональных выпускаемой продукции. Вероятно, никогда еще в истории такие талантливые люди в стране с такими богатыми ресурсами не работали с таким трудом и так долго, чтобы производить так мало.

Сравнительные исследования социально-экономического развития (например, исследования проф. Сирила Блэка из Принстонского университета) показывают, что сегодня Советский Союз по социальным и экономическим показателям занимает в мире то же место, которое занимала Россия в начале этого столетия. Блэк приходит к следующему выводу: «За прошедшие пятьдесят лет место СССР в сравнительном списке экономических и социальных показателей различных стран вероятно существенно не изменилось. Насколько позволяет судить ограниченное количество доступных материалов, СССР с 1917 года не перегнал по показателям на душу населения ни одной из 19 или 20 стран (за исключением, быть может, лишь Италии), которые стояли выше России в 1900 и 1919 годах и которые стоят выше СССР сегодня. Национальный продукт на душу населения в Италии, которая сегодня следует непосредственно за СССР, был, видимо, несколько более высоким пятьдесят лет назад».

Иными словами, невероятные жертвы, беспрецедентные человеческие потери, лишение общества всего жизненно необходимого (что ощущает каждый советский гражданин) — все это дало результаты, подобные тем, которые другие общества достигли при гораздо меньших социальных затратах. Более того, темпы советского экономического развития после Второй мировой войны были лишь средними, несмотря на то, что сначала Советский Союз имел статистическое преимущество, т. к. восстанавливал свою экономику, начиная с очень низкого уровня, вызванного военным опустошением. В 1950 г. советский национальный доход составлял 11% мирового, а теперь, три десятилетия спустя, он все еще составляет те же 11%. Не удивительно, что советские пропагандисты стараются теперь не вспоминать пророчества Хрущева, который в 1960 г. обещал перегнать США в абсолютном производстве к 1970 году, а в относительном (производстве на душу населения) — к 1980 году.

В такой же мере безрадостная картина наблюдается в социальной и культурной областях советской жизни. Недавние исследования показывают снижение продолжительности жизни мужчин, плохое состояние здравоохранения, повышение смертности новорожденных и широкое распространение алкоголизма. Интеллектуальная у художественная жизнь задавлены, социальные инициативы наталкиваются на бюрократическую инерцию. Короче, Советский Союз не является обществом, чей образ может показаться миру привлекательным, а это — основное условие, необходимое для достижения мирового лидерства.

Основной эффект плохого функционирования системы — двойной. Прежде всего, он усиливает традиционную русскую и доктринерски-коммунистическую подозрительность по отношению к внешнему миру. Весь мир будто бы стремится уничтожить московскую империю и содействует антикоммунистической контрреволюции. Таким образом, внешний мир по-прежнему кажется опасным для Москвы, хотя Советский Союз и добился статуса мировой военной сверхдержавы. Хотя советские очень гордятся своей только что приобретенной военной мощью и используют ее для того, чтобы требовать равного статуса с США, в советских представлениях о мире Соединенные Штаты Америки приобретают угрожающе огромные размеры и с помощью своих финансов, связей, средств массовой информации охватили, как щупальцами, весь мир. Американская технология (сейчас, например, микроэлектроника) предоставляет американским вооруженным силам новые возможности, к чему советские относятся более чем серьезно. На Дальнем Востоке угрожающе растет потенциал китайско-японского созвездья, в то время как на Западе все заметнее магнитное притяжение Восточной Европы Западной, которая не окончательно признала после-ялтинский раздел.

Все это усиливает советскую параною и прямо связано с другим важным следствием одностороннего характера советской мировой мощи. Это — шаткость равновесия с США, (то приспособление, то конкуренция), когда Советский Союз, с одной стороны, желает разделить с США лидерство, а с другой стороны, боится оказаться в роли младшего партнера, вынужденного соглашаться на существующей статус-кво.

Этот статус-кво Москва не может признать не только потому, что он означал бы сохранение американского преимущества, но и потому, что — в советских глазах — он может стать начальным этапом политики содействия «мирной эволюции» внутри Советского Союза, т. е. его политического разрушения.

И следовательно, частью стратегической линии Кремля, наряду с поддержанием мировой военной мощи, являются постоянное провоцирование региональных конфликтов, создание препятствий для широкого и подлинно наднационального международного сотрудничества, оппозиция тому, что называют «мировым порядком». Военная мощь Москвы позволяет ей все чаще играть ту роль, которая соответствует советскому империалистическому сознанию, т. к. уменьшает страх, что местные конфликты могут привести к фронтальному столкновению с США, и позволяет использовать военные рычаги для подрыва ведущего положения США в тех районах, которые до сих пор считались зоной влияния Соединенных Штатов. Особенно важной и эффективной в этом отношении является советская способность (большая чем американская) поставлять из своих громадных арсеналов огромное количество военного снаряжения своим клиентам и возможным союзникам. Действительно, политика постепенного подрыва американского первенства в мире — это ключевой аспект исторического самовыражения Советского Союза в качестве мировой державы.

Все это ведет к обобщающему выводу, что подлинная опасность для Запада заключается не в том, что Советский Союз когда-нибудь сможет установить в мире «Pax Sovietica», а скорее в том, что СССР как одномерная мировая сила, подрывая установившийся в мире порядок с целью вытеснения Америки, будет стремиться в нынешних условиях не к мировой революции, а ко все большей глобальной анархии, от которой будут страдать все.

III. Частично изменившийся взгляд на советскую угрозу (Тезисы 5 и 6)

Вышеприведенный вывод означает, что широко распространенный на Западе взгляд на природу советской угрозы нуждается в ревизии. Сразу же после Второй мировой войны Запад был охвачен страхом, что огромная советская армия ринется на запад и буквально затопит Европу. Дискуссии, которые велись тогда на самом высоком уровне, в основном касались, — как показали недавно исследования проф. Д. А. Розенберга — вопроса: каким же в этом случае должен быть ответ США, принимая во внимание американскую монополию пусть даже на ограниченный ядерный потенциал? Берлин стал символом решительности Запада, и блокада этого города была для американцев и для советских пробным камнем испытания силы воли.

Беспокойство Запада, и в частности Америки, вновь усилилось после коммунистической интервенции в Корею и привело к разработке Соединенными Штатами всестороннего плана ядерной войны и созданию Управления стратегической авиации, как главного центра подготовки массированного контрудара. В конце 50-х хрущевская бравада ракетами привела к еще большей интенсификации усилий США с целью уравновесить предполагаемое советское преимущество, что принесло в результате значительное стратегическое преимущество США. Однако в конце 70-х и в начале 80-х годов, когда территория США оказалась вполне уязвимой в случае возможной советской атаки, вновь заговорили о том, что СССР приближается к достижению значительного военного преимущества, а президент Рейган даже заявил, что Советский Союз уже стратегически сильнее Соединенных Штатов.

На самом деле, в течение большей части послевоенного периода советская угроза Западу — вопреки широко распространенному мнению — не была преимущественно военной. Даже теперь, когда военная угроза со стороны СССР гораздо серьезнее, ее следует рассматривать в более широком политическом контексте. Непосредственно после войны Сталин проверял в некоторых периферийных районах прочность вновь устанавливающихся геополитических от-

ношений, но его вызов не был в первую очередь военным. В действительности же Запад значительно переоценил имевшиеся советские военные возможности, не заметив, как мы теперь видим, крупномасштабной демобилизации Красной Армии. Правда, Запад, и в частности Америка, разоружился много быстрее, но он противостоял Востоку, который был и социально, и в военном отношении истощен и нуждался в мире.

Вызов, брошенный в эти годы, был в основном политико-идеологическим. Советский Союз вышел из Второй мировой войны с беспрецедентно высоким престижем. Его приветствовали и идеализировали на Западе (и не только попутчики). Многие на Западе безрассудно хотели верить, что Советский Союз и после войны останется союзником, и делали все возможное и невозможное, чтобы понять советскую точку зрения на противоречивые международные проблемы. Более того, населению опустошенных войной стран Советский Союз представлялся в образе не только победившей, но и очевидно прогрессивной социально-экономической системы. Этот образ порождал идеологические симпатии и призывал следовать ему политически. Потребовались огромные усилия со стороны американцев (прежде всего в виде плана Маршалла) для того, чтобы нейтрализовать эту привлекательность, — именно на этом фронте, а не на чисто военном, возникла историческая конфронтация. Это вовсе не означает, что следует отрицать важное значение НАТО или Корейской войны в сдерживании Советов, но это определяет решающее значение политико-идеологических факторов в соперничестве двух держав в те времена.

Следующий критический этап советского наступления был в конце 50-х и в начале 60-х годов. Хрущевская политика преждевременного достижения мирового первенства, проводимая с помощью фальшивых заявлений о ракетном приоритете, провалилась во время кубинского кризиса 1962 года. Хрущевский внешнеполитический вызов был, однако, проявлением более общего взгляда на историю, в основе которого лежал «экономический оптимизм». Вульгарное выражение советского лидера: «Мы вас похороним» было не прямой физической угрозой. — как многие предполагали тогда, — а скорее брошенной перчаткой исторического

вызова, как бы демонстрацией неуместной уверенности в том, что американский экономический застой и советский экономический прогресс превратят в 1970-х годах Советский Союз в самую экономически мощную державу.

Этого не случилось. В 1980 году Советский Союз был так же далеко позади Соединенных Штатов, как и четверть века тому назад. Амбициозная технологическая гонка закончилась подъемом американского флага на Луне. Сегодня советская экономика, как это широко признано, находится если не в кризисе, то в состоянии застоя, и перед ней встают все более трудные для разрешения проблемы. Советское сельское хозяйство, очевидно, — в полном развале. Советская система в основном потеряла свою идеологическую привлекательность, что значительно уменьшает советское влияние в мире.

Однако в 80-х годах советская военная сила действительно впервые стала силой мирового масштаба, компенсирующей в какой-то мере недостаток привлекательности советской социально-экономической системы. Ясно, что эти условия вполне устраивают советских лидеров, и каждый, кто имел с ними дело, может засвидетельствовать их гордость новым статусом Советского Союза как мировой сверхдержавы. Но достигнуть мировых размеров — это не то же самое, что овладеть миром. Советский вызов миру, как было замечено, односторонний, а потому не может быть достаточным ни для всестороннего руководства миром, ни даже для длительного мирового партнерства с США. Противоречивость обладания односторонней силой порождает своеобразное мировоззрение, где чувство страха за внутреннюю безопасность смешано со стремлением к разрушительной агрессии.

Конечно, можно сомневаться, что советские лидеры действуют в соответствии с каким-то широким революционным планом, и даже в том, что они вообще имеют какую-либо стратегическую линию, рассчитанную на долгие годы. В жизни те, кто принимает решения, вынуждены так часто реагировать на обстоятельства и справляться с таким количеством специфических дел, что они просто не имеют времени и интеллектуальных возможностей систематически заниматься определением долговременных политических целей. Безусловно, советские лидеры действуют в соответствии с

общей установкой, где сохранение того, что Москва контролирует, и подрыв того, что пытается создать Вашингтон, — две путеводные звезды, направляющие более специфическую тактику и стратегию.

Здесь важно напомнить о существенной разнице между подлинно революционной мировой державой и мировой державой, способной лишь на разрушения. Наполеоновская Франция не только угрожала нарушить статус-кво. Ее социально-экономическое устройство могло бы стать основой нового международного порядка, который возник бы, если бы Наполеон победил Британию и Россию. В этом смысле Франция была подлинно революционной великой державой. В зловещем смысле гитлеровская Германия и Япония Тойо обладали также революционным потенциалом для создания нового международного порядка, если бы они выиграли войну.

В противоположность этому Советский Союз способен лишь на подрывную, но вовсе не на революционную роль. Его возможности ограничены как одномерностью его мощи, так и наличием ядерного оружия. Ядерное оружие исключает использование большой войны в качестве катализатора революции. Вплоть до наступления ядерной эры места мировой сверхдержавы можно было добиться в результате фронтальной военной конфронтации, когда победа в войне, при наличии других атрибутов национальной мощи (таких как экономика, финансы, наука и культура), означала одновременно и достижение мирового первенства.

Но как раз этих-то атрибутов силы Советскому Союзу больше всего и не хватает. Кроме того, принимая во внимание слабости, присущие советской системе, нет оснований считать, что эта ситуация скоро изменится в пользу СССР. Таким образом, Советский Союз не сможет добиться мирового перевесов ни путем прямого ядерного столкновения, ни путем мирной социально-экономической конкуренции. У него есть лишь одна возможность это сделать — истощать и постепенно подрывать стабильность международных систем и порядков с целью прямо или косвенно нанести ущерб Америке.

Наиболее эффективным методом подрывной стратегии является достижение такого постоянного уровня военной

мощи, который мог бы предостеречь Соединенные Штаты от решительных шагов и запугать американских союзников, при одновременной поддержке враждебных США элементов в тех стратегически важных районах, которые имеют особое значение для изменения нестойкого политико-экономического равновесия в мире. Сегодня такие районы — это прежде всего Ближний Восток и Центральная Америка.

Соответственно то, что произойдет в этих двух стратегически и геополитически чувствительных зонах, определит на долгое время характер американо-советских отношений и роль Советского Союза в мире. Прогрессирующий упадок политической стабильности на Ближнем Востоке, связанный с повторным внедрением СССР в этот район, из которого он вынужден был уйти в 1973 году, может иметь принципиальное значение для американских отношений как с Европой, так и с Дальним Востоком. Стратегическая особенность этого района такова, что любое существенное снижение американского влияния, особенно если оно будет сопровождаться увеличением советского военного присутствия, обязательно будет иметь далекоидущие, важные для всего мира, стратегические последствия в соотношении сил между Америкой и Советским Союзом.

Подобным же образом то, как решат свои новые проблемы в Центральной Америке Соединенные Штаты и как в перспективе сложатся отношения между США и Мексикой, неизбежно повлияет на глобальное равновесие сил и, следовательно, на роль Советского Союза в мире. Как и на Ближнем Востоке, здесь не столько важно то, что делает Советский Союз, сколько то, как ведут себя США, каковы их действия или бездействие. Если американская политика приведет к американизации социально-политических конфликтов, в результате чего страны Западного полушария отвернутся от Соединенных Штатов и американо-мексиканские проблемы, соответственно, настолько усложнятся, что США потеряют возможность конструктивно помочь Мексике в решении ее внутренних проблем, позиция Америки в мире резко и надолго ухудшится.

Это в свою очередь усилит советские имперские аппетиты и импульсы к экспансии, одновременно укрепляя существующую в СССР структуру и основы советской

системы. И действительно, как показывает опыт русской истории, внутренние политические изменения, имевшие принципиальный характер, происходили в стране только после внешних поражений, и наоборот, внешние успехи чаще всего укрепляли централизм и идеологический контроль. Кроме того, — как показал Арнольд Горелик в своих недавних исследованиях, — в Советском Союзе внутренние успехи также стимулируют более агрессивное и более амбициозное внешнее поведение.

И напротив, внешние неудачи способствуют серьезной переоценке российской внутренней политики, а в некоторых случаях даже приводят к существенным изменениям системы. Так например, несмотря на внутреннюю слабость царского режима, на широко распространенную коррупцию и бессмысленную бюрократизацию, основная структура власти сохранялась в течение длительного времени и рухнула лишь в результате массивного поражения, которое потерпела Россия во время трехлетней опустошительной Первой мировой войны. Кроме того, редкие периоды внутренних реформ, которые приходились на первую декаду XX столетия и на 60-е годы прошлого века, следовали непосредственно за внешними поражениями России — в русско-японской войне и в крымском конфликте, соответственно. Известный русский историк В. Ключевский заметил (как цитирует его в своей статье Горелик), что «в России война, доведенная до победного конца, всегда способствовала укреплению уже существующего порядка», но «прогресс в русской политической жизни дома всегда достигался ценой русской политической неудачи за границей».

Добившись глобальной военной мощи, Советский Союз *de facto* подорвал американскую политику географического сдерживания. В то же время, если советская мощь и впредь будет односторонней, СССР может оказаться перед перспективой, что напряжение будет ему не под силу, или даже перед опасностью крупного внешнеполитического провала в результате какой-нибудь военно-политической неудачи. И в этом отношении московская стратегия преднамеренного использования глобальных волнений может стать в исторической перспективе игрой с огнем.

Политические выводы, вытекающие из вышесказанного, кратко могут быть представлены так:

1. Военный аспект соперничества между Востоком и Западом, особенно между США и СССР, имеет решающее значение в негативном смысле. Хотя это соперничество не будет, вероятно, решено прямым вооруженным столкновением, Запад должен делать все возможное для того, чтобы быть уверенным, что СССР не добьется военного преимущества, которое позволило бы ему проводить политику шантажа.

2. Соглашения о контроле над вооружением следует оценивать прежде всего по тому, в какой мере они могут способствовать поддержанию стабильного баланса сил между Востоком и Западом. В этом их основное значение. Не следует, решая проблему контроля над вооружением, иметь иллюзии, что какие-либо соглашения могут повлиять на советскую систему и на ее отношения с Западом, поскольку долговременное политическое соперничество не может закончиться даже с подписанием договора о всестороннем контроле над вооружением.

3. Любая значительная советская внешнеполитическая неудача окажет, вероятно, большое и непосредственное влияние на Восточную Европу. Этот район наиболее беспокоен и наиболее возмущен советским контролем. Любое проявление советской слабости, любое истощающее Советский Союз внешнеполитическое затруднение будет использовано здесь для того, чтобы попытаться разорвать советскую империалистическую цепь в ее наиболее слабом звене. Кроме того, этот район наиболее восприимчив к западным идеям и к западноевропейской культуре. Поэтому Восточная Европа постоянно должна находиться в фокусе политики Запада, направленной на ослабление советских империалистических устремлений.

4. От западных, в частности американских, усилий обеспечить стабильность в различных районах мира, особенно в таких важных как Центральная Америка и Ближний Восток, в большой мере зависит, будет ли возрасть в ущерб международной стабильности советское влияние в мире.

Американская пассивность на Ближнем Востоке и, напротив, чрезмерная заинтересованность в Центральной Америке кажутся геополитически наиболее опасными.

5. Важная задача создания широкой международной системы, которая охватывала бы и недавно эмансипированный Третий мир и могла бы заменить более ограниченный европейский порядок, рухнувший во время войны, должна решаться в течение довольно длительного времени и без участия СССР. Советский Союз — слишком сильный, чтобы не быть соперником, и слишком слабый, по собственной оценке, чтобы быть партнером. Поэтому на него нельзя рассчитывать как на реального участника этого конструктивного мирового процесса, тем более, что его интересы прямо противоположны сохранению мирового порядка, который Москва может разрушить, но которым не может управлять.

6. Историческое сосуществование с Советским Союзом и в дальнейшем будет оправдано главным образом негативной целью — необходимостью избежать ядерной катастрофы. И прежде всего от Запада, от его действий или бездействия, зависит то, каким будет это историческое сосуществование: будет ли оно в лучшем случае неустойчивым, но мирным, будет ли оно способствовать установлению более гармоничных отношений или же ... приведет к мировой анархии.

ПОЧЕМУ И КАК НАЧНЕТСЯ ВОЙНА?*

Пару лет назад русский поэт Евгений Евтушенко в эссе, опубликованном на страницах «Le Monde», отвечая на вопрос «Почему вымерли динозавры?», сказал: «Потому, что их зубы были острее, чем мозг, а хвосты больше, чем возможности зрения». В доказательство справедливости этой мысли он приводит исторические примеры роста и падения империй. Раньше или позже, согласно Евтушенко, каждая империя должна погибнуть. Я бы хотел продолжить мысль поэта вопросом: что было бы, если бы динозавры располагали термоядерным оружием? Ответу сразу: очевидно они погибли бы, да и еще многие виды животных погибли бы вместе с ними.

После этого краткого вступления попробую проанализировать «мирную политику» СССР и ответить, по возможности, на вопрос: война или мир?

1. Война или мир?

Сразу же ответу на поставленный себе вопрос: война, и наверняка, развязанная СССР. Почему? Потому что советская система генетически запрограммирована на этот путь; советские лидеры и политические теоретики не скрывают, что целью «первого государства рабочих и крестьян является построение всемирной коммунистической системы и уничтожение капитализма» (читай: западных демократий). Даже если не принимать во внимание эти теоретические и пропагандистские утверждения, очевидно, что СССР не имеет иного выхода. Советские журналисты и экономисты

---

* Статья из журнала «Myśl Niezależna» N14, издаваемого Комитетом общественного сопротивления в Варшаве; декабрь 1982 г. С. Пилка — псевдоним.

утверждают, что СССР обладает самыми мощными источниками энергии в мире. Это, быть может, правда, но что из того?

В статье советского журналиста Леонида Коренева «Сезам», написанной специально для журнала «Политыка»* (№29, от 4 октября 1982 г.), были приведены следующие данные:

— экономические расчеты показывают, что в Сибири добыча полезных ископаемых стоимостью в один рубль обходится в четыре рубля;

— доставка одного комплекта бурильного оборудования на расстояние от 70 до 100 км в условиях Сибири равна полной стоимости этого оборудования;

— строительство одного километра дороги в осваиваемых районах Сибири стоит 1 млн рублей, т. е. столько же, сколько один километр газопровода.

— оборудование для строительства зданий на нефтеносных участках доставлялось на вертолетах, и потому стоили эти дома, «как дворцы».

— продукция добывающей промышленности составляет едва 5% всей производимой продукции, но поглощает она около 40% всех капиталовложений и труд каждого шестого рабочего.

К этому надо добавить имеющуюся информацию о стоимости транспортировки сырья из Сибири. Перемножив коэффициенты стоимости добычи и транспорта получим результаты, которые удивляют и поражают. Оказывается, СССР расходует на добычу полезных ископаемых в несколько раз больше средств, чем страны, где производство построено на экономическом расчете. И все же советская система функционирует. Фактически на основе чисто советского принципа, который существует еще с двадцатых годов, — принципа «военного коммунизма». Вкратце он означает — добиваться результатов любой ценой, даже, как показала последняя война, трудом по 16 часов в день за 300 г хлеба в сутки. Принцип военного коммунизма полностью

---

* Еженедельник, издаваемый в Варшаве, редактором которого в прошлом был заместитель премьер-министра М. Раковский.

исключает возможность догнать Запад в области социально-экономических условий жизни рабочих. В 1974 году Запад посмеялся над предложениями советского руководства участвовать в освоении Сибири. То был переломный год для советской внешней и внутренней политики. Советские руководители поняли, что они проиграли мирное соревнование и что каждый год увеличивает дистанцию между жизненными стандартами СССР и Запада. Они оказались перед выбором: либо превратиться в некий тип этнографического музея коммунизма, по образцу 1930-х годов, отказавшись от статуса великой державы и возможности диктовать свою волю другим, либо решиться на крайний, отчаянный шаг и выйти на дорогу вооруженной конфронтации. Они выбрали последнее. С их точки зрения, с позиций «мирового коммунизма» — это решение было правильным. Они достаточно хорошо знают слабости Запада для того, чтобы вообразить возможность реализации того, что в коммунистическом музее их дней считается законом. Современная техника обмена информацией не оставляет шансов сохранить общества, подобные обществу работающих стерилизованных людей, показанному в американском фильме «Планета обезьян».

После 1974 года СССР приступил к реализации гигантской программы вооружений и втянул в этот процесс экономику стран-сателлитов. Советское стремление подстегнуть развитие программы вооружений должно было быть легко замечено специалистами, которые изучают советский внутренний рынок, поскольку ускоренное развитие военного производства должно было осуществляться за счет населения. Однако в тот раз эксперты не заметили этого. Почему? Ответ очень простой.

Наблюдая за советским внутренним рынком во второй половине 70-х годов, мы можем заметить наличие огромного количества различных товаров — от электронного оборудования до предметов женского туалета, текстильных изделий и продуктов питания, импортируемых из стран Восточной Европы, особенно из Польши. Учитывая, что польская экономика (особенно производство, работающее на экспорт) развивается благодаря западным кредитам, следует предположить, что стоимость этих поставок покры-

вается непосредственно западными банками. Эксплуатируя слабости Запада, коммунизм смог хитроумным способом использовать собственные банки для финансирования своей ускоренной программы вооружений.

2. Когда может начаться III мировая война?

После того, когда СССР в одной из зависимых стран (скорее всего, в Польше) изымет из обращения монеты в 10 и 20 злотых, сделанные из меди и никеля. Это может случиться очень скоро. Вспомним, что подобная операция была проделана в 1940 году в генерал-губернаторстве польском Г. Франком (нацистским губернатором оккупированной Польши — ред.) как раз перед нападением на СССР. С точки зрения рационального расходования денег, использование мелких бумажных денег, которые надо заменять 3-4 раза в год, обходится существенно дороже, чем использование металлических монет, несмотря на то, что на производство этих монет идет до 700 тонн меди и никеля в год. Для одноразового введения в обращение монет стоимостью 10 и 20 злотых необходимо около 15-20 тысяч тонн металла. Если все же с этими тысячами тонн металла проводится экономически бессмысленная операция, то это означает, что к спине вице-премьера СССР Байбакова уже приставлено ружье. Но не это важно. Это — всего лишь один из симптомов времени, которое нас ожидает. Наиболее важным является анализ военного потенциала обеих систем.

Исключительным напряжением сил Советскому Союзу удалось создать не очень современный, но все же мощный, опасный ракетно-ядерный потенциал. С помощью этого потенциала он может шантажировать мир и диктовать — правда, в ограниченной мере — свои условия Западу. Президент Никсон, а позднее президент Картер поддавались этому шантажу. Однако в это же время Запад совершил большой научный и технологический прыжок вперед. Нейтронная бомба позволяет вновь перенести военные действия на поле битвы и спасти тем самым от гибели гражданское население крупных населенных пунктов. Наступил переломный этап в развитии микроэлектроники,

который, наряду с бурным развитием на Западе физики твердого тела, позволяет создавать новые классы традиционного оружия и усовершенствовать оружие термоядерное. В этой гонке Советы остались далеко позади, и с каждым днем дистанция увеличивается. Бюрократизированная советская наука не сможет преодолеть это технологическое отставание. После сессии Совета НАТО в Осло, в марте 1975 года, государства-члены этого блока начали вводить такие системы оружия, как ракеты Maverick, Hellfire, Sidewinder, Arrow и др., что существенно изменило баланс сил в области конвенционного вооружения. То, что все эти системы почти на 100% эффективны, демонстрируют недавние израильско-сирийские сражения в Ливане. Советская классическая военная технология была там полностью скомпрометирована. И это были лучшие образцы советской технологии, которая недоступна даже «союзникам» в Восточной Европе.

Это только начало. В ближайшие несколько лет Запад развернет новые системы вооружений, такие как нейтронные бомбы, крылатые ракеты и ракеты «Першинг-2», противоспутниковая система «SAT», смонтированная на самолетах F-16, которые вместе с космическими лазерными установками для уничтожения баллистических ракет превращают советский ракетно-ядерный арсенал в кучу «морально устаревшего» лома. В созданной гигантской системе вооружений не будет никакого смысла. Но пока еще западная система обороны имеет существенные пробелы — слабые места, которые могут быть использованы Советами при нанесении внезапного удара. Эти слабые места могут сохраняться еще несколько месяцев или несколько лет. Срок будет зависеть от того, в какой мере западные политики будут осознавать опасность, и от их возможности влиять на широкие массы.

На заданный вопрос «Когда?» можно ответить: — «В любую минуту». Начиная с сегодняшнего дня и до тех пор, пока Запад не ликвидирует пробелы в обороне. Атака может начаться в ближайшие несколько месяцев или несколько лет. В наиболее неожиданный момент: в ночь с 30 апреля на 1 мая, например, или с 24 на 25 декабря, или под Новый Год.

Возможно, нападению будет предшествовать усиление

мирной пропаганды с целью успокоить Запад. Возможно, СССР захочет вывести советские войска из Афганистана и вернуть воинские части от китайских границ. Может быть, даже подпишет какой-нибудь договор, наподобие SALT. Когда идет речь о вопросах принципиальных, о далеко идущих целях коммунизма, никакой договор не имеет значения. Цель оправдывает средства.

3. Как же это произойдет?

Отвечая на этот вопрос, представим себе гипотетический сценарий. Всем известно, что СССР в последние годы построил и установил на своих западных рубежах 300 ракет среднего радиуса действия типа СС-20, которые способны нести более тысячи ядерных боеголовок. Кроме того, на территории ГДР, Польши и Чехословакии находится более сотни тактических и оперативных ракет, входящих в состав дивизий и армий. По крайней мере несколько сот ядерных боеголовок находится в распоряжении бомбардировочной авиации и военно-морских сил, и предназначены они для использования на западноевропейском театре военных действий. Не исключено, что во время решительной атаки с целью маскировки будут использованы корабли торгового и рыболовного флотов и гражданская авиация — для транспортировки огневых средств и нанесения внезапного удара. Все эти средства, взятые вместе, при внезапном нападении могут быть достаточными для того, чтобы парализовать весь западный военный потенциал.

Другим фактором, представляющим серьезную опасность, являются советские космические системы, включающие «Салют-7», «Союз-7» и так называемый космический контейнер «Прогресс». Утверждения, что они используются чисто в научных целях, — басни. Рассказы о проводимых в позапрошлом году исследованиях «кристаллизации в условиях невесомости» годятся лишь для наивных участников антиядерных движений в странах Западной Европы и США. Система эта функционирует уже хороших пару лет. Она требует огромных капитальных затрат, разрушающих советскую экономику, но в нашем гипотетическом сценарии

может иметь решающее значение для того, чтобы обезвредить западные средства наведения и радиолокационные системы наблюдения.

Эта космическая система весит 26 тонн, может нести несколько ядерных ракет малого калибра и автоматических систем для стрельбы, ведущих огонь по заранее подготовленным программам. Наиболее важным в этой системе является то, что ракеты с ядерными боеголовками, установленные на космическом корабле, уже имеют первую космическую скорость, и это позволяет свести к минимуму затраты топлива для ракетных двигателей. Достаточно будет нескольких килограммов топлива, чтобы ракета оторвалась от корабля и в течение нескольких секунд достигла цели на земле или даже в воздухе (речь идет о самолетах типа АВАКС), расположенной на расстоянии 200-300 км. Ни одна из существующих ныне систем наблюдения не сможет уловить момент отделения маленькой ракеты от массивного корабля. Уверен, что Советы добились определенных успехов, пусть даже на уровне лабораторных испытаний, в развитии антирадарных средств, подобных тем, что имеются на бомбардировщиках В-1, и эти средства могут тотально парализовать основной нерв западной обороны, дав Советам преимущество в несколько минут. И предотвратить это трудно. В современной войне первые несколько минут могут оказаться решающими.

Третим фактором в планируемой агрессии может стать «польский вопрос». Для того, чтобы после внезапного удара овладеть территорией Западной Европы, понадобится несколько большее количество советских дивизий, чем те 30, что расположены в ГДР, Чехословакии и Польше. Необходимо переместить туда еще 20-30 дивизий с западных районов СССР. В нормальных «мирных» условиях это невозможно сделать, не возбудив подозрения в странах НАТО. Но история — сокровищница опыта. «Ошибка» Хрущева — неоправданный, с точки зрения стратегических интересов Москвы, вывод советских войск из Австрии в 1955 году — была исправлена в 1968 г. в Чехословакии. Запад не вмешался, так же как не вмешался он в 1956 г. в Венгрии. В конце 1980 года Генеральный секретарь НАТО Лунц ясно дал понять, что страны НАТО не будут вмешиваться в случае вступления

войск стран «Варшавского пакта». Любой повод будет достаточным для введения в Польшу нескольких дивизий СССР, ГДР и Чехословакии. После подавления «бунта» в Польше останутся, в качестве оккупационных, чехословацкие и ГДР-овские войска, а советские дивизии переместятся на их место в ГДР и Чехословакию, прямо на стартовые позиции для атаки. Самолеты АВАКС этого не заметят.

Отвечая на вопрос «Как это произойдет?», нельзя игнорировать те приготовления, которые видны каждому человеку, посещающему СССР. Возьмем, к примеру, рельсовый транспорт. Каждый участок рельсовой сети имеет построенные в последние годы окружные пути, которые могут быть использованы для транспорта в случае разрушения центральных участков. Все локомотивы, вышедшие из употребления, подвергаются капитальному ремонту и собираются десятками в группы. К этому следует добавить огромные запасы угля, спрятанные в ярах или в резервуарах для воды. На берегах рек собрано огромное количество стальных конструкций для восстановления мостов. Коммунальное строительство в последнее время обычно предусматривает и строительство противоатомных бомбоубежищ. Такими потенциальными убежищами являются и подземные коммуникации в больших городах.

Большинство советских городов закрыто для иностранцев. При синхронной атаке на Запад большая часть населения городов может быть средствами службы гражданской обороны быстро и с минимальными потерями эвакуирована из опасных зон.

Сейчас достаточно лишь выбрать подходящий момент и можно начинать атаку. Итак:

— готовясь к нападению, силы Варшавского договора под видом военных учений продвигают морскую пехоту на десантных и пассажирских кораблях в район Щецина, Ростока и других балтийских портов;

— еще раньше корабли гражданского флота, на борту которых находится несколько тысяч десантников с легким вооружением, приближаются как торговые суда к крупным военно-морским базам;

— под видом обычных учений на военные и гражданские самолеты грузятся несколько воздушно-десантных дивизий;

- начинается ракетная атака со спутников, парапи-зующая систему наведения в США, радиолокационные системы раннего обнаружения вместе с самопетами АВАКС;
- затем стартуют ракеты СС-20 с территории СССР и тактические и оперативные ракеты с территории ГДР и Чехословакии. Ракеты поражают все аэродромы и военно-морские базы, важнейшие гарнизоны и центры гражданской и военной администрации;
- через 4-5 минут стартуют бомбардировщики такти-ческой авиации и наносят Западу окончательный удар;
- одновременно советские войска покидают казармы и районы сосредоточения и начинают марш на Запад;
- через 20-25 минут спустя отвечают западные ба-пистические ракеты, нанося удары по гпавным центрам СССР. Но уже поздно. Под руководством сип гражданской обороны окопо 80% насепления этих городов удаётся вывести из-под удара;

Заклучение.

Цель этой статьи, предсказывающей катастрофу, — показать слабости Запада, пробелы в его обороне, наличие которых может спровоцировать СССР на агрессивные действия в самом ближайшем будущем. Однако еще не все потеряно. Собственные оценки экономической ситуации в СССР и того, что из этого вытекает, оценка военных цепей Советов еще могут привести к «объединению» западных государств во имя высших ценностей — духовных и материальных ценностей Запада. На Западе существуют исследовательские институты советологии и соответствующие кафедры при университетах, но там недостаточно хорошо чувствуют дух «современного коммунизма» и того, что называется «ленинскими принципами». Люди, воспитанные в атмосфере западной культуры, не могут даже понять тот основной принцип, которым руководствуется СССР с момента своего возникновения: *цель оправдывает средства*. Опираясь на этот принцип, Советы в течение многих лет используют клевету, предательство, убийства, провокации, даже массовое уничтожение целых народов. Для них гибель

200-300 миллионов людей не имеет ни какого значения. Идеология их оправдает. Лишь одна вещь может поразить их воображение. Страх перед более сильным. Это хорошо видно на примере отношения Сталина к гитлеровской Германии. Не имея уверенности в победе, они не начнут войну. Но для этого Запад должен мобилизовать свои силы. Способен ли он на такую мобилизацию? Способен ли он до нанесения советского удара уничтожить оставленные без обслуживания спутники системы «Салют-Союз»? Соответственно запрограммированные, они могут носить смертоносный груз в течение многих лет, ожидая подходящего момента. Смогут ли они видеть мир так, как видел его Черчилль, в годы, предшествующие II Мировой войне? Все эти вопросы волнуют человека, что был всего лишь маленькой сошкой в системе, от которой он хочет предостеречь весь мир. Человека, что сумел пройти сквозь чад, которым коммунистические правители отравили общество. Для некоторых то, что здесь написано, звучит, быть может, слишком патетично. Другие могут посчитать, что автор страдает избытком воображения. Все это не имеет значения. Важно, чтобы мысли эти дошли до людей. Особенно до тех, кто может что-то сделать.

Варшава, 13 декабря 1982 г.

(Перевод с польского В Панченко)

От редакции: Нелегально выходящий в Польше журнал «Myśl Niezależna» получил статью Ст. Пилки от людей, принадлежащих к кругам высшего командования польской армии. Принимая это во внимание, можно полагать, что, несмотря на спорность многих авторских тезисов, статья представляет определенный интерес для читателя как свидетельство характера стратегического мышления в «социалистическом лагере» и пример того, что даже в среде высших офицеров войск стран этого лагеря есть противники коммунистического режима.

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЭТИКА

Михайло Михайлов

ЦЕННЕЕ ЧЕМ ЖИЗНЬ

Достоевский в нескольких коротких художественно-философских произведениях, напечатанных в его «Дневнике писателя», утверждал один парадоксальный тезис: свобода является не только предпосылкой для любви, но даже условием, без которого сама любовь превращается в ненависть. Мы могли бы даже сказать, пройдя еще один шаг, что ненависть — это любовь в условиях рабства. Достоевский критиковал саму идею науки и научного прогресса на том основании, что с помощью науки, если когда-либо она станет всемогущей и овладеет всем материальным миром, все экономические ценности в неограниченном количестве будут всякому доступны, — и тогда потеряет всякий смысл работа для пропитания, а также исчезнет возможность дать что-либо другому, так как все будут иметь все. По Достоевскому, тогда настанет ад земной, так как исчезнет любовь, потому что любовь не может существовать без своей функции — жертвования и отдачи себя другому. Точнее, любовь именно есть жертва и самоотдача. Так как у всякого будет все, невозможно будет существование жертвенности и самоотдачи, а значит — самой любви. По Достоевскому, тогда человечество совершит коллективное самоубийство. В том же «Дневнике писателя» находится чрезвычайно интересное

---

* Глава из книги «Тирания и свобода» (готовится к печати).

рассуждение Достоевского о самоубийстве. Одновременно с идеей, что самоубийство является единственным логическим выходом из жизненных страданий, если нет бессмертия души, Достоевский утверждает, что даже любовь родителей к ребенку переходит в ненависть в тот момент, когда пресекается возможность осуществить эту любовь, то есть сделать ребенку Добро. Он приводит случай, когда ребенок болен и страдает, а родители не могут ничем ребенку помочь — и самая сильная любовь в этот момент, по Достоевскому, превращается в ненависть. Николай Бердяев, писавший о том, что насильное добро превращается в зло (это значит — не только любовь, но вообще всякое добро без свободы превращается в зло), даже назвал этот процесс «кошмаром злого добра».

В основе иудейско-христианского библейского мифа находится идея о потере свободы из-за грехопадения первого человека и его подпадения под власть законов природы, то есть смерти. Другими словами, вся наша иудео-христианская традиция основывается на утверждении, что все зло происходит из потери первоначальной свободы.

И в то же время можно сказать, что власть над физическим миром отнюдь не дает человеку свободу. Как еще у истоков науки записал один из ее основателей Фрэнсис Бэкон: «Наука может властвовать лишь когда сама повинуется природе, то есть руководится познанием ее законов». Очевидно, что вся наша наука основывается на одной, отнюдь не доказанной, догме, что физический внешний мир и его законы никак не зависят от внутреннего мира человека, от мира духовного. Если же человек является исключительно частью мира физического и если в физическом мире в самом деле происходит все по законам, которые неизменны, и все, что было, не могло быть иначе, и свободы нет, то, как это еще заметил Рассел Давенпорт, Маркс и Ленин в конечном счете совершенно правы. Если есть только мир физический, то верна марксистская формулировка, что «свобода есть только осознанная необходимость». В таком случае, если нет никакой духовной сферы и внутренней духовной связи между людьми, то не только физический мир, но и мир человеческий является лишь объектом, который можно моделировать как кусок материи, поскольку мы осознали неизменные законы

физического бытия. Если весь мир — объект безо всякой глубинной связи с внутренним «я» каждого из нас, то власть над этим объектом является не только возможной, но и желанной. Вот это и есть общий корень науки, цель которой — овладеть физическим миром, и идеологии тоталитарных движений, что стремятся к власти над миром человеческим. Поскольку с помощью науки можно превращать физическую материю в машины и аппараты, вполне разумно надеяться (если человек принадлежит только физическому миру) теми же методами превратить человечество в «совершенное общество», т. е. в тоталитарную утопию.

Другими словами, если внутреннего духовного мира нет, то тоталитаризм не только возможен, но и непобедим. Догма, на которой основывается наша наука, дает оправдание тоталитаризму.

Однако вспоминаются слова Николая Бердяева: «У Бога меньше власти, чем у полицейского». Власть связана в человеческом понятии лишь с внешним миром. Знание законов природы дает власть над миром материальным, однако свобода исходит исключительно из внутреннего, из духовного мира. Никакой свободы в физическом мире нет. Другими словами, жажда власти над природой и человеком является результатом отсутствия связи с внутренним духовным миром — именно это когда-то во времена европейского Возрождения называли атеизмом.

Свободы нет, если нет в человеке связи между внешним и внутренним миром. Или еще дальше: никакой свободы нет, если нет необъяснимого, но реального влияния духовного мира на мир физический. Свободы нет, если «я» только часть физического мира, подчиненного постоянным законам природы, и если от меня лично ничего не зависит.

Однако, у каждого из нас есть опыт, если не духовной реальности, то реальности данной нам в чувствах боли, страдания, ненависти, любви, радости. И реальность эта для каждого из нас не только не менее, но даже намного более значительна, чем реальность физическая. Мы стали осознавать не только взаимозависимость всех исторических событий на нашей планете, но и взаимозависимость вообще всего существующего во Вселенной. Возможно ли, чтобы наш внутренний мир был настолько реален для нас, если желания,

чувства, верования не влияют никак на мир физический? Думается, что это совершенно невозможно. Не только новейшая наука подошла к признанию существования нефизической реальности, влияющей на реальность физическую, но и опыт людей, прошедших концлагеря, подтверждает связь духовного мира, открывающегося человеку в глубинах его «я», с миром физическим. Для многих уже стал само собой разумеющимся закон соотношения мира внутреннего и мира внешнего: когда человек, вопреки всем реальностям внешнего физического мира, следует за внутренним императивом свободы, внутренним чувством, которое некоторые называют «внутренним компасом», а некоторые интуицией, то это *следование внутренней реальности меняет внешнюю физическую реальность*.

Но эта внутренняя реальность является в той же мере общей для всех людей, что и реальность физическая. Поэтому следование своему внутреннему голосу (когда-то это называлось верой) какими-то неведомыми для нас путями влияет и на жизнь других людей. Очевидно поэтому в древности считалось, что на «десяти праведниках» весь мир держится. И именно эта внутренняя духовная реальность и является для человечества сферой планетарной, связывающей реальными нитями судьбу каждого человека с судьбой всего человечества. Вот, например, сейчас, когда происходит польская драма, вдумчивый и чувствительный человек не может не знать и не осознавать, что все, что происходит в Польше, каким-то образом касается каждого из нас. Если бы только существовал мир физический, то для людей, живущих, например, в Америке, польские события не могли бы представлять внутренней трагедии. Но от духовной сферы существует прямой переход к сфере внешней, исключительно социально-политической. Если нет духовной сферы, то в самом деле прагматически оправдана помощь левым и правым диктатурам со стороны американской демократии. Если нет духовной сферы, а лишь одна физическая, то тоталитаризм возможен на вечные времена. Однако, внутренняя духовная сфера есть, и человек принадлежит этой духовной сфере так же, как и сфере физической. Физическая смерть является концом человеческой жизни в физическом мире. Но нам приходится

признаться, что теперь, в конце 20-го столетия, мы так же мало, как и люди, жившие за тысячелетия до нас, знаем о том, что же происходит с той частью человека, которая принадлежит к сфере внутренней, сфере духовной. Интересно отметить, что еще Олдос Хаксли в романе «Бравый новый мир» подметил эту связь между возможным вечным поддержанием тоталитарного строя и верой человека в то, что с физическим концом наступает конец человека вообще.

Духовный мир дает смысл и ценность жизни физического мира, без которого вся жизнь человеческая неизбежно была бы полной бессмыслицей. И как человеку, находящемуся в тюрьме, надежда на освобождение придает смысл жизни и тем самым облегчает страдания (вспомним Ницше: «ужасны только бессмысленные страдания»), так же и в тюрьме, в которой живет наше тело, в тюрьме со стенами из законов физического мира, рано или поздно уничтожающих физическую часть нашего «я», в тюрьме, из которой нет выхода, лишь осознание реальности духовного мира и нашей принадлежности к нему придает смысл всему нашему физическому существованию, всегда связанному со страданиями. Это хорошо понял основатель логотерапии Виктор Франкл, которому самому пришлось открыть высшую духовную реальность, позволяющую осмыслить даже бессмыслицу страданий и смерти в нацистском концлагере.

Смысл жизни, духовный мир, свобода — ценности, намного превышающие ценность только физической жизни. И именно на них основывается всякое демократическое, свободное, плюралистическое общество, которое в наше время может быть только планетарным.

ПОЛЬСКИЙ ОПЫТ

Ян Юзеф Липский

ДВА ОТЕЧЕСТВА — ДВА ПАТРИОТИЗМА*

(Заметки о национальной мегаломании и ксенофобии поляков)

Отчизна существует лишь тогда, когда есть еще и чужбина; не может быть «своих», если нет «чужих». Отношение к «ним» гораздо более, чем отношение к «нам», определяет понятие патриотизма. Любовь к своей стране, к своему народу, как бы парадоксально это ни звучало, понятна лишь тогда, когда она выражает себя через отношение к другим странам и народам, — этот парадокс характерен для всякого интеллектуального и эмоционального обособления.

Кто такие «свои» — а кто «чужие»? Что отличает «мою» страну от не моей, «мой» народ от не моего?

Речь идет здесь не о различного рода характерных особенностях наций: не о том, что мы говорим по-польски, а

---

* Перевод с английской статьи, опубликованной в «Survey», 1982, v. 26, №4 (Оригинал этой работы Яна Юзефа Липского напечатан в журнале «Kultura» №10/409, 1981). Статья печатается с некоторыми сокращениями.

Ян Юзеф Липский (1926 г. рожд.) — известный польский общественный деятель, журналист, активный участник сопротивления во время гитлеровской оккупации, один из основателей КОР, член руководства НСПС «Солидарность»

«они» — на своем языке, что мы принадлежим к иной культурной среде, чем «они», поскольку приняли в X веке христианство с Запада, и с Запада же пришли к нам Возрождение, Просвещение, Романтизм и т. д. (даже если кто из нас и верит, что величайшими поэтами были Гете, Данте или Шекспир, имена Мицкевича и Словацкого все же означают для нас нечто совсем иное), поскольку выросли в нашу народную память (и, видимо, навсегда) годы неволи и борьбы за освобождение и т. д. Наверное, хотя с этим можно спорить, большинству из нас присуще что-то такое, что можно назвать польским национальным характером. Дело не в объективных отличиях, а в ценностях и оценках: Считаем ли мы себя лучшими, чем другие, или просто иными? Верим ли мы в то, что есть какая-то специфическая ценность в наших отличиях? И если да, то какая? Верим ли мы, что благодаря каким-то своим преимуществам, мы должны обладать особыми правами и привилегиями, а может быть, и обязанностями? В зависимости от ответа на эти вопросы — по-разному определяем, что такое патриотизм. В крайних случаях мы фактически принадлежим разным отечествам (если отечество — это не только принадлежность к определенной этнической группе, но и совокупность духовных ценностей и оценок).

Система ценностей, без которой невозможно определить, что же такое родина, — это прежде всего, хотя и не только, система моральных ценностей. Мы принадлежим к тому типу культуры, где этические концепции формировались в первую очередь христианством. Верующие и неверующие, все мы воспитаны в духе заповеди любви к ближнему, и в этом — моральная основа нашей культуры. Однако я не хотел бы приуменьшать морального вклада и других религий и мировоззрений: иудаизма, из которого вышло христианство, ислама, буддизма, индуизма и конфуцианства — наиболее светского этического учения. Их вклад в нашу этику заслуживает уважения. Мыслители нашей культурной формации, представляющие нерелигиозное, светское направление, также обогатили нашу этику и сознание. Тем не менее, именно христианство в первую очередь воспитало нашу мораль, основную концепцию которой мы хотим сохранить.

Я верю, что шовинизм, национальная мегаломания, ксенофобия или ненависть ко всему иностранному, национальный эгоизм несовместимы с христианской заповедью любви к ближнему. С другой стороны, патриотизм вполне с ней совместим. Как особая любовь к своей семье не мешает и не должна мешать любить ближнего, так и особая любовь к соотечественникам должна быть подчинена той же самой моральной норме. Источник патриотизма — в любви, и он должен порождать новую любовь; любая другая его форма — этическая профанация.

★

«Любовь ко всему польскому» — общая формула национальной «патриотической» глупости. В конце концов, в довоенной Польше было довольно много постыдных явлений, таких как фашистский ОНР (Национальный радикальный лагерь), погром во Львове, Пржытыке и Кельцах, лагерь в Березе и т. д., — эти и подобные aberrации тоже вполне «польские». Патриотизм — это не только уважение и любовь к традициям, но и неприменная селекция и избавление от ненужного в этих традициях, и обязательное участие в решении этой интеллектуальной задачи. Бремя вины за ложную оценку прошлого, за увековечение морально несостоятельных национальных мифов, за присущее национальной мегаломании замалчивание позорных страниц нашей истории — не столь страшный грех, с точки зрения морали, как причинение зла ближнему, но оно — предпосылка греха, путь к будущему злу.

Нельзя нам так поступать! Любое замалчивание — это масло в огонь национальной мегаломании. Это болезнь. Любое бегство от осознания своей собственной вины оскверняет наш национальный характер.

В польской исторической литературе есть две традиции. Одна служит национальной мании величия, другая — горькая традиция подведения итогов, традиция Жеромского: Сарагосса — это одновременно и национальная трагедия и позор, австрийское господство в части Польши утверждением законности способствовало в определенной мере

социальному прогрессу, а польские крестьяне — участники январского восстания (1863), изображенные натуралистически правдоподобно, очень мало похожи на обычных героев «патриотических» картинок. Роман Жеромского «Канун весны» (1924) — страшное и предостерегающее обвинение независимой Польше и ее аппарату власти. Парадоксальность ситуации в Польской Народной Республике в 1960-е годы проявилась в нападках на Анджея Вайдку с «патриотических» позиций именно за то, что он нашел у Жеромского, произведения которого стали предметом исторических и литературно-критических исследований во времена наступления сторонников Мочара.

К каждой новой «патриотической» кампании следует относиться с подозрением, если во время этой кампании появляется неоправданно много излюбленных лозунгов национальной мегаломании. За фразеологией и реквизитом, милым большинству поляков, скрываются циничные инженеры от социологии и внимательно следят, клюнула ли рыбка. Какая приманка из национальной истории подходит сейчас лучше всего? Кивер улана, гусарский ментик, военная куртка повстанца? В своей поэме «Трактат о морали» Чеслав Милош писал:

«Jest to coś na kształt bagniska,
traf tam, a coraz głębiej wciska»*

Годами националистическая и патриотическая фразеология используется прессой в кампаниях против любого, кто посмеет усомниться в ценности картинок и панорамок для глупцов. Мне особенно памятны нападки на «Почтовые вариации» Казимежа Брандыса. Это одна из наиболее мудрых и глубоких его книг. Целая свора очень «патриотичных» журналистов и критиков набросилась на писателя за то, что он... осмеял наше прошлое и надругался над ним. Это было поразительно. Брандыс проникновенно рассказывает историю польской семьи, которая в каждом поколении вместе

---

* «Это сродни трясине,
войдя в нее, погружаешься глубже и глубже».

со всем народом участвует в борьбе за независимость родины и в каждом поколении терпит поражение, — оказываясь на дне, претерпевают нужду, болезни, социальное и психическое крушение. Это трагическая правда о судьбе, если не всего народа, то, по крайней мере, его элиты — носителя национального сознания. Я читал этот роман так, будто я читал исторический отчет о напастях, выпавших на долю народа, и я буквально заболел, вновь переживая трагедию наших дедов. А потом я узнал от критиков, что Брандыс... насмехался и издевался. Все зависит от чувства юмора и... темы.

Эта и подобные кампании, как правило, проводились в одних и тех же периодических изданиях одними и теми же журналистами, которых мы хорошо узнали в памятном 1968 году. Тогда эти советские лакеи облачились в мундуры уланов.

Здесь следует остановиться: Какова была цель этого маскарада? Кого они собирались одурачить? Кому они хотели подбросить свою «патриотическую» приманку? Кого они собирались отравить ядом шовинизма? Какое все это имеет отношение к любви к родине? И о какой родине идет речь?

Старый лозунг «Бей жида, спасай Россию» ожил на наших глазах... Как при царе, как при охранке. Даже методы не изменились по существу, хотя «патриотический» камуфляж такого масштаба и такого стиля является чем-то новым. На сей раз — этот государственный антисемитизм несuverенного государства. «Спасай Россию».

Если бы речь шла только об официальной прессе, если бы никто не попался на «патриотическую» наживку, если бы все это не имело никакого отношения к традиционным польским слабостям, то не о чем было бы писать и не о чем было бы спорить. Но, к несчастью, это не так. Проявление мегаломании и ксенофобии можно также найти и в прессе неподцензурной, а значит аутентичной.

Между «официальным» и «неподцензурным» пониманием патриотизма — огромная социальная пропасть. Она заполнена людьми, за которых и идет борьба. Какую родину выберут они? Мы ни в коем случае не должны игнорировать всех тех людей, кто отравлен ксенофобией и национальной

мегаломанией, но чьи мысли и чувства еще окончательно не деформированы ненавистью и гордыней. Борьба за форму польского патриотизма определит судьбу нации, ее моральное, культурное и политическое будущее.

★

Ксенофобия и мегаломания питают и поддерживают друг друга. Мы хорошо знаем, что выстрадала Польша из-за русских и немцев, но это вовсе не оправдывает переходящую всякие границы глупость и ненависть по отношению к этим народам...

Типично польское отношение к русским выглядит иначе, чем отношение к немцам. Чувство ненависти по отношению к немцам у поляков смешано с чувством страха, но в то же время, и с большим уважением. В отношении к русским преобладают, помимо ненависти (менее глубокой, чем к немцам) и страха (страха кошмарных снов о советских танках, расстреливающих восставших поляков), пренебрежение и чувство превосходства. Одному дьяволу известно, откуда это взялось, но в общем поляки убеждены, что русская культура ниже их собственной. «Высшая» и «низшая» культура народов — это тема деликатная и рискованная. Во многих отношениях нации похожи на отдельных людей. Как для человека, живущего по законам христианской этики и принимающего ее сознательно, каждая человеческая личность имеет ценность и достоинство ничуть не меньшие, чем всякая другая (хотя один может быть умен, другой глуп, один добр, другой зол), так и каждый народ имеет свою ценность и свое достоинство, независимо от того, овладевает ли им в какой-то момент гитлеризм или другая зараза, независимо от того, скудное или богатое искусство он имеет.

Чувство культурного превосходства по отношению к народу, давшему миру Достоевского и Толстого, даже если не принимать во внимание как минимум 20 других писателей, которыми могла бы гордиться любая европейская литература, чувство превосходства по отношению к народу Рублева, Менделеева и Стравинского — это, разве что, свидетельство глубокого заблуждения. Этот народ создал былины и

великолепную церковную живопись уже тогда, когда наша национальная литература выглядела весьма жалко, а наша живопись была еще в зачаточном состоянии. Ни один польский писатель не оказал такого влияния на литературу Запада (того Запада, к которому мы хотим принадлежать), как Достоевский, Толстой, Тургенев и Чехов. Ничто не свидетельствует о том, что духовная культура польских крестьян богаче чем духовная культура крестьян русских. Они просто разные. Есть что-то смехотворное и жалкое в мегаломаниакальном чувстве превосходства поляков над русскими.

Такое отношение к русским укрепилось еще и потому, что со времен романтического периода, концепции которого получили распространение в польской общественной мысли, считается, что на русскую культуру оказала отрицательное воздействие смесь византийского и татаро-монгольского влияний. Другими словами, под смешанным воздействием Византии и монголов возникла культура, в которой подчинение личности иерархическим авторитетам есть что-то само собой разумеющееся, где коллективизм доминирует над индивидуализмом, а этика толпы над этикой личности.

Как это часто случается с обобщениями, эти выводы частично соответствуют истине, но во многом весьма далеки от нее. Традиции московской деспотии наверняка в чем-то генетически наследуют основы китайской власти, а место и роль царя и его двора совершенно сознательно смоделированы по византийскому образцу. Но этой традиции противостоит другая русская традиция — это традиция духовной независимости, которая берет начало с князя Андрея Курбского, если не раньше. Это традиция свободомыслия и поисков идеологической поддержки на Западе. Россия декабристов, Герцена, Бецишина и тех других, что поддержали польское январское восстание 1863 г., «Земли и Воли», народников — это вовсе не монголо-византийская Россия. Уже в наше время русские придумали слово «Самиздат», которое вошло и в польский обиход. Русские были первыми, проложили дорогу и платят за это дорогой ценой. А комитет великого Сахарова вдохновляет нас и является примером. Борьба у них к тому же трудней — больше нужна отваги.

Не следует забывать, что освобождение Восточной и

Центральной Европы от советского тоталитаризма зависит главным образом от освободительного движения в самом Советском Союзе. Русский народ, численно самый большой, к тому же играющий самую важную роль в империи, еще далек от того, чтобы бороться за демократические права. Его притесняют и последовательно, сознательно деморализуют. Здесь возникло новое явление: советский «патриотизм» (к сожалению, он присущ не только русским). К таким «патриотам» относятся сторонники политики экспансионизма и русификации, те, кто считает, что страны-сателлиты следует держать в узде. Любая намек на то, что народы СССР имеют право сами решать свою судьбу, вызывает у таких «патриотов» гнев. Тем сильнее должны быть чувство уважения — освобождающее от смехотворного и глупого комплекса собственного превосходства — и чувство братской солидарности с теми русскими, что борются за свободу. Еще несколько лет назад и в Польше было немного отважных, противостоящих полицейской системе и тоталитаризму — тем более мужество русских, которые на это отважились, несмотря на более жестокие репрессии, вызывает лишь удивление и восхищение.

Мы, поляки, не хотим помнить, когда речь идет о русских, что режим в СССР, хотя и наследует дух и стиль царской империи (и потому русский национализм играет огромную роль в советской экспансии), но является в то же время режимом советским. Стремясь подавить национальную аутентичность поляков, литовцев, украинцев, грузин, армян и т. д., он одновременно подавляет национальную сущность, традиции и культуру русских. Советизм опасен в равной мере как для поляков, так и для русских.

★

Важное место в нашем сознании вины занимают литовцы, белорусы и украинцы. Веками эти народы были связаны с нами. Но до чего нам трудно понять, что к этому факту они относятся куда с меньшим энтузиазмом, чем мы. Полонизация элиты литовцев и белорусов привела к тому, что эти народы оказались вне истории, и им лишь во второй половине

XIX века удалось воссоздать вновь свою элиту, свою интеллигенцию. И хотя полонизация литовцев и белорусов проходила естественным путем, без применения силы, в итоге она привела эти народы на край катастрофы и задержала их развитие. Забыть такое совсем не просто. Украинцы тоже очень хорошо помнят семнадцатое и восемнадцатое столетия. Помнят ужасные, варварские усмирения поляками казацких восстаний и крестьянских бунтов. В свою очередь украинцы предпочитают не вспоминать резню поляков и евреев в 1648 году и бойню в Умани. В памяти поляков — все наоборот. Из-за Речи Посполитой не осталось добрых воспоминаний друг о друге. И Речь Посполитая добрых отношений не восстановила. Правда, польско-литовский спор о Вильнюсе не так легко было разрешить. У обоих народов к этому городу отношение глубоко эмоциональное. И по сей день литовцы не могут простить нам Вильнюса. Мы же и по сей день не можем простить литовцам, что литовские коллаборанты во время II мировой войны особую жестокость проявляли по отношению к полякам, не говоря уже о евреях. Необходимо вырваться из этого порочного круга!

Взаимное обвинение в грехах — поляками украинцев и украинцами поляков — лишь усугубилось во Вторую мировую войну. На этот раз упрекать поляков было почти не в чем. Но зато, когда война кончилась и Украинская повстанческая армия (УПА) под ударами советских войск отступила в юго-восточную часть польского протектората и там разгорелась битва в Бескидах, польские власти, чтобы покончить с украинскими партизанами, превратили этот район в пустыню. Разумеется подобный план был разработан «советниками» из НКВД. Кто-кто, а чекисты с большим талантом умеют осуществлять на практике римский принцип *divide et impera*, широко применяемый ими в своей стране.

И еще несколько слов о наших отношениях с чехами. Было бы безосновательно утверждать, что оба народа вели себя исключительно добросовестно по отношению друг к другу. Одностороннее решение с помощью военной силы проблемы Силезии в 1920 году — как раз тогда, когда под вопросом было само существование польского государства, — не делает чести чехам. И все же, то, что Польша вместе с

Гитлером приняла участие в разделе Чехословакии, — постыдно. В 1968 году, спустя 30 лет, польские войска приняли участие в оккупации Чехословакии. Польский народ не может нести всю ответственность за действия режима, навязанного ему извне и опирающегося на иностранную державу. Но тот факт, что в большой стране с прекрасными традициями борьбы «за нашу и вашу свободу» лишь Ежи Анджеевский и Зигмунд Мицельский выразили протест в своих обращениях к чешским и словацким братьям (да еще небольшая группа варшавских студентов пыталась распространить листовки протеста), не имеет оправдания. Хуже того, были среди нас люди столь наивные, что одобряли вторжение, неся бессмысленный вздор то о немецкой угрозе, то о враждебности чехов по отношению к нам. Мания национального величия вновь слилась с ксенофобией для того, чтобы обратиться против тех, кто должен быть нам всегда, а сегодня особенно, близким. Слишком уж жалко выглядела наша «солидарность» по отношению к братьям за Судетами и Карпатами.

Каждый поляк должен понять, что в силу моральных и политических причин наша традиционная мегаломания и фобия по отношению к соседям — самоубийственны. С точки зрения морали — это, помимо прочего, проявляется в том, что мы уже в большой мере отравлены советизмом, что нам грозит утрата духовности, наших связей с культурой Запада, с этическими традициями христианства. Мы должны понять, что либо мы освободимся вместе — и народы СССР, и народы, от СССР зависимые, — либо никто. Маловероятно, чтобы тоталитарный советский режим, удерживая в повиновении народы СССР, был вынужден выпустить из своих когтей добычу, которой мы в каком-то смысле являемся.

★

Антисемитизм — иная форма ксенофобии — играет столь специфическую роль в истории, что заслуживает особого разговора.

Прежде всего, вопрос: действительно ли это ксенофобия? По отношению к тем людям, что жили в Польше и

отличались от поляков всем: языком, национальным сознанием, религией, традициями, обычаями, одеждой и т. д., антисемитизм, безусловно, является формой ксенофобии. Антисемитизм по отношению к людям, которые не отличаются от поляков языком и одеждой и оторвались уже от религии своих предков, но все же проявляют солидарность с традиционным еврейством, тоже можно рассматривать как проявление ксенофобии. Когда же он распространялся на людей, уже давно полонизированных, принявших не формально, а фактически ту же самую религию, что исповедуют поляки, глубоко слившихся с польской культурой, даже участвующих в независимой деятельности и в борьбе за свободу Польши, он был свидетельством чего-то другого, худшего, чем обычная ксенофобия, которая является чувством ущербным и нежелательным, но не обязательно свидетельствующим об общественной психопатологии.

Единственное обоснование подобной формы антисемитизма — в расизме, часто подсознательном, открыто не признаваемом. Представления о неполноценности людей, зависящей от биологических, расовых особенностей, не совместимы с нашим христианским этическим наследием, с заповедью любви к ближнему и со словами, сказанными апостолом Павлом: «Нет эллина и иудея».

Известны попытки оправдать антисемитизм мотивами религиозными, псевдохристианскими. То, что евреи отреклись от Христа (и на них и на всех их потомках лежит Его кровь, пролитая по их желанию), должно означать, что они носители имманентного зла. Конструкция эта скорее обывательская, чем теологическая, и в основе своей — антихристианская. Христианство не признает ни коллективной вины и вины предков, ни коллективной ответственности за вину. Первородный грех согласно христианской теологии, является не грехом предков, а следствием осквернения человеческой природы. Может быть, евреи, по этой концепции, имеют человеческую природу, оскверненную дважды? Но в таком случае они как ближние должны быть объектом особой заботы, а не преследований; крещение же окончательно смывало бы проклятие — концепция для нашего мещанина неприемлемая. Но II Ватиканский Собор после веков толерантного отношения церкви к этой кон-

цепции и даже фактической, хотя и не прямой, ее адаптации, отверг и этот вариант оправдания антисемитизма. Жаль, что так поздно, — хорошо, что это произошло. Одним из самых существенных элементов христианской этики является убеждение в том, что человека следует судить по его делам и что все люди в этом отношении равны, и никакая оценка поступков человека не может помешать распространению на него заповеди о любви к ближнему.

И тем не менее, в христианском польском народе антисемитизм укоренился в степени, вызывающей тревогу.

Антисемитизм или антисемитизмы? Хорошо известно, как образовалась эта система отношений: от чувства превосходства и гордыни — формы ксенофобии, особенно смехотворной по отношению к народу, который открыл (или изобрел) единого, вездесущего, всемогущего, чисто духовного Бога; народу, который пропорционально больше, чем любой другой, дал миру ученых, художников, писателей; народу, который продемонстрировал несокрушимость, в течение тысячелетий сохраняя во враждебном окружении свою религию, культуру, верность национальному духу, — через создание атмосферы угрозы с помощью разного рода дискриминаций, вплоть до ненависти, выразившейся в массовых убийствах. Нельзя сказать, что все здесь равнозначно — разница между явлениями огромна, но правы и те, кто считает, что мягкие и «пристойные» формы антисемитизма являются питательной средой для форм самых страшных.

В средние века антисемитизм проявил себя в Польше в самых постыдных формах, но все же несравнимых, по масштабам, с ужасающими погромами в Западной Европе. Лишь во второй половине XIX века возник «современный» антисемитизм. Его «современность» выражалась в том убеждении, что еврей не должен был преступать пределы определенного статуса. Процесс «современного» антисемитизма в Польше начался. Он лишь слегка сдерживался традиционным участием евреев в борьбе поляков за независимость.

Антисемитские настроения все больше охватывали польское мещанство, и разжигаемые провокациями охранки в различных частях царской империи, в том числе и в

Королевстве Польском (сегодня уже хорошо известно, кто организовывал погромы после 1905 года и пустил в свет «Протоколы сионских мудрецов»), они стали частью идеологии и практики эндеков (национал-демократов).

К сожалению, общественное сопротивление было слишком слабым. Главная, самая сильная левая партия — ППС (Польская социалистическая партия) — имела сильные позиции в рабочих кругах, но слабые — в учебных заведениях, откуда в основном рекрутировал своих боевиков ОНР. Левая и либеральная интеллигенция решалась проявлять чувство солидарности с жертвами боевиков, но это были, главным образом, акты индивидуального мужества. Власти, все больше эволюционирующие после смерти Пилсудского в сторону фашиствующих правых, не пытались энергично бороться с авантюрами ОНР. Церковь стремилась эту тему обходить, а часть католической прессы (например, «*Mały Dziennik*») даже поддерживала антисемитизм.

В этой ситуации началась война, а за ней — оккупация и чудовищное уничтожение евреев оккупантами. Оценка экзамена, который пришлось выдержать в этой ситуации полякам, не может быть простой и однозначной.

На Западе (главным образом в еврейских кругах, потрясенных трагедией уничтожения миллионов) появились безответственные и беспочвенные обвинения против польского народа за его якобы соучастие в уничтожении евреев. Посыпались даже оскорбления в адрес поляков, такие, например, как «нация грабителей». Я убежден, что антиполонизм следует рассматривать как явление не менее позорное, чем антисемитизм. Выражения «все поляки — антисемиты» или «все поляки — пьяницы» стоят того же, что и выражение «все евреи — жулики».

Все же с болью надо признать, что истина в этом деле не выглядит столь очевидной и ясной, как может показаться. Не в преследованиях и выдаче скрывающихся евреев — основная вина поляков, а в равнодушии. Это правда, что для спасения евреев нужен был героизм. Я знаю людей, схваченных фашистами с оружием в руках, которые все же остались живы в концентрационных лагерях, но я не знаю ни одного человека, который был бы схвачен за то, что укрывал евреев, и остался бы жив; и не слышал о таком. Более того,

солдат Армии Крайовой знал, что в случае ареста его ожидают пытки, возможно будет арестована его жена, наверняка его расстреляют, но его малые дети останутся в живых. Тот, кто прятал еврея, и на это не мог рассчитывать. Этой цены не платили французы или голландцы и несмотря на это их успехи в спасении евреев не кажутся впечатляющими (а выдача евреев французами была явлением довольно частым). Стремление польского общества спасти евреев было велико, оно заслуживает уважения, оплачено кровью и не было безуспешным. Помимо отдельных людей и семей, спасавших своих друзей а часто и случайных, не знакомых им людей, существовали и целые организации, такие как Rada Pomocy Żydom, которые пользовались поддержкой и помощью польского подполья. Отношение польского руководства к этому делу было вполне ясным. И все же — значительная часть польского общества была равнодушна к гибели евреев. И ответственность за это лежит, помимо прочего, на антисемитизме предвоенных лет.

История антисемитизма в Польше на этом не кончается. Сразу же после войны страну потрясла весть о погроме в Кельцах. Есть основания считать, что это была провокация НКВД и польских органов безопасности. Нужно было представить западному общественному мнению Польшу как страну фундаментально гитлеризированную, где лишь коммунисты могут навести порядок. Но 100-процентных доказательств у нас нет, а даже если бы они были, останется фактом, что подобная провокация могла быть успешной лишь там, где была благоприятная почва.

Годы сталинизма стимулировали антисемитизм. Стучилось то, чего следовало ожидать: перед войной, как и у всех меньшинств, которые не имели своей территории и подвергались разного рода дискриминациям, крайне левый интернационализм был популярен среди еврейской молодежи и интеллигенции. Соответственно, в новом руководстве, и в частности в органах безопасности, оказалось довольно много евреев или людей еврейского происхождения. Кто знает не было ли то явление по-макьявеллевски запланировано в московском центре? Меньшинства из-за своего отчуждения хорошо подходят для этой роли (сравните — кровавая роль поляков, евреев, латышей в ЧК), а в случае чего хорошо подходят и для роли козлов отпущения.

Октябрь 1956 года показал, что несмотря на отдельные эксцессы, антисемитские настроения все же не очень сильны в обществе, хотя и существуют по сей день. Через несколько лет, однако, были предприняты организованные попытки использовать эти настроения в политической борьбе. Группа Мечислава Мочара шла к власти — сначала лолуоткрыто, в 1967 году — открыто, а в 1968 — с фанфарами и барабанным боем — под знаменем антисемитизма (представленного как борьба против сионизма). Это был набор пропагандистских трюков, которые даже неловко называть идеологией, хотя именно как идеология он использовался, — «патриотизм», бьющий в барабан национальной мегаломании. Конечно, определенные успехи были достигнуты, но не в антисемитской кампании. Сам факт, что эта кампания была инспирирована сверху, ограничил ее успех. Только аппарат и партийные активисты были заинтересованы в этой теме — по той же причине, по какой перед войной польская мелкая буржуазия ненавидела еврей-конкурента. Мелкого буржуа заменил мещанин партийный, ненавидящий конкурента в борьбе за служебный стол. В 1968 году эта конкуренция еще могла быть реальностью. Молодежь жеотреагировала на антисемитизм с нескрываемой враждебностью.

Изгнание из Польши в 1968 году тысяч евреев и поляков еврейского происхождения — одна из позорных страниц истории нашей страны. Советский полицейский антисемитизм распространился и на нас. Это не случайность, что ведущие «мартовские» (1968 года) партийные публицисты были награждены золотыми медалями Общества польско-советской дружбы. К неисчислимому моральному ущербу, нанесенному этими людьми и их союзниками из аппарата, следует добавить тот ущерб, который можно оценить — с исходом из Польши тех, кто не выдержал нервного напряжения антисемитских кампаний, в стране стало не хватать многих трудно заменимых специалистов. У меня нет общей родины с «мартовскими» журналистами и аппаратчиками.

В безнадежной международной ситуации после поражения ноябрьского восстания (1830 г.) расцвел польский мессианизм. Величайшие наши поэты и философы поддерживали эту идею. Их гений приумножил величие идей национального самосознания. Думаю, что это помогало переносить испытания, но хочу спросить: не порождало ли и новые беды? Но наследие, которое с тех романтических времен сохранилось по сей день в ментальности среднего, кое-как образованного поляка, печально: это чувство особого превосходства только потому, что ты поляк, к тому же еще приправленное религиозной экзальтацией.

Следует обратить внимание на переплетение национальных и религиозных мотивов в структуре этого понятия (в этом есть, в конце концов, и хорошая сторона: партийная «патриотическая» трескотня слабо влияет на общество). О том, что такое «поляк-католик» подробно, компетентно и точно рассказал нам Богдан Цивиньский в «*Rodowodach pierokognych*». Хотелось бы обратить внимание на пару аспектов этой проблемы, так как для ответа на вопрос «Патриотизм — но какой?» они имеют существенное значение.

Лозунг-утверждение о неразделимости польского национального сознания и католицизма может иметь различные интерпретации. Поскольку лозунг этот в самом широком представлении означает, что тот, кто не является католиком, не может быть настоящим, полноценным поляком, то следовало бы каждый раз, когда его используют, объяснять, что же при этом имеется в виду. Недавно можно было прочитать о неразрывности польского и католического в статье ксендза Сроки в гданьском журнале «*Bratniak*». Автор в ответ на мой запрос отвечал, что был неправильно понят, — он хотел сказать, что католицизм оказал такое большое и всестороннее влияние на польскую культуру, так в нее врос, что культуру эту нельзя оторвать от католицизма, не разрушив ее. Это утверждение разумное, и никого не оскорбляющее, хотя с ним вполне можно спорить. Можно было бы, например, спросить: «Хорошо известно, как сильно повлияло православие на культуру России. Когда религиоз-

ное возрождение России неожиданно приостановилось с перенесением Петром столицы на берег Невы, что же произошло? Существенные перемены в жизни русского народа или полная утрата им своей национальной сущности? Или, обобщая: должна ли католизация какого-то нехристианского народа непременно привести к утрате национальной аутентичности?» Но оставим дискуссию — меня больше беспокоит первая интерпретация польско-католического лозунга, которая звучит чаще всего там, где мы одновременно встречаемся с ксенофобией и национальной мегаломанией, постоянно поддерживаемыми неопределенными суждениями, вроде тех, что мы здесь разбираем.

Смысл первого толкования фальшив и в то же время наносит ущерб и нашим народным традициям, и нынешним формам выражения национальных чувств. Такое толкование исключает из нашей народной традиции весьма существенные элементы, а из нашей сегодняшней жизни людей, не считающих себя католиками.

Что в польской истории и традициях не связано с католицизмом? Пропуская эпизоды, мало повлиявшие на ход нашей истории (например, движение польских гуситов), — начнем с польской традиции реформации и протестантизма. Нет недостатка в протестантах среди наших национальных героев, нет недостатка в пасторах среди наших общественных деятелей. Это правда, что католическая церковь сыграла решающую роль в сохранении «польскости», особенно в прусской части Польши и на далеких рубежах русской ее части. Но в Шлёнске Цешинском и на Мазурах «польскость» сохранялась евангельской церковью и ее пасторами. Последним актом героической национальной драмы было мученичество несгибаемых пасторов и прихожан евангельской церкви в часы гитлеровской оккупации. Вклад польских протестантов в польскую культуру и в борьбу за национальную независимость так велик, что всякие попытки исключить их из нашего польского общества должны встретить решительный протест.

Подобным же образом не годится соглашаться с замалчиванием живого и богатого вклада в польскую культуру со времен Просвещения, а особенно усилившегося с возникновением позитивизма, внесенного нерелигиозными

людьми (часто — атеистами, иногда — агностиками). Трудно представить себе польскую культуру последнего столетия без Эдварда Абрамовского, Яна Давида и его жены, без Вацлава Нальковского и Игнатия Редлинского, без Стефана Жеромского и Тадеуша Котарбиньского, без Эдварда Липиньского, Марии и Станислава Оссовских, без Антонина Слонимского и Марии Дамбровской, без Лешека Колаковского. Эти имена часто представляют целые школы, целые направления польской мысли, сотни поляков, которые внесли огромный, неоченимый вклад в польскую культуру.

*

Одной из особенностей ксенофобии является культ «отечественного», противопоставленного «моде», приходящей извне (чаще всего — с Запада). Удивительное в этом подходе главным образом то, что его адепты очень много твердят о нашей связи именно с западной культурой. Странная связь, которая должна заключаться в изоляции. Создается впечатление, что приверженцы такой точки зрения считают: связи связями, но хватит того, что уже есть.

Такая точка зрения смешна и бессмысленна. Изоляция еще не принесла никому ничего хорошего. Поляки это усвоили на собственном опыте. От чехов приняли мы христианство, затем оно распространилось с помощью чехов, немцев и иных людей с Запада. За наукой ездили в Париж, Прагу, в итальянские и немецкие университеты (сначала маленьким ручейком, который со временем становился все шире и шире), что принесло пользу польской культуре. Западные учителя — немцы и французы — учили нас возводить романские, а затем готические строения, которые заполнялись скульптурами и картинами, сделанными руками мастеров-художников из Германии. Обычай западноевропейского рыцарства укоренился в Польше. Заимствованные с Запада законы способствовали цивилизации и культуре. Начиная с XV века, стали мы черпать полными горстями из Италии, переживающей Ренессанс, а затем и из всей ренессансной Европы. Вся польская элита училась в западноевропейских университетах, преимущественно в

Италии и Германии. Из Германии пришла Реформация, обогатившая польскую интеллектуальную жизнь. С ближнего татаро-турецкого Востока польская шляхта переняла стиль одежды, домашнюю обстановку, оружие (к сожалению, и варварский обычай сажать на кол). На польской литературе после XVI века невооруженным глазом можно было заметить итальянское, немецкое, французское и испанское влияние. Начало XVIII века принесло ослабление этих связей и уменьшение культурного экспорта, что имело для Польши трагические последствия. К счастью, уже во второй половине XVIII столетия эти связи стали вновь восстанавливаться: польские художники вновь стали ездить учиться в Италию, а лучшая часть аристократии проявила интерес не только к фракам и парикам, но и к идеям Просвещения, что нашло свое выражение в создании Комиссии народного образования и в реформах Великого Сейма. И с тех пор черпаем полными пригоршнями: с Запада пришли романтизм и позитивизм, символизм и импрессионизм, экспрессионизм и футуризм.

Все это вещи известные и очевидные, но о них каждый раз следует напоминать. Польская культура расцвела в симбиозе с этими влияниями, а не в оппозиции к ним. Никогда не брали мы так много у Запада, как в XVI веке — и с такой пользой для национальной культуры. Мицкевич был насквозь пропитан западным романтизмом, оставаясь тем не менее поразительно оригинальным и необычным. И так далее. Прервать эти связи — это значит вернуться к варварству.

Иногда больно думать, что мы взяли много больше, чем дали. Чтобы принадлежать к целостной европейской культуре, следовало бы не только экспортировать, но и создавать оригинальные ценности. За редкими исключениями, наше влияние было только региональным. Многим обязаны ему украинцы, белорусы, литовцы, но французы, англичане, немцы и итальянцы — почти ничем. Русские повлияли на них гораздо больше — Достоевским и Толстым, древнерусской церковной живописью. Думаю, не обязательно быть мегаломаном, чтобы считать, что Европа много теряет, фактически не зная Мицкевича, Словацкого и Норвида. С другой стороны, она уже относительно неплохо знает Гомбровича и Мрожека. Это тоже свидетельство, что оригинальные художественные ценности, способные пересечь границы нашей национальной

культуры, остаются и впредь на скрещении путей, ведущих к нам из большого мира и от нас — в большой мир.

★

Мысли, выраженные здесь, — не открытия, а многое из сказанного требует дальнейшего изучения. Хорошо представляю себе, что для очень большой группы читателей эти мысли покажутся как минимум противоречивыми, а то и вовсе неприемлемыми. Для того, собственно, и была написана эта статья об очень уж широком распространении в Польше ксенофобии и национальной мегаломании, хотя я и не думаю, что эти два явления всегда равнозначны оголтелому шовинизму. Я убежден, что одной из наиболее важных задач нашего настоящего и будущего является преодоление ксенофобии и национальной мегаломании или по крайней мере их смягчение до той степени, когда они не будут представлять опасности для судеб польского народа

Если этого не случится — любой «агент», натянув уланский кивер и нацепив на грудь рыцарскую кирасу, под барабанный бой «национального величия» поведет народ куда захочет, манипулируя различного рода «фобиями». Мы потеряем всякую возможность, даже если она появится, сотрудничать с другими народами, как и мы поработоченными советизмом. Мы не можем ждать благоприятного стечения обстоятельств, уже сейчас должны работать ради солидарности угнетенных народов. Иначе мы навсегда захлопнем дверь в Западную Европу, в которой мы видим колыбель нашей культуры. С каждым годом погружаемся мы все глубже и глубже в советизм, который разлагает нашу систему ценностей и общественных связей, отрывает нас от наших национальных традиций. Иногда кажется, что мы сами стремимся к этому (так во всяком случае это выглядело в 1968 году). И все же хочется надеяться, что народ наш окажется достаточно мудрым, чтобы не позволить манипулировать собой.

ТРУД — РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ — ПРОБЛЕМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ

Джон Майкл

НЕЗАВИСИМОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В СССР: НАЧАЛО*

Начало независимого профсоюзного движения в СССР обычно относят к 25 ноября 1977 года, когда Владимир Клебанов, горный мастер с Украины, объявил в Москве о желании группы недовольных, уволенных с работы трудящихся образовать независимое рабочее движение. В действительности же начало такого движения можно отнести к 1975 году, когда группа рабочих выступила с обращением в защиту киевского инженера Надежды Гайдар, которая была в мае того же года задержана и, вероятно, помещена в психиатрическую больницу. Самый первый документ группы Клебанова, «пришедший с Запада», — «открытое письмо» от 20 мая 1977 года. Второе «Открытое письмо к мировой общественности об истинном положении рабочих и служащих в канун 60-летия СССР» датировано 18 сентября 1977 года. 7 ноября 1977 г. тридцать три рабочих подписали коллективное письмо, адресованное советским властям и в иностранную прессу, в котором они просили создать комиссию для расследования случаев недобросовестного отношения административного отдела Центрального Комитета КПСС к

---

* Статья опубликована в журнале «Workers under Communism», N3, 1983, pp. 31-35 Джон С. Майкл — псевдоним. Автор — преподаватель одного из американских университетов

жалобам трудящихся. После заявления Клебанова от 25 ноября члены его группы подвергаются постоянным репрессиям.

Группа недовольных рабочих, от имени которой выступал Клебанов, устроила повторную пресс-конференцию в Москве 10 января 1978 года. На этой пресс-конференции были приведены примеры новых увольнений рабочих. На III пресс-конференции, состоявшейся 26 января, Клебанов вновь подтвердил намерение группы организовать независимый профсоюз. 30 января 43 члена группы Клебанова направили «открытое письмо» руководителям партии и правительства, в профсоюзные организации, в советские газеты и журналы. 1 февраля группа выпустила несколько новых документов. В их число входили: обращение к Международной Организации Труда (МОТ) с просьбой о признании нового профсоюза, устав новой «Ассоциации свободных профессиональных союзов трудящихся в Советском Союзе» (АСПС) и список 110 кандидатов в члены свободного профсоюза.

Советским рабочим стало крайне необходимо выйти из формальной структуры профсоюзов (производственных, легальных, государственных и партийных институций), поскольку эта формально иерархическая структура не могла адекватно реагировать на нужды трудящихся. В обращении к МОТ и западным профсоюзам АСПС заявила:

«С одной стороны, Партия и Правительство призывают советских граждан к наведению должного порядка там, где он у нас нарушается, — на производстве, в государственной и общественной жизни. С другой стороны — советские органы власти со всей жестокостью обрушиваются именно на тех, кто строго соблюдает правопорядок и выступает в интересах производства, следуя призывам пропаганды.

Все наши попытки добиться справедливости у органов власти — тщетны.

Мы обращались, каждый в одиночку, в центральные органы Советской власти: ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета, Совет Министров СССР, ВЦСПС — нам не ответили*¹

---

* Примечания в конце статьи.

Эта «большая армия советских безработных», как называла себя АСПС, подверглась преследованиям за то, что пыталась воспользоваться своим правом на жалобы и своим правом на свободу слова — правами, гарантированными советской конституцией. К концу марта 1978 года деятельность АСПС была практически сведена на нет всевозможными преследованиями, арестами или заключениями в психиатрические больницы рабочих, связанных с этой организацией. Эти репрессии ни у кого не вызывали удивления. Следовало ожидать, что режим, перед лицом перспективы пролетарского диссидентства в хваленном государстве рабочих, сделает все возможное, чтобы подавить работу АСПС.

О создании второго независимого профсоюза — Свободного Межпрофессионального Объединения Трудящихся (СМОТ) — было объявлено на пресс-конференции в Москве 28 октября 1978 года. СМОТ, в отличие от своего предшественника, не называл публично имена своих членов. Организационно СМОТ состоит из некоторого количества автономных групп; в момент образования в него входило 8 групп с общим количеством членов свободного профсоюза около ста человек.

Каждая автономная группа СМОТ выбирает одного представителя в Совет представителей. Решения этого органа не являются обязательными, но имеют силу рекомендаций. СМОТ объявляет публично имена лишь ведущих членов организации. Среди организаторов СМОТ — один из членов АСПС Евгений Николаев. В СМОТ входили (в момент образования организации — ред.) Людмила Агапова, Владимир Борисов, Лев Волохонский, Александр Иванченко, Валерия Новодворская, Владимир Сквирский и Альбина Якорева.

СМОТ поставил своей целью:

«защиту своих членов в случае нарушения их прав в различных сферах их жизнедеятельности — в экономической, социальной, культурной, духовной, религиозной, бытовой и политической — всеми доступными ему способами в рамках действующей Конституции и международных соглашений, подписанных советским правительством. В частности, СМОТ намерен рассматривать юридическую обоснованность жалоб трудящихся, доводить эти жалобы до сведения соответствующих организаций, содействовать их более быстрому разрешению и

в случаях отрицательного результата предавать их широкой гласности перед советской и международной общественностью.

Для оказания посильной помощи трудящимся, не являющимся членами СМОТ, при нем организуется рабочая комиссия»².

СМОТ официально не прекратил своей деятельности и сейчас. Он продолжает выпускать самиздатские документы и информационные бюллетени. И все же, несмотря на эту скрытую часть работы свободного профсоюза, можно считать, что КГБ достиг определенных «успехов» в подавлении деятельности СМОТ и АСПС.

Теоретически советские профсоюзы имеют право участвовать в разработке экономических планов и законов о труде. Они также имеют право влиять на определение расценок и нормативов и разрабатывать меры по охране труда рабочих и технике безопасности. Более того, активная защита интересов трудящихся является долгом профсоюзов. Как сказал один из советских специалистов по производственным отношениям, этот долг «неразрывно связан с развитием производства как основы социального прогресса»³.

Валерий Чалидзе, советский диссидент и специалист в области советского права, говорил, что «находящиеся под правительственным контролем профсоюзы в России выступают как часть администрации, а не как представители рабочих в конфликтах с руководителями предприятий»⁴. Как полагает Вадим Белоцерковский — журналист-эмигрант, специалист по проблемам рабочего класса и трудовым отношениям, — профсоюзы в СССР «играют роль министерства труда». Их функция «организовать трудовые ресурсы, добиваться повышения производительности труда и осуществлять контроль над рабочей силой». Он заключает: «В действительности профсоюзы являются рукой государства, а не организацией защиты рабочего класса»⁵.

Как АСПС, так и СМОТ в своих заявлениях подтвердили правильность этой точки зрения. Согласно АСПС, «в нашей стране нет органа, который бы защищал объективно интересы трудящихся. Советские профсоюзы не защищают наши права и не имеют должного авторитета»⁶.

СМОТ заявил: «На сегодняшний день в стране нет

независимой от государственной власти организации, которая представляла бы непосредственно интересы трудящихся»⁷.

В мае 1979 г. Комиссия экспертов по претворению в жизнь конвенций и рекомендаций Международной Организации Труда в ответ на протесты Международной конфедерации свободных профсоюзов и Всемирной конфедерации труда представила свои данные о том, как Советский Союз соблюдает положения конвенции N87 (Свобода ассоциаций и защита права на организацию) МОТ. Комиссия проследила, как согласуются со 2-ой статьей этой конвенции соответствующие статьи Кодекса законов о труде РСФСР и правила 1971 года о правах фабричных и местных комитетов, и сделала следующее заявление:

«Комиссия отмечает, что положения Кодекса законов о труде в РСФСР... не предусматривают никакой возможности существования иных (отличных от официальных — ред.) профсоюзных организаций с избранными рабочими профкоммами и что признание профсоюзных функций только за уже существующими профсоюзами препятствует образованию других организаций, представляющих рабочих той же категории. Комиссия считает, что такая ситуация несовместима с требованиями статьи 2-ой конвенции, которая предусматривает право рабочих на образование организаций по своему собственному выбору. Это означает, что правительство должно внести изменения в законодательство».⁸

В статье 6 советской конституции записано, что коммунистическая партия является «руководящей и направляющей силой советского общества и всех государственных и общественных организаций». Учитывая это, Комиссия представила следующие свои наблюдения об отношении Советского Союза к статье 3-й конвенции N87:

«Термин „общественные организации“ включает в себя и „рабочие организации“. Если это так, Комиссия может лишь отметить, что закон (в данном случае — конституция государства) устанавливает такие отношения между коммунистической партией и рабочими организациями, в которых руководящая роль навсегда и по праву принадлежит партии. Таким образом, даже если политика этой партии проводится через рабочие организации, которые, согласно процедуре, обладают меньшим объемом прав, законодательная система, как нам кажется, не дает возможности этим организациям „организовывать свою администрацию и деятельность и формулировать программу“, как это предусматривает статья 3 конвенции».⁹

Перспектива изменения роли и функции официальных профсоюзов представляется маловероятной. Основной функцией профсоюзов остается содействие выполнению пятилетнего плана. Одна из последних резолюций ЦК КПСС «Об улучшении планирования и усилении влияния экономических факторов на увеличение выпуска продукции и качества работ» нацеливает профсоюзы лишь на обеспечение активного участия трудящихся в выполнении 11-го пятилетнего плана. Формально всегда было гарантировано участие профсоюзов в определении и проведении в жизнь экономической политики, но практически оно невозможно из-за той мизерной роли, которая отводится официальным профсоюзам — способствовать реализации административных решений. О том, чтобы профсоюзы играли существенную роль в процессе принятия решений, не может быть и речи.

В сталинскую эру насилие и страх заставляли общество подчиняться власти режима. Брежневское руководство в какой-то мере использовало и экономические рычаги для проведения своей социальной политики. Если принимать во внимание характер дискуссии вокруг 11-ой пятилетки, нынешний режим собирается продолжать политику материального стимулирования и денежных вознаграждений ради развития производства, увеличения количества и улучшения качества потребительских товаров. И действительно, советская экономическая политика достигла определенных успехов в воспитании у граждан чувства обеспокоенности своим материальным благополучием.

В резолюции ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политической и воспитательной работы», принятой в июле 1979 года, продемонстрировано намерение руководства проводить политику экономического патернализма и экономического контроля. Например, это специфически отражено в признании «необходимости умело сочетать воспитательные и административные меры с моральными и материальными стимулами» в борьбе за образцовый порядок на производстве.¹⁰

В одном из заявлений АСПС описан порочный круг экономического и административного контроля, которому ежедневно подвергаются рабочие:

Факты произвола и насилия становятся массовыми, а не носят характер частного случая. Ибо где бы рабочий или служащий ни работал, где бы он ни проживал, куда бы он ни пожаловался, в конечном результате все пути приведут к должностным лицам и тем репрессивным мерам, которые они применяют к гражданам, ищущим справедливость или защиту у Закона.¹¹

Количество таких заявлений и множественные случаи выражения рабочими своего недовольства подтверждают вывод о том, что советские правящие круги используют экономический и административный контроль для того, чтобы добиться максимальной эффективности производства и увеличения продукции всеми доступными средствами — как экономическими, так и психологическими. И в самом деле, как это недавно подтвердил один из специалистов в области советского права, «советское государство постоянно проводит политику подчинения чисто экономических задач цели достижения неограниченной власти, и правовое регулирование советской экономики является хорошо отработанным инструментом проведения этой политики»¹². Советская экономическая политика строится на сочетании прошлого опыта и экспериментирования. Она влияет на социо-политическую и экономическую жизнь всего населения, и в частности — рабочих. Следует, конечно, предположить, что контроль допускает определенные колебания: часто он лишь подразумевается, реже бывает выраженным. Альтернатива — репрессии. Если о какой-либо форме насилия можно сказать, что она является синонимом брежневского руководства, то это — злоупотребление психиатрией.

Независимое профсоюзное движение уже нанесло огромный урон престижу СССР в международном рабочем движении. В своей работе об использовании организованного труда в целях безопасности государства в СССР исследователь Рой Годсон выделил несколько основных направлений советской рабочей политики. Сюда входят и содействие проведению советской внешней политики, и укрепление международной пролетарской солидарности, которое, по существу, означает борьбу за единство рабочего класса. Советские политические руководители верят, что

профсоюзные организации (на всех уровнях, во всем мире) могут сыграть важную роль в деле ослабления Запада и в будущей мировой революции. Советская рабочая политика, особенно в отношении Европы, всегда имела целью — поддерживать детант, способствовать экономической дестабилизации и усилению политического влияния ориентированных на Кремль коммунистов.

Среди первых из многих сделанных на Западе заявлений в поддержку независимых профсоюзов было заявление Посла по особым поручениям Артура Голдберга, руководителя американской делегации на Белградской конференции. В заявлении от 27 декабря 1977 года заключение Клебанова в психиатрическую больницу рассматривается как прямое нарушение Хельсинкских Соглашений. На следующей Мадридской конференции по проверке выполнения Хельсинкского Акта представитель США Макс Кэмпелман вновь поднял вопрос об использовании психиатрических репрессий против диссидентов-рабочих, отметив, что пять ведущих членов АСПС заключены в психиатрические больницы. Андрэ Бержерон, генеральный секретарь Французской федерации труда — Форс Увриер, выразил надежду, что попытки создать независимые группы рабочих станут началом «нового этапа движения за подлинную демократию и свободу». Одним из первых западных профсоюзов, выразивших свою солидарность с АСПС, был французский профсоюз работников просвещения — профсоюз социалистического направления. 28 марта 1978 года он заявил о своей поддержке Клебанова и других советских рабочих, «пытавшихся организовать свободный профсоюз», также как и лиц, подписавших «Хартию 77» в Чехословакии. 5 апреля профсоюз парижских корпораторов обратился к демократическим организациям трудящихся с призывом выступить с требованием освобождения советских рабочих, связанных с АСПС.

Престиж находящейся под советским контролем Всемирной федерации профсоюзов (ВФП) очень пострадал, когда Жорж Сеги, ее генеральный секретарь, отказался от своего поста, жалуясь на «парализующий эффект дипломатического давления на организацию, особенно со стороны социалистических стран». В журнале ВФП Жорж Сеги писал об очевидном парадоксе: «Когда организация (ВФП) говорит о

правах рабочих, ей не верят и не будут верить до тех пор, пока она будет говорить о нарушении этих прав только в капиталистическом или третьем мире — так, будто социалистические страны не знают подобных проблем».¹³

Четыре самые большие рабочие организации — коммунистическая конфедерация труда, демократическая, левого направления, Французская демократическая конфедерация труда, независимый социал-демократический профсоюз Форс Увриер и социалистическая Федерация работников народного образования — выразили свою солидарность с «советскими и восточноевропейскими рабочими, пытающимися создать независимые организации». Шведская секция «Международной Амнистии» призвала все левые партии Швеции выразить поддержку АСПС. В это же время самая большая в мире некоммунистическая ассоциация рабочих — Международная конфедерация свободных профсоюзов осудила репрессии советских властей против членов АСПС. В ответ ТАСС обвинило четыре французских профсоюза в стремлении опорочить социализм при помощи попыток распространить старые фальшивки «о мифических нарушениях прав человека и профсоюзов в СССР».

На своей трехдневной конференции, проходившей в 1978 году, Международная конфедерация свободных профсоюзов заявила о своем намерении обратиться с формальной жалобой в МОТ на несоответствие политики советских властей конвенции N87 МОТ. Всемирная конфедерация труда также обратилась в МОТ с жалобой на невыполнение Советским Союзом конвенции N87. Кроме того, Национальный исполком лейбористской партии Англии принял резолюцию в поддержку АСПС. Резолюция приветствовала проведение Международной Организацией Труда исследований в связи с вопросом о несоответствии советской политики конвенции N87.

28 февраля 1979 года МОТ призвал Советский Союз считаться со статьей о свободе профсоюзов. Исполком МОТ признал неудовлетворительными объяснения СССР и просил дать детальную информацию о судьбе диссидентов-рабочих и о характере соответствующего законодательства. Ярким свидетельством отношения советских властей к этим исследованиям может служить письмо, направленное в МОТ в

ноябре 1978 года в ответ на просьбу определить свою позицию в данном вопросе. В этом письме советское правительство голословно утверждает, что заботы о судьбе несчастных рабочих не обоснованы и что, главное, эти люди не имеют ничего общего с советскими профсоюзами.

В мае 1979 года Комиссия экспертов МОТ заявила в своих рекомендациях, что изменения в советской конституции нанесли серьезный ущерб престижу Советского Союза и его политике в отношении международного рабочего движения, особенно после того, как СССР заявил о своих претензиях на «самую демократическую конституцию в мире». В июле 1979 года с протестами против суда над членом СМОТ Львом Волохонским обратились к советскому президенту Леониду Брежневу генеральный секретарь Международной конфедерации свободных профсоюзов Отто Керстен, исполкомы пяти других международных федераций и президент Конгресса профсоюзов Швейцарии. Исполнительный комитет американских профсоюзов АФТ-КПП призвал президента США Джимми Картера потребовать от советского правительства освобождения Владимира Борисова, Николая Никитина и Альбины Якоревой. Наконец, Уильям Уинписсенджер, президент американского профсоюза машинистов, отменил намеченный визит делегации этого профсоюза в СССР в связи с систематическими нарушениями там прав человека.

Советское правительство, конечно же, продемонстрировало в очередной раз свою способность игнорировать протесты общественности. Его ответ на протесты против преследования участников рабочего движения в СССР не был неожиданным. До сих пор Владимир Клебанов остается узником психиатрической больницы, также как и Алексей Никитин — диссидент-шахтер, арестованный в 1981 году. Владимир Борисов, один из руководителей СМОТ, насильно выслан на Запад (сейчас живет в Париже). Брошены в тюрьмы и многие другие активисты СМОТ и, как уже было сказано, эта организация, несмотря на периодический выпуск самиздатских документов, перестала существовать как эффективный инструмент защиты прав рабочих.* Комиссия экспертов МОТ

---

* Несмотря на репрессии, СМОТ все же продолжает свою деятельность. Совсем недавно появились на Западе новые Информационные бюллетени СМОТ (ред).

с 1979 года регулярно публикует отчеты, содержащие критику Советского Союза за нежелание допустить образование профсоюзов вне рамок партийно-государственной структуры. Позитивных ответов советских властей не было.

Тем не менее было бы серьезной ошибкой недооценивать потенциальное значение организованных протестов рабочих. Очень важно, что простые рабочие сами заявили публично о своем желании принять участие в организации независимых профсоюзов в то время, когда под давлением властей значительно снизилась активность диссидентов-интеллигентов. Это свидетельствует о большой силе внутреннего недовольства, скрытого под, казалось бы, гладкой поверхностью советского общества. Активность эта проявилась в эру Брежнева, когда, как мы уже говорили, к малой эффективности труда, коррупции и халатности относились, в сущности, терпимо. Новый советский лидер Юрий Андропов обещал предпринять значительные усилия для восстановления жизнеспособности советской экономики, повышения производительности труда и уделять особое внимание исполнительности рабочих. В связи с наличием острых внутренних противоречий в советской экономике кажется весьма вероятным, что это будет означать попытку выжать из советских трудящихся как можно больше работы без значительного улучшения уровня их жизни. Проведение в жизнь такой политики может привести к тому, что демонстрация недовольства рабочих будет куда сильнее, чем в 70-х годах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив Самиздата, AS 3194.
2. Архив Самиздата, AS 3513.
3. А. С. Протопопов. Выступление на международном симпозиуме «Социальные аспекты организации труда: влияние на социальную политику и трудовые отношения», Москва, 15-18 февраля 1977 г.
4. «The Daily Telegraph», May 17, 1978.
5. «Labour Focus on Eastern Europa», vol. 2, no. 2, May-June 1978.
6. Архив Самиздата, AS 3194.
7. Архив Самиздата, AS 3513.
8. International Labor Conference, 65 th. Session, Geneva, 1979. «Report of the Committee of Experts on the Application of Conventions and Recommendations», Report 3 (part 4A).

9. Там же.
10. «Правда», 26 июля 1979 г.
11. Архив Самиздата, AS 3191.
12. O. S. Ioffe, «Law and Economy in the USSR», Harvard, Law Review, v.95, N7, p.1591.
13. «The Manchester Gardian», 18.04.1978.

(Перевел с английского В. Панченко)

Workers *Under Communism*

Make checks payable to Workers Under Communism

**275 Seventh Ave.
New York, N.Y. 10001**

ИЗ ПРОШЛОГО

Мустафа Чокай Оглы

О СОВЕТСКОМ КАЗАХСТАНЕ*

Группа членов французской рабочей делегации, ездившей в Москву на X-летие Октябрьской революции, посетила и наш Туркестан. Нужно ли сомневаться в том, что советские гости пришли в неописуемый восторг от всего виденного и даже не виденного ими в «национальных республиках Туркестана». Этими своими восторгами они делились и с сотрудниками ташкентской газеты «Правда Востока», и о них же пишут в особой декларации, выпущенной ими перед отъездом из СССР.

★

Ташкентская железная дорога, по которой проезжали французские делегаты, проходит по наиболее малонаселенным местам сов. Казахстана. Столица этой автономной советской республики — Кзыл-Орда (бывш. Перовск)

---

* Раздел из книги Мустафы Чокай Оглы «Туркестан под властью Советов», изданной в Париже в 1935 г.

Об авторе — Мустафе Чокай Оглы (1810-1941), известном общественном и политическом деятеле Казахстана, — см. послесловие М. Кулмагамбетова к статье Чокай Оглы «Голод в Киргизии», опубликованной в «Форуме» № 4, сс. 192-197

является одним из самых печальных городов Туркестана. Настолько печальных, что даже малотребовательное правительство Казахстана решило бросить его и с осени этого года перенести свою резиденцию в Алма-Ату (бывш. Верный). И вот достаточно было 7-минутной остановки поезда около часа ночи на печальной станции Кзыл-Орда, выслушать приветственную речь «казахского пролетариата» и получить на память альбом с видами, чтобы французские гости «убедились» в необычайных достижениях граждан советского Казахстана. Тут и счастливые условия жизни и труда, тут и все другие блага национальной политики сов. власти! И за всем тем — клятвенное обещание следовать пути сов. Казахстана и добиваться для французского пролетариата всего того, чем гордится казахский пролетариат в лице «героической коммунистической партии!».

С этой «героической коммунистической партии» счастливого казахского пролетариата я и начну свой рассказ.

На 6 491 138 душ населения, из коих сами казахи составляют около 60%*, мы имеем такой численный состав партии: 19 420 членов и 11 644 кандидатов. Следовательно, в рядах партии значится всего 31 064 чел. По национальному составу казахов среди них всего 34,8% (см. статью «Казахстан к X-летию Октября» в журнале «За Партию» N 3).

По сообщению ответственного секретаря комитета партии Голощекина на ноябрьской конференции партии в Кзыл-Орде, 58,9% всех партийцев-казахов (6 465 чел.) приходится на аул. И отзываясь об этих 58,9% Голощекин следующим образом:

—Аульные коммунисты еще не усвоили твердо партийной линии. Они еще не в состоянии выполнить партийные поручения» («Энбекши Казак», 23. 11. 1927).

А о партийцах же казахских вообще тот же Голощекин говорит:

— Большинство наших коммунистов безграмотно. Если бы они были элементарно грамотны и хоть немного грамотны

** Накануне Октябрьской революции казахов в Казахстане было свыше 6 млн. человек.

политически, директивы партии выполнялись бы, сами они были бы свободны от влияния родовых пережитков. Но такого положения у нас нет...» («Энбекши Казак», 21. 11. 1927).

Вот такова «героическая партия казахских коммунистов», революционная и государственная деятельность которых приводит в дикий восторг французских делегатов!

Теперь о казахском пролетариате вообще.

На 148 тыс. членов профсоюзов Казахстана собственно казахов приходится всего 34 тыс. (т. е. 23%. см. «За партию», N3). Процент промышленного пролетариата среди этих 34 тыс. крайне ничтожен*. Главная масса промышленного пролетариата сосредоточена на следующих крупных пунктах Казахстана: Эмба-нефть, Карсакпай, Риддер и вновь строящейся Туркестано-Сибирской железной дороге. Условия жизни казахского пролетариата на этих предприятиях представляют огромный интерес для ближайшего знакомства с рабочей политикой советской власти в отношении казахского населения.

Начну с завода Риддера. Завод этот раньше, до 1918 года, принадлежавший английской кампании Уркварта, ныне перестроен заново «по последнему слову заграничной техники». Находится он в центре казахского заселения, но, в виду его особой промышленной ценности, он отнесен в ведение центральных органов Советского Союза.

Это последнее замечание необходимо помнить для

---

*О численности рабочих-казахов, занятых в промышленности «Энбекши Казак» (7 февраля 1928 г.) дает следующую цифровую справку: в золотопромышленности — 140 чел.; в текстильной — 121; в кожевенной — 124; в спиртовой — 33; соляной — 129; пищевиков — 1 (один); деревообделочников — 1 (один). И т. д.; по отношению к общей массе (промышленных) рабочих Казахстана, рабочие-казахи составляют 2,2%. Таким образом, надо считать, что главнейшая масса указанных здесь 34 тыс. рабочих-казахов состоит из пастухов (по новой терминологии — «гуртоправов») и сезонных сельскохозяйственных рабочих, не играющих и не могущих играть никакой роли в профессиональном движении.

установления ответственности за условия труда на этом самом образцовом на территории Казахстана крупнейшем промышленном предприятии. Добываются на заводе Риддера медь, свинец, олово. Последнее время в районе завода найдено золото. Всех рабочих и служащих на заводе 2 800 человек и среди них 370 казахов. Только один рабочий-казак числится в рядах квалифицированных; все остальные, значит, простые рабочие или еще точнее сказать — чернорабочие. При заводе имеется фабрично-заводская школа для подготовки квалифицированных рабочих, но доступ туда казахам затруднен или даже невозможен из-за отсутствия там преподавателя, владеющего казахским языком. Присланные на завод (со стороны) молодые казахи, по окончании фабрично-заводской школы, зачисляются в чернорабочие. При сокращении работ, что происходит периодически, увольняются в первую очередь рабочие-казахи. Рабочие-русские и рабочие-казахи одной квалификации получают неодинаковую заработную плату: русские больше, казахи меньше.

Сведения эти напечатаны в номере от 16. 12. 27 газеты «Энбекши Казак».

О положении дел на заводе Риддера докладывал на VI партийной конференции Казахстана (ноябрь 1927 года) русский большевик Морозов от имени Контрольной Комиссии. Из его сообщения я приведу только одно место, относящееся к межнациональным отношениям.

— На заводе Риддера, — говорит Морозов, — среди рабочих — межнациональное недоверие. Русские рабочие проявляют великодержавие... Они не пускают рабочих-казахов жить с собой в одно помещение... («Энбекши Казак», 29. 11. 27).

А вот сведения о положении казахских рабочих на Риддере еще более позднего времени:

«Рабочие, работающие в шахтах, постоянно обижают рабочих-казахов. В заводском комитете нет ни одного представителя казахов. Русские, сидящие в завкоме, казахского языка не знают, а рабочие-казахи не в состоянии поэтому изложить перед ними свои нужды. То же самое и в области охраны здоровья. Доктор не знает казахского языка. Заболевший рабочий-казак не в состоянии толком объяснить свою

болезнь. Поэтому рабочие-казахи и не обращаются к доктору за медицинской помощью. («Энбекши Казак», N 1, от 1. 01. 28).

Квартирные условия для рабочих-казахов ужасные...

Приблизительно то же самое происходит и в Карсакпае, где работают всего 3000 рабочих. Та же межнациональная рознь между рабочими-русскими и рабочими-казахами, при чем, конечно, обиженной стороной являются рабочие-казахи. Та же «гигиена». Фельдшер не советует рабочим ходить в бани, ибо «там можно заразиться». Рабочие ютятся в неотопливаемых холодных бараках. Часть рабочих живут зимой и летом в войлочных юртах...

Скверно поставлено дело снабжения рабочих провиантом. Частая нехватка муки. Из-за этого некоторые квалифицированные рабочие уходят с завода. В течение двух с половиною месяцев рабочим не выдавали специального рабочего костюма... На заводе процветает хулиганство, как-то: пьянство, поножовщина, битье стекол и т. п...»

Эти сведения, лишь повторяющие, что было известно давно, напечатаны в «Энбекши Казак» в номере от 5 января 1928 года.

Риддер и Карсакпай — образцовые, на масштаб Казахстана, заводы. Условия жизни и труда на них считаются лучшими, чем в остальных местах. И на примере этих образцовых заводов мы видим, как относится советская власть к рабочим-казахам, как живет последнее при господстве пролетарской диктатуры.

А вот положение рабочих-казахов на вновь строящейся Туркестано-Сибирской железной дороге.

«Положение рабочих весьма скверно. Начинают работу с первыми проблесками утренней зари и кончают только с наступлением сумерек. На вопрос — почему работают более восьми часов? — получается ответ: „заработной платы не хватает на еду“ Хуже того. И эта заработная плата не выдается во время. Некоторые рабочие-казахи в течение двух месяцев не могут получить рабочих книжек. Десятники, обязанные защищать права рабочих, не выслушивают заявлений рабочих казахской национальности...

Нет ни доктора ни фельдшера...»

Эти сведения помещены в том самом номере «Энбекши Казак» (от 11 декабря 1927 года), где приведены взаимопри-

ветствия представителей «счастливого пролетариата» Казахстана и делегации «угнетенных» рабочих Франции.

Разве не кажутся после этого чистойшей ложью и цинизмом следующие слова французского делегата Мазони:

— Мы окончательно убедились в том, что все, что писалось о Советском Союзе в прессе нашей капиталистической Франции (?!), было чистойшей ложью. Мы здесь видели сами, как живут бывшие колониальные народы. И об этом мы расскажем подробно 520-тысячному революционному рабочему классу Франции... (см. тот же номер «Энбекши Казак»).

Г. Мазони не знал, конечно, когда произносил свою речь, о таком положении рабочих-казахов. Эти сведения от него были скрыты. Но нет у меня уверенности, что и узнав, наконец, частицу правды, он хоть в чем-нибудь изменит свое мнение о «счастливых условиях жизни и труда пролетариата» Казахстана.

Уже по этим беглым заметкам о положении пролетариата Казахстана, в особенности туземного пролетариата, «в Октябре обрешего свою национальную независимость и национальную свободу», можно легко себе представить и государственную структуру Автономной Казахской советской социалистической республики.

О Казахстане, как о самоуправляющейся национально-государственной единице (в советском смысле), вообще ведь можно говорить лишь при действительном руководстве важнейшими частями государственного механизма коммунистами казахской национальности, при руководящем участии или хотя бы воздействии на управление страной пролетариата казахской национальности.

И казахских коммунистов и казахский пролетариат мы видели в описании главного руководителя партии Голощекина и официального органа партии и правительства Казахстана—«Энбекши Казак». Сказать, что вот эти в большинстве и элементарно-технически и политически неграмотные коммунисты играют хоть какую-нибудь роль в государственном строительстве, сказать, что вот тот казахский пролетариат,

которого обижают и оскорбляют, который лишен права на одинаковую с русским рабочим плату, и который умирает, не получая медицинской помощи со стороны советского врача, сказать, что этот казахский пролетариат участвует или может участвовать в управлении судьбами страны, — значит сознательно говорить бессовестную ложь.

И эту ложь говорят московские большевики, за ними ее повторяют французские делегаты!

Я знаю, что и как ответят московские большевики, если бы им прочли вот эти мои официальные справки. Они ответят... цифрами, статистикой. И я знаю эти цифры и эту статистику и представлю их французским коммунистам.

Вот статья какого-то Швера в номере 3 журнала «За партию» (ноябрь 1927 года). Озаглавлена статья «Казахстан к X-му Октябрю». В ней собраны статистические данные по наиболее важным отраслям жизни Казахстана. На некоторых из этих цифр я остановлюсь, чтобы показать всю внутреннюю пустоту «советских тысяч и миллионов». Тогда роль казахского национального пролетариата в государственном строительстве Казахстана встанет перед нами во всей своей «наготe».

Начну с кооперации, которая в условиях Казахстана составляет главнейший элемент «социалистической организации» хозяйства. Потребительская кооперация Казахстана располагает сетью в 1 078 единиц. Из них обслуживающих интересы казахского населения всего 29,6%. По подсчету «Энбекши Казак» (номер от 3 января 1928 года), точное число обслуживающих казахское население кооперативов равно 320... Число сельскохозяйственных кооперативов равно 738 со 135 тыс. пайщиков, из которых пайщиков-казахов всего 44 тысячи.

Журнал «За партию» не объясняет нам, какую именно группу казахов обслуживают эти советские кооперативы. Эти объяснения мы находим в «Энбекши Казак» в номере от 20 декабря 1927 года. Там мы читаем:

«Так называемые» (так и написано «так называемые») кооперативы не особенно далеко ушли от городов. Казахские хозяйства еще не объединены вокруг кооперации... Больше того, даже «Государственная торговля не дошла до полукочевых и кочевых казахских районов»...

Кто же живет «далеко от городов», куда не дошла ни советская кооперация, ни советская государственная торговля? 5 901 832 души из общего количества 6 491 138 населения Казахстана! Процент казахов среди этих 5 901 832 внегородского населения составляет не менее 70%. Таким образом, вы видите, что благодеяния советской кооперации почти не распространяются на основные кадры казахского населения. Что же касается «кочевых и полукочевых» казахских хозяйств, вовсе не обслуживаемых ни советской торговлей, ни кооперацией, то число этих хозяйств определяется в 90% всего казахского населения. («Энбекши Казак» от 6 января 1928 года).

Журнал «За партию» в самых счастливых выражениях описывает земельную политику советского правительства в Казахстане и то, сколько земли получила казахская беднота из рук советской власти. Я оставляю в стороне его «миллионы десятин», а обращаюсь к свидетельству Голощекина, докладывавшего VI партийной конференции Казахстана (ноябрь 1927 г.) следующее о результатах этой самой советской земельной реформы:

— Хотя у нас и не было недостатка в проектах о сплошном землеустройстве (казахского населения), все же беднота никакой выгоды от этого не получила (речь Голощекина 7.XI 1927, см «Энбекши Казак» от 21 XI 27 г)

Ниже я скажу несколько слов о земельной политике советской власти вообще, и там будет видно настоящее лицо советской политики в отношении казахского населения. Теперь обращаюсь к цифрам г. Швера в журнале «За партию», долженствующим показать и доказать «великое достижение казахского народа в школьном деле».

— Число казахских школ, — пишет Швер, — теперь стало 1 600 против прежних (до революции) 560...

Затем прибавляет:

«Процесс развития народного образования можно проследить и по росту денежных ассигнований на эту цель. Так,

например, в прошлом бюджетном году на дело народного образования было отпущено 9 с половиной миллионов рублей; в только что истекшем году — уже около 13 миллионов рублей»

Я последую за этими цифрами.

Обращусь к «Энбекши Казак». В номере от 14.6.27 этой газеты писалось: «Казахских школ имеется окопо 1600, но из них число школ, имеющих помещение, еле-еле достигает 40»...

Комментарии излишни: 1600 на бумаге, а на деле «еле-еле достигает 40».

Говоря о школьном бюджете, комиссар народного просвещения Казахстана Токтабай-оглы Карим приводил следующую, не лишнюю интереса справку.

«В 1911 году в русско-киргизских школах на одного учащегося тратилось 17 рублей, а ныне в школах первой ступени (соответствует прежним русско-туземным школам) мы тратим 7 руб. 70 коп., т. е. менее почти в два с половиной раза. В русских школах первой ступени на одного учащегося тратится 16 руб.. На одного учащегося в средних учебных заведениях в 1913 году тратилось 180 руб., а теперь — 22 р 70 коп.» и дальше.

«В казахских аулах только полтора процента школ имеет помещение, а в русских поселках помещением обеспечено 28% школ».

Наконец, последнюю справку о состоянии советских школ дает Голощекин в своем докладе VI партийной конференции (ноябрь 27 г.). Вот что читаем мы в его речи, напечатанной в номере от 22 XI.27 «Энбекши Казак»:

«На бумаге мы имеем большое количество школ в аулах, но в действительности никакой школы в аулах нет. Если аульные школы имеют помещения, то в этих помещениях нет скамеек, если есть скамейки, то нет учебников»

Пусть читатели вынесут сами свое суждение о «великих достижениях казахского народа при советской власти».

Последние цифры, на которых я хочу остановиться, это цифры, которыми автор статьи в №3 «За партию» хочет доказать, что «судьба казахских трудящихся находится у них в своих руках». В доказательство он приводит «немного статистики»: в президиуме Казахского ЦИК из 21 члена

казахов — 12; из 151 члена пленума ЦИК казахов — 81; в совнаркоме из 16 членов казахов — 11; из 32 председателей уездных исполкомов 19 казахов... И т. д.

Но вот технический аппарат, который, при в большинстве малограмотных «руководителях» органов власти, играет решающую роль, имеет физиономию иную: в техническом аппарате уездов и губерний казахи составляют 20% и в краевых учреждениях — 13%.

В числе этих 20 и 13%% находятся такие «техники», как, например, кучера, сторожа, разносчики пакетов и т. п.

Обращусь к этим самым, по советской терминологии, «державшим в руках своих судьбу казахских трудящихся» руководителям советского Казахстана. В действительности, эти цифры, это цифровое, арифметическое большинство, имеют то же значение, что 1600 школ без помещений, без учебных принадлежностей и без учебников.

Позвольте мне привести одно только заявление Голощекина, поставленного Москвою руководить всем партийно-государственным механизмом Казахстана.

В 1926 году ЦИК Казахстана, с «руководящим» казахским большинством, вынес решение, согласно которому при землеустройстве в Казахстане русские, самовольно переселившиеся сюда после 31 августа 1925 года, лишались права на получение земли. Они должны были или выехать обратно или же довольствоваться правом арендовать землю. При этом арендовать они должны были у самого правительства Казахстана, и т. о. возможность «частно-капиталистической эксплуатации» как-будто исключалась. Решение ЦИК было основано на директивах V партийной конференции Казахстана.

Голощекину это решение не понравилось. Но, признается Голощекин, «если бы я вздумал выступить против, то ни одного казахского голоса я бы не получил».

Дальше слово предоставим самому Голощекину:

— Я немного схитрил и сказал, что надо создать комиссию. Согласились. Но перед тем, как идти на заседание комиссии, я вызвал товарища Алибекова и др. и просил их объяснить мне, в чем дело. Выяснилось, что при выполнении решения ЦИК (о самовольных переселенцах) около 40-50 тыс. семьям русских придется или выселиться обратно или же

арендовать землю... Затем, прибыв на заседание комиссии, я заявил:

— Товарищи, это не пройдет. Имеется ли у вас вооруженная сила, чтобы выселить обратно 200 тыс. душ русских? Имеются ли у нас денежные средства, чтобы покрыть расходы по переброске их обратно на свои места?».

Как же ответили Голощекину «руководители судеб казахских трудящихся»?

Голощекин цинично рассказывает:

— Постыдились... Согласились... Отменили... (см. «Эн-бекши Казак», 28, XI. 1927).

«Постыдились»?.. Нет, конечно, не «стыд» руководил «представителями казахских трудящихся», а страх, ибо у них не было и нет главного аргумента, о котором говорит Голощекин: не было своей национальной вооруженной силы...

Г.г. французские коммунисты, известно ли вам, что земельный вопрос в Казахстане разрешается не согласно желанию верховных органов «пролетарского государства» — партийной конференции или ЦИК Казахстана, а под угрозой «вооруженной силы»? Вчитайтесь вы в слова Голощекина и скажите: в чьих руках судьба казахских трудящихся? В руках ли арифметического большинства или в руках одного Голощекина, аргументирующего «вооруженными силами» московского правительства?

Скажите по совести, такую же ли политику «от вооруженной силы» будете вести вы в Сирии в отношении сирийских трудящихся, если бы вам удалось «освободить» их от «французского империализма»?

Сириец Али-Мира, скажите, считали бы вы «счастьем для своего народа», если бы французские коммунисты поступали с вашими братьями, трудящейся беднотой сирийцев, так же, как московские коммунисты поступают с трудящимися туркестанцами?

Чтобы понять трагизм казахской бедноты и весь цинизм советского правительства, надо знать, что при царском режиме у казахского народа было отобрано около 40 млн. десятин лучшей земли в пользу русских переселенцев, что советское правительство обещало, именем национально-освободительной революции, именем «мирового револю-

ционного пролетариата», что земельная несправедливость павшего режима будет исправлена, что казахам будет возвращена отобранная земля, что на казахские земли переселенцы допущены не будут... Теперь вы видите, г. г. французские коммунисты и сирийцы-революционеры, что у казахов земли отбираются в пользу самовольно переселившихся русских крестьян под угрозой вооруженной силы.

Ведь вот эти справки, которые я привожу здесь из официальных источников, вам, французские делегаты, неизвестны, и вы, не зная ничего, не имея понятия о сов. Казахстане, о котором вы, быть может, услышали-то впервые, перед отъездом из Москвы в советский Туркестан, решились громогласно заявить, что «в счастливых условиях казахских трудящихся вы убедились лично!».

Уже сказанного выше было бы достаточно для того, чтобы понять, что никакого советского строя, основанного на революционном сознании казахских масс, в Казахстане нет, что никакого марксизма ни в вашем, ни в моем даже понимании этого слова, нет. Но я приведу к тому еще лишние доказательства.

Как раз на другой день после проезда французской делегации через Кызыл-Орду, т. е. 8 декабря 1927 г., в «Энбекши Казак» была опубликована резолюция, принятая на VI партийной конференции по докладу контрольной Комиссии. Из этой резолюции я приведу один только пункт (3-й), который гласит текстуально следующее:

— Влияния марксизма (в партии Казахстана) еще нет. Не изжиты еще колонизаторская психология у великороссов и национализм у казахов» ..

И все остальные шесть пунктов этой не известной французским делегатам резолюции лишь подтверждают и подчеркивают «немарксистскую» сущность коммунистической партии Казахстана.

Этого мало. Я приведу выдержку из речи Голощекина на этой же VI партийной конференции, из которой вы увидите нутро «советского социалистического» Казахстана.

«Революционная волна не коснулась казахского аула. Старый быт, старые обычаи, как они были до революции, так и остались без изменения».. (речь Голощекина 17.XI., см «Энбекши Казак» от 21.XI.27 г.)»

Ленинисты и марксисты, верите ли вы в народную, пролетарскую революцию без влияния этой революции на этот самый народ, на этот самый пролетариат?

Марксисты-ленинисты, верите ли вы, что партия «без влияния марксизма», где «великодержавное колонизаторство» вызывает (и не может не вызвать) «местный национализм», что вот подобная партия может создать пролетарский строй? Допускаете ли вы ленинизм без марксизма? Верите ли вы в революцию без революционной массы при колонизаторской психологии одной (большей) и националистической психологии другой (меньшей) части диктаторствующей партии? Считаете ли вы и можно ли вообще считать такую партию революционной с какой бы то ни было точки зрения?

Я приводил выше доказательство «революционного» издевательства московского агента Голощекина над «революционными» органами управления. Я говорю об отмене одним Голощекиным, со ссылкой на отсутствие у казахов «вооруженной силы», постановления казахского ЦИК о недопустимости одчуждения земли у необеспеченной землею казахской бедноты для 200 тыс. душ русских самовольных переселенцев.

Чтобы быть в меру возможности объективным, я скажу несколько слов о «национализме» среди коммунистов-казахов.

Все тот же Голощекин, имя которого мною упоминается здесь весьма часто, на VI партийной конференции рассказывал следующее:

— В одном беллетристическом рассказе на казахском языке я прочитал (Голощекин казахского языка не знает) следующее «бытие определяет сознание. Раз это так, то при нашем, казахском отсталом быте не может быть места разговорам о социалистическом строе и пролетарской идеологии («Энбекши Казак». 21 XI 27)

Там же мы находим, в передаче Голощекина, такое

рассуждение видного казахского коммуниста Исмаила Садвакасова о социализме среди казахов:

«О социализме в применении к русской деревне еще, пожалуй, можно спорить. Но что касается социализма в условиях Казахстана, то об этом и не стоит говорить»..

Чтобы доказать, что Исмаил Садвакасов не исключение, я приведу свидетельство о нем Голощекина же:

— Корни «садвакасовщины» прочны Садвакасов — это не отдельные лица, от которых можно было бы избавиться путем их изгнания (из партии). Садвакасовы имеются среди нас самих. Советские органы полным полны садвакасовых. Садвакасов — это выражение темной националистической идеологии широких народных масс. И с этим надо считаться .

Приведу еще одно свидетельство более общего характера. Оно касается «восприятия» казахами Октябрьской революции. Вот книжка на казахском языке — «Психология выбора профессии». Отпечатана она в Москве в типографии Совета Национальностей. Автор книги Юсуфбек Аймаутов* о достижениях казахского народа говорит следующее:

— Война, революция, грабежи, голод, национальная свобода, автономия . все это вещи, не снившиеся казах-киргизскому народу даже во сне, бросили (казах-киргизский народ) в объятия нищеты и бесконечных нужд

И об этом толковании и о таком восприятии социалистической революции говорилось с трибуны съезда работников политического просвещения в Кызыл-Орде (см. «Энбекши Казак» от 10.1.28).

О чем говорят эти три последних примера? Они говорят обо всем, что угодно, но только не о торжестве революционных начал, но только не о «социализме в Казахстане». Я нарочно привел примеры из разных источников: из беллетристики, из заявления ответственного коммуниста-казаха и из книги, претендующей на научное обоснование какой ни на есть идеологии.

---

* Насколько мне известно, это он перевел на казахский язык гимн «Интернационал»

Сопоставьте все это с приведенным выше заявлением Голощекина о том, что «революционная волна не коснулась казахского аула», и перед вами подлинный облик советского Казахстана, приведшего в такой восторг делегатов французской коммунистической партии.

Где источники такого «восприятия» казахами социалистической революции?

Его не трудно найти в великодержавном колонизаторстве г.г. красных москвичей, в националистическом издевательстве над рабочими казахской национальности, в неслыханном глумлении представителя московского центра Голощекина над высшими «революционными» органами советского Казахстана...

Ведь вытаскивая казахов-рабочих из помещения, где живут рабочие русские; заставляя работать казахов от утренней зари до сумерек за ничтожную заработную плату; лишая казахов-рабочих права на одинаковую с русскими рабочими заработную плату; издеваясь над постановлениями казахского ЦИК; насильственно отбирая землю у неустроенной еще казахской бедноты в пользу самовольных переселенцев-русских, — ведь все это московские большевики выдают за настоящий социализм, за революционный марксизм, за пролетарский строй, за советскую государственность. Меня мало беспокоит репутация советской государственности. Но не могу не задать вопроса г.г. французским ленинистам:

— И по вашему мнению, все эти неслыханные безобразия есть атрибуты вашей советской государственности?

★

Мне остается сказать несколько слов о межнациональных отношениях в советском Казахстане.

Все сказанное выше не оставляет сомнения, о каком таком «братском» сожительстве народов может здесь идти речь.

Если бы я взялся нарисовать картину межнациональных отношений по казахским газетам и отчетам съездов за весь истекший 1927 год, то получилось бы нечто невероятное,

чему, пожалуй, и трудно было бы поверить: настолько мрачна эта картина!

Я ограничусь поэтому самыми последними данными о межнациональных отношениях в Казахстане. И этого будет вполне достаточно.

Предо мною новогодние номера «Энбекши Казака» от 1 и 3 января 1928 г. В них огромнейшие фельетоны, под заглавием «Межнациональная рознь». И одна из этих статей начинается так:

«Удивляться не к чему. О существовании межнациональной вражды у нас известно всякому. Это не новый вопрос, а вопрос старый, о котором говорится на всех наших съездах и конференциях...»

И немногим дальше мы читаем:

«Вот уже десять лет прошло, как произошла революция. И несмотря на эти десять лет революции, нельзя сказать, что остатки колонизаторской политики царизма исчезли. Они еще живут. Русские кулаки-колонизаторы, прямые и законные дети старой русской великодержавной политики, еще до сих пор обнаруживают свое верховенство в отношении казахов, узбеков и др угнетенных народов...»

Среди казахов живы еще старые стихи и песни, сложенные в эпоху царской переселенческой политики

В народе еще живут поговорки вроде

— Блондин ли, брюнет ли, все русские суть русские...

— Если есть у тебя товарищ русский, то не забудь держать при себе топорик...

— Эти песни, эти поговорки казах применяет ко всякому русскому человеку, не различая ни богатых, ни бедных...».

А несколько впереди написано:

«Межнациональная рознь имеется не только среди беспартийных, но и среди самих членов партии. Имевшие до сих пор место группировки, взаимные недоразумения и драки — все это порождено межнациональной рознью...»

Работающие в земельных и водных комитетах товарищи тянут одни в сторону колонизаторства, другие в сторону национализма... Товарищи, работающие в местных (низших) органах власти, мало думают об интересах трудящихся: казах заботится об интересах казаха и, в частности, об интересах своих родственников; узбек думает о пользе узбека; русский заботится о выгоде русских»...

Автор этой весьма интересной и позорящей всю советскую национальную политику статьи приводит ряд цифровых данных, которые, по его мнению, должны служить объяснением всеобщей межнациональной вражды. Он указывает, между прочим, на «бюджетные несправедливости», как на одну из наиболее явных причин этой вражды. Для примера он берет Сыр-Дарьинскую губернию, типичную для всего Казахстана. Вот один ряд цифровых данных, показывающих «бюджетную несправедливость» советской власти. Казахи в Сыр-Дарьинской губ. составляют 79% всего населения, а все европейцы вместе взятые (русские, украинцы, белорусы, немцы и др.) — всего-навсего 9,5%. Между тем, в школах Сыр-Дарьинской губ. обучается всего-навсего 6% казахских детей, детей же русских — 53,2%... Другими словами, на казахские деньги сов. правительство обучает детей русских переселенцев!

Ну, а разве приведенных выше справок о школьных помещениях, о кооперации, о земле, о рабочих, о заработной плате недостаточно, чтобы видеть ясно, что ни о каком межнациональном мире, ни о каком «братстве народов» в Казахстане и речи быть не может?

Когда представители казахского профсоюза Корамыс-оглы Азьмухан и Бродский говорили французским делегатам «о великих достижениях казахского народа и казахского пролетариата», в частности, они, Азьмухан и Бродский, отлично знали о действительном положении и казахского народа вообще, и казахского пролетариата в частности, и о межнациональных отношениях в советском Казахстане. Но они, как представители советских организаций, от французской делегации правду скрыли...

★

Я здесь коснулся не всех пунктов, отмеченных в декларации французской рабочей делегации, как «великие достижения трудящихся бывших царских колоний». Не коснулся, между прочим, заявления делегатов о «глубоких изменениях в правах и обычаях», происшедших «при пролетарской власти» и о том, что будто «варварские обычаи предков быстро исчезают».

Людам, никогда не знавшим, что такое представляет собой Средняя Азия и какие там были нравы и обычаи, весьма трудно, конечно, говорить об «изменениях» в них. Но французские делегаты все же решились сказать свое окончательное мнение и по этому вопросу. Да, есть «глубокие изменения в нравах и обычаях». Начать с того, что «при пролетарской власти» туркестанцы обогатили «варварские обычаи предков»... пьянством — пороком, с которым мы раньше не были почти знакомы. Казахи, в частности, совершенно не знали пьянства... При пролетарской власти туркестанское население узнало, что существуют грани взяточничества и кражи народного достояния, до которых не достигли, оказывается, ни администрация старого режима, ни даже чиновники бухарского эмира. При «пролетарской власти» в Казахстане и Киргизстане возобновился забытый было «варварский обычай» предков — «баранта» (угон скота) и участились до неслыханных размеров кражи скота. Разверните казахские и киргизские газеты, и вы ужаснетесь количествам «баранты» и кражи.

Да, при пролетарской власти ввели борьбу против выкупа жены, но «при пролетарской власти» наша страна обогатилась известным ей больше понаслышке пороком насилия над женщиной. В большинстве случаев насилия совершаются над «освободившейся» женщиной ее «освободителями» — членами партии или ответственными работниками.

Что пьянство, взяточничество, кража народного достояния, насилия над женщинами и др. становятся как бы «профессиональной» привилегией партийцев и ответственных работников «пролетарской власти», увы, это понятно. Ибо там, где страна и народ социально не доросли, где нет точно очерченных классовых дифференциаций, там в «единую и единственную партию классовой диктатуры» в большинстве идут (так будет везде и всюду в каждой такой социально недоразвитой стране и среде) худшие элементы, элементы карьеристские, люди с мрачной психологией. Совершенно прав большевик Георгий Сафаров, когда говорит, что «в условиях Туркестана большевистская партия превратилась в своего рода Ноев Ковчег, где нечистых пар гораздо больше, чем чистых». При искусственном же насаждении сверху марксистской идеологии в ее ленинской

интерпретации, в условиях Туркестана и ему подобных стран «нечистых пар» будет всегда больше, чем «чистых». Тот же Сафаров говорит, что «колонизаторы» (т. е. советское правительство в Туркестане — М. Ч.), не признавая нации, особенно свирепо обрушивались на национальную интеллигенцию угнетенных народов», ибо «колонизатором не нужны были подлинные руководители туземной бедноты, равноправные с ними товарищи. Им нужны были переводчики и полицейские исполнители».

Много ли изменилось с тех пор?

Немного. Вчитайтесь в резолюцию XIV пленума Средне-Азиатского Бюро ЦК ВКП о «скрытых формах остатков великодержавного шовинизма», издевательства, высокомерия, подчеркивания преимущества у коммунистов русских в их взаимоотношениях «с рабочими основных национальностей» и скажите: вот таким господам разве нужны «равноправные с ними» товарищи и подлинные руководители туземной бедноты?»

Конечно, нет!

Разве Средне-Азиатское Бюро ЦК ВКБ потерпело бы, если бы кто-либо из нынешних руководителей туземной бедноты» вздумал протестовать против такого неслыханного национального унижения, как приказ населению старого Ташкента стать на колени в годовщину смерти Ленина?

Скажите, г.г. французские коммунисты, какое вы дадите объяснение этому акту советской власти в Туркестане? Почему туркестанцы должны становиться на колени, а русские стоя кричать: «Ленин умер, а дело его живет?».

Я знаю, что приведенные мною справки при всей их официальной достоверности, не переубедят французских коммунистов по одной той причине, что исходят от меня — не коммуниста. Но ни я, ни мои соотечественники-туркестанцы — мы и не добиваемся, чтобы французские коммунисты осудили советское правительство за его туркестанскую политику. Мы хотим лишь одного, хотим, чтобы французские коммунисты оставались при своих убеждениях и мнении о сов. власти в Туркестане, зная, что:

советская власть утвердилась там на трупах туркестанской бедноты, на трупах женщин и детей; что московские коммунисты, являющиеся настоящими господами попожения

в Туркестане, еще не изжили великодержавного шовинизма; что Средне-Азиатское Бюро ставило туркестанцев на колени; что в отношении рабочих туркестанцев продолжается политика недоверия, что, по выражению московской «Правды» (7.9.27), является выражением «утонченной формы современного колонизаторства»; что в Казахстане рабочий-казах получает меньшую заработную плату, чем рабочий-русский одинаковой с ним квалификации; что рабочего-казаха национально притесняют и в вопросе жилищном; что в Казахстане (в партии даже) нет влияния марксизма и что русские коммунисты «не изжили колонизаторской психологии» (см. резолюцию VI партийной конференции); что, наконец, поставленный Москвою руководить советским Казахстаном Голощекин вынудил «представителей казахских трудящихся» напоминанием о вооруженной силе (а у вас вооруженная сила есть?) согласиться на «отмену» постановления высшего законодательного учреждения Казахстана и заставил согласиться предоставить земли 200 тыс. самовольно переселившимся русским крестьянам.

Мы хотим только, чтобы французские коммунисты оставались в своем убеждении о «туземном большинстве в профсоюзах Средней Азии», зная, что на самом деле «туземцы» составляют 33% в профсоюзах собственно сов. Средней Азии и 23% в профсоюзах Казахстана.

Разумеется, французские коммунисты должны проверить приведенные мною справки. Тем легче это сделать, что я всюду указываю источники моих информаций.

Если хоть одна из моих справок окажется неверной, я готов печатно признать свою вину. Ну, а если все они окажутся верными? Что тогда?

НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К РУССКОМУ НАРОДУ

От редакции: Годы советская пропаганда распространяла и продолжает распространять миф о том, что участники партизанской войны на Украине в 1942-52 гг., члены Организации Украинских Националистов (ОУН) и бойцы Украинской Повстанческой Армии (УПА) — бандиты, фашисты, ненавистники русского народа.

В действительности же УПА, начиная с 1942 года, вела вооруженную борьбу за независимую *демократическую* Украину на два фронта — как против немецко-фашистских, так и против советских оккупантов.

Свидетельством подлинного отношения ОУН и УПА к русскому народу является публикуемая ниже статья, написанная в 1949 году, в годы сопротивления (отсюда — особенности стиля).

Автор статьи — Осип Дьяков-Горновой (1921-1950), член руководства ОУН, участник партизанской войны, погиб в бою с карательными отрядами МВД-МГБ.

Приступая к рассмотрению нашего отношения к русскому народу, отметим сразу, что этот вопрос разделяется на две части: 1) наше отношение к русским народным массам и 2) наше отношение к русским империалистам.

В каждом из этих двух отдельных вопросов наше отношение — разное.

В принципе наше отношение к русскому народу ничем не отличается от отношения ко всем другим народам. Оно вытекает из наших основных идейно-политических принципов — Свобода Народам! Свобода Человеку!

Украинскому национально-революционному движению, которое выросло на почве национального угнетения и колониального гнета украинского народа и которое выражает стремление народа к освобождению, всякое понятие шовинизма, а тем более империализма, чуждо и ненавистно. Борясь за освобождение собственного народа, мы стремимся к спасению и государственной самостоятельности всех народов, потому что мы ненавидим всякое угнетение, потому что нам ненавистен всякий империализм. Мы убеждены, что украинский народ, как и всякий другой народ в мире, может лучше всего и полнее всего развиваться только в семье

свободных и независимых государств всех народов. Мы хотим свою жизнь строить в собственном самостоятельном государстве в тесном сотрудничестве со всеми народами. Мы верим, что настоящий мир в мире может обеспечить только система свободных национальных государств всех народов на их этнографических территориях.

Вот как определил III Чрезвычайный Съезд ОУН нашу позицию:

«Организация Украинских Националистов борется за Украинское Самостоятельное Соборное Государство и за то, чтобы каждая нация жила свободной жизнью в своем собственном самостоятельном государстве. Уничтожение национального угнетения и эксплуатации нации нацией, система свободных народов в собственных самостоятельных государствах — это единственный строй, который даст справедливое решение национального и социального вопроса в целом мире».

Эти положения являются исходными и при определении нашего отношения к русскому народу. ОУН борется не против русского народа, а за освобождение Украины от гнета русско-большевистских захватчиков. ОУН придерживается принципа, что русское государство должно соответствовать этнографическим границам проживания русского народа и ни в коем случае не выходить за эти границы. С русским народом, который будет иметь свое национальное государство на своей этнографической территории, который не будет выступать против национально-освободительных устремлений украинского народа, с русским народом, который не утверждает положений империализма, а борется за уничтожение своих империалистических клик, с таким русским народом мы стремимся к самому тесному сотрудничеству и сегодня, и в будущем. Исходя из этого положения, ОУН требует уничтожения русско-большевистской тюрьмы народов и преобразования СССР в независимые государства всех народов, в кругу которых находилось бы и национальное государство русского народа. Тем самым ОУН борется за отделение Украины от России, потому что это единственный путь к тому, чтобы положить конец национальному угнетению украинского народа, колониальному грабежу его богатств, ужасной эксплуатации его труда русско-большевистскими

империалистами. Это единственный путь осуществить свободлюбивые стремления украинского народа (естественные, в конце концов, для каждого народа) жить в своем независимом государстве.

Уничтожение колониально-эксплуататорского СССР, уничтожение империалистического класса сталинских вельмож диктуется самыми жизненными интересами всех народов СССР. Перестройка СССР на независимые государства — это самое справедливое и самое прогрессивное решение национального вопроса, потому что оно в корне подрывает русский империализм и создает возможности для всестороннего развития каждого народа. Оно ведет не к национальному ограничению и заскорузлости, а к самому широкому сотрудничеству и дружбе между народами, потому что оно стоит на принципах настоящей независимости, равноправия и доброй воли. Освобождая народы от колониального гнета русско-большевистских империалистов, оно создает самые прекрасные предпосылки для решения социального вопроса каждым народом в духе интересов трудящихся масс. Поэтому преобразование СССР в независимые государства всех его народов не является поворотом обратно к старому и отжившему — это, несомненно, величайший прогресс.

Отделение Украины от России не является никаким враждебным выступлением против русского народа, как это рисует русская пропаганда.

Во-первых, борьба за отделение Украины от России — это борьба за принадлежащее каждому народу и давно уже всеми признанное за каждым народом право жить на собственной земле независимой государственной жизнью. Разве сколько-нибудь объективно мыслящий человек может расценивать такую борьбу как враждебную по отношению к какому-либо другому народу? Кроме того, борьба за отделение Украины от России — это, даже с точки зрения большевистских законов, — борьба целиком законная: конституция СССР обеспечивает за каждой так называемой союзной республикой право на выход из состава СССР.

Во-вторых, русскому народу не нужна Украина. Она нужна только русским империалистам. Утверждение о том, что Россия не может обойтись без Украины, а с таким утверждением выступали и Ленин и Сталин, — явно

империалистическая выдумка, используемая всеми империалистами и сфабрикованная для того, чтобы будоражить народные массы. (Немецкие империалисты выступали точно также, когда кричали, что немецкому народу тесно, ему угрожает голод и для этого ему необходимо «жизненное пространство» и т.д.) Далее, такое утверждение вообще не является никаким аргументом и не может давать право никакому народу угнетать другие народы. Такие аргументы употребляют только империалисты для оправдания своих империалистических войн и захвата чужих территорий.

Русские земли настолько богаты, а русский народ настолько трудолюбив, что может сам себя обеспечить. Необходимо только, чтобы земля, богатства русской земли, промышленность были в руках русского народа, а не в руках класса большевистских вельмож, чтобы русский народ работал на себя, а не на стаю большевистских эксплуататоров и не на их империалистические планы. К тому же, если русскому народу необходимы украинский уголь, железо и хлеб, он может их получить путем обмена с Украиной на хозяйственные товары своей земли (например, лес или промышленные изделия), необходимые Украине, а не путем захвата Украины и колониальной эксплуатации ее богатств.

Царские, а сейчас большевистские империалисты сознательно сосредоточили и далее сосредоточивают основные отрасли производства не там, где расположено сырье, а в бессырьевых областях России (нечерноземный и ленинградский центры), в какие завозят захваченное сырье из так называемых союзных республик. Таким образом, совершенно ясно, что отрыв Украины и других «союзных республик» вызовет изменения в современной русской государственной системе. Но это будет не ударом по русской экономике, а ударом по ее империалистической структуре, ударом по всем тем отраслям промышленности, которые работают на империалистические военные нужды большевистских захватчиков. Все это вызовет лишь временные трудности в русской экономике, которые ей придется преодолеть, как неминуемые, в процессе перестройки на неимпериалистические национальные рельсы. Перестроившись на национальной основе, русская экономика заложит прочные основы для своего успешного развития, укрепит свою силу, а, главное,

станет на службу русскому народу, а не большевистским эксплуататорам.

Что русскому народу (целому народу, а не подкупленной его части), например, с того, что он имеет развитую промышленность (к слову, построенную и расширенную с такими огромными затратами человеческих жизней, труда и богатства), если эта промышленность работает не на него, а на войну, на вооружение; если доходы от этой промышленности используются классом большевистских вельмож в антинародных целях; если огромное большинство трудящихся (за исключением партийно-стахановско-приказчицкой прослойки) находит в ней не радостный труд, а тяжелую каторгу, несоответствующий заработок, непомерные вычеты, если рабочие не имеют никакого влияния на руководство промышленностью. Таким образом, в интересах русских трудящихся масс — уничтожить империалистическую структуру промышленности СССР.

Такого уничтожения требуют справедливые интересы угнетенных народов СССР, которые не хотят мириться с колониальным положением. Мы не можем допустить того, чтобы сокровища украинской земли русско-большевистские оккупанты вывозили почти за бесценок только потому, что они необходимы русской промышленности, сознательно возводимой в бессырьевых областях. Мы не можем согласиться с тем, чтобы хозяйство Украины строилось односторонне (сельское хозяйство и добывающая промышленность), чтобы Украина, имея огромные запасы всего необходимого сырья, не могла развивать все отрасли промышленности. Мы не можем смотреть на то, как миллионы украинцев умирают от голода только потому, что их хлеб захватили кремлевские разбойники. Мы не можем допустить того, чтобы Украина оставалась базой сырья и рынком сбыта для русской промышленности, источником обогащения класса большевистских вельмож. И потому мы беремся за отделение Украины от России.

Таким образом, отделение Украины обращено не против русского народа, а исключительно против русско-большевистских империалистов, уничтожение которых также в интересах русского народа.

Выступая за отделение Украины и перестройку СССР в

независимые государства всех народов СССР, мы одновременно стремимся к наиболее тесному сотрудничеству в политической, экономической и культурных областях с русским народом, как и со всеми другими народами. Русский народ — наш непосредственный сосед, с ним у нас много общих интересов и сотрудничество наше может развиваться очень успешно, если оно построено не на империалистических отношениях, а на настоящей дружбе и равноправии.

Сегодня русские империалисты громко кричат о так называемой помощи русского народа украинскому народу. Но это нисколько не соответствует действительности. Это бесстыдная, так сказать, двойная, ложь.

Во-первых, если говорить о временах царской России, то русский народ, русские народные массы не имели никакого влияния как на внутреннюю, так и на внешнюю политику царского правительства. Это очень хорошо, лучше даже других, знают и сами большевики. Царское правительство управляло Россией на основе самодержавия. Политика царского правительства ни в коей мере не отражала воли русского народа, поскольку в России не было никаких демократических институтов. Поэтому политика царского правительства относительно Украины ни в коей мере не может считаться политикой русского народа. В условиях царского самодержавия русские народные массы не имели никакой возможности проявить свое настоящее отношение к украинскому народу. Поскольку большевики утверждают другое, то они тем самым противоречат своим прошлым установкам: они отрицают ту истину, что в условиях царского самодержавия русский народ был лишен каких-либо политических прав. Точно так же, как и в условиях царского самодержавия, русский народ не имеет возможности проявить свою волю и в условиях диктаторского тоталитарного Советского Союза. Поэтому также и вся политика советского правительства в украинском вопросе не может считаться проявлением настоящих взглядов русских народных масс в этом отношении.

Во-вторых, как политика русского царизма, так и политика русско-большевистских империалистов относительно украинского народа никогда не была и не является политикой «помощи» Украине, это — политика национального

гнета и эксплуатации Украины, политика уничтожения украинского народа, жестокой расправы с его освободительными устремлениями. Именно, к сожалению, такое, а не иное содержание русско-украинских отношений в прошлом и сегодня. Но в этой политике мы обвиняем, в первую очередь, царских и большевистских империалистов, а не русский народ в целом, не русские народные массы.

К сожалению, мы вынуждены здесь признать, что русский народ позволял (и позволяет) делать из себя орудие политики угнетения и эксплуатации Украины в руках своих империалистических руководителей. Что сделал русский народ, чтобы помешать царским империалистам предать Переяславский договор (Виленским соглашением с Польшей в 1656 и Андрусовским миром в 1667 годах), уничтожить Казацкую Республику, разрушить Запорожскую Сечь, ввести крепостничество на Украине, запретить украинский язык? Что сделал русский народ для того, чтобы помешать большевистским империалистам завоевать Украину в 1917-20 гг., что сделал он для того, чтобы не допустить угнетения украинского народа после 1920 г. и до нынешних дней? Что делает он сегодня в том направлении, чтобы помешать московско-большевистским угнетателям душить нашу освободительно-революционную борьбу на Украине? О какой тогда «помощи» русского народа может идти речь?

Разве выкуп из неволи Шевченко группой передовых русских, или близкое знакомство Шевченко с Чернышевским и тому подобные примеры — это ли не помощь русского народа украинскому? Нет, потому что это единичные случаи выискивались и выискиваются для утверждения и признания независимых прав украинского народа. Благоклонное отношение к украинскому народу со стороны передовых людей русского народа нельзя обобщать как «помощь» русского народа украинскому. Это лишь проблески будущего сотрудничества двух свободных и целиком независимых украинского и русского народов, это доказательство возможности такого сотрудничества уже сегодня, на основе общей борьбы против общего врага — русско-большевистских империалистов, которые душат также русские трудящиеся массы, жестоко эксплуатируют и посылают на смерть за чуждые им интересы.

Стремясь к сотрудничеству с русским народом, мы решительно выступаем против приписывания русскому народу «руководящей роли», обязательств «старшего брата», которые вытекают будто бы из каких-то благородных, высших качеств этого народа (русский народ — самая выдающаяся нация, которая обладает «ясным умом, стойким характером и терпением»), потому что за всем этим скрывается русский империализм, расизм и шовинизм.

Мы стоим на позиции, что в мире нет полноценных и неполноценных народов, народов которые являются выдающимися среди всех других. Могут быть только развитые и отсталые народы. Но эти народы, выйдя из состояния своей отсталости, не только не уступают развитым, а часто перегоняют их. Сколько раз в свое время «доказывалась» неполноценность славян, и какими жалкими перед лицом действительности кажутся эти доказательства сегодня? Как позорно провалились гитлеровские утверждения о том, что немецкая нация — самая свободная и единственная государственно-образующая нация в мире, что ей принадлежит право нации господствующей? У каждого народа есть свои национальные полезные качества и отдельные способности, но это никак не значит, что поэтому данная нация является «самой выдающейся» (или что-то в этом роде) нацией во всем мире. Выдвигать какую-либо одну нацию как выдающуюся в мире — это расизм, который заслуживает лишь осуждения и порицания.

Поэтому мы не признаем за русским народом ни одного из «высших качеств», какие давали бы русскому народу право ставить себя как теоретически, так и практически в привилегированное положение по отношению к другим, не русским народам («старший брат», «великий», «самая выдающаяся нация» и т. д.). Мы также никогда не согласимся с «теорией» о «руководящей роли» русских относительно нерусских народов, роли, которую, якобы благодаря своим «высоким» качествам, должен играть русский народ на протяжении истории и играет сегодня в Советском Союзе, о чем так много говорят сегодня большевистские империалисты. Эти «теории» придумали сегодня сталинские вельможи для оправдания своего империализма, для одурманивания, обволакивания расистским дурманом русского народа.

Мы, украинцы, не можем согласиться с этими «теориями» еще и потому, что они создаются часто за счет присвоения самых светлых страниц нашей истории (целый период Киевской Руси и Галицко-Волынского Княжества) и культуры (напр., «Русская Правда», «Слово о полку Игореве»), путем сознательного приуменьшения наших собственных достижений (все, что мы имеем, достигнуто с «помощью» русского народа) и ужасающей фальсификации исторической правды (напр., Переяславский договор, Мазепа, Освободительная борьба 1971-20 гг., и т. п.), потому что цель этого — привить украинскому народу чувство неполноценности и русифицировать его. Мы выступаем против расистской пропаганды особенности русского народа, потому что она ведет к разжиганию русского шовинизма в массах и тем самым создает трудности для настоящего сотрудничества между украинским и русским народами, потому что она облегчает большевистским империалистам использование русских трудящихся масс в своих антинародных целях.

Как уже говорилось, ОУН борется не против русского народа, а против русских империалистов, против всех тех, кто угнетает Украину или помогает угнетать ее.

Носителем русского империализма сегодня является большевистская партия — ВКП(б), которая сегодня уже фактически оформилась в отдельный эксплуататорский класс большевистских вельмож. Этот новый класс эксплуататоров возглавляет сталинская клика. Естественно, часть членов ВКП(б) не стоит на империалистических позициях, но это не меняет империалистического характера этого класса в целом. Дворянская среда также дала целый ряд борцов против царского самодержавия (напр., декабристы, Герцен и др.), но эти единицы не изменили эксплуататорской сути своего класса. Класс большевистских вельмож — это чисто империалистический класс, который угнетает миллионы нерусских народов, который в результате победы над своим конкурентом — гитлеровской Германией — захватил страны Центральной и Юго-Восточной Европы, а сейчас готовится к захвату всего мира. С социализмом и коммунизмом он не имеет ничего общего. Он использует их как прикрытие для своего империалистического разбоя и как средство для засылки своих агентов во все страны мира.

Большевистские империалисты — это прямые наследники и продолжатели кровавого дела царских империалистов. Потому мы боремся не только против кремлевской верхушки, против самой сталинской клики, а против класса большевистских вельмож в целом, как класса империалистического, класса эксплуататорского.

Точно так же то обстоятельство, что в состав класса большевистских вельмож входят также украинцы, белорусы, грузины и др., нисколько не меняет его русско-империалистического характера. Одна часть тех «инородцев», членов класса сталинских вельмож — ворошиловы, коротченки — целиком денационализируется, русифицируется и входит в его ряды, вместе с русскими, так как когда-то входили кочубеи в русское дворянство, и вишневецкие — в польскую шляхту. Вторая часть — гречухи, тычины, — хотя и не ассимилируется, входит в большевистский класс в результате прислужничества, как и всякие большие и маленькие кисели и барабаши. И одни, и другие служат с присущей ренегатам преданностью. И против одних, и против других мы активно боремся.

Что касается русского народа, то большевистский класс использует его социально так, как эксплуатировали его когда-то помещики и капиталисты. Класс большевистских вельмож поставил русские трудящиеся массы в положение современных рабов, придавленных тяжелым гнетом сталинского деспотизма и эксплуатации. Он лишил его каких-либо политических и гражданских прав. Русский народ не принимает никакого участия в руководстве государством, а о демократии может только лишь мечтать.

Но грубой ошибкой было бы думать, что это обстоятельство причисляет русский народ в целом к классу большевистских эксплуататоров или к русскому империализму вообще. Так, возможно, должно было быть, возможно, что кому-то хотелось бы, чтобы так было, но это далеко не так. Класс большевистских вельмож тесно привязывает к себе значительную часть русского народа, исполняющего функции империалистических приказчиков и жандармов (в армии, МВД и МГБ, в администрации, хозяйстве, а также в культурно-образовательной деятельности и профсоюзе), разделяя с ней плоды своего империалистического грабежа. Он так же

обманывает несознательные русские народные массы (и не безуспешно) одурманивающей пропагандой расизма, деморализует шовинизмом и этим заставляет служить себе.

И это удается ему потому, что он одновременно беспощадно уничтожает всех, кто смог бы и кто имел бы смелость раскрыть глаза массам и показать им, что представляет собой вся эта пропаганда об «особенности и руководящей роли» русского народа и какова ее цель.

На примере немецкого народа мы воочию убеждаемся, какое опустошающее и тлетворное влияние оказывает эта империалистическая пропаганда на массы. Немецкие массы, одурманенные расизмом, восхищенные привлекательными империалистическими планами о господстве над другими народами, к тому же подтвержденными вначале большими военными успехами, пошли за Гитлером и его бандитской шайкой. Аналогичное явление происходит и с русским народом. И если бы так случилось, что русский народ в целом дал бы себя одурманить сегодняшним шовинизмом и целиком поддержал бы сегодняшнюю большевистско-шовинистическую политику, то в таком случае его ожидала бы такая же судьба, как у немецкого народа за его поддержку Гитлера.

Таким образом, не отождествляя русский народ с русским империализмом, мы не должны упускать из внимания тот факт, что класс большевистских вельмож выступает против нас широким фронтом. В этом фронте оказались, кроме большевистских вельмож, также сотни жандармов и приказчиков большевистских империалистов, преобладающее большинство которых составляют русские, и значительная часть русских народных масс, одурманенная большевистской шовинистической пропагандой. Не учитывать этого, значит строить иллюзии, которые привели бы нас к недооценке сил противника, с которым необходимо бороться. Кроме того, нельзя забывать, что корни империализма очень глубоки, что они не только глубоко сидят в империалистическом классе, но и проникают в народную гущу. Необходимо помнить, что русский народ веками привыкал и сейчас привыкает к угнетению других народов, что его деморализовали, а сегодня деморализует, как никогда ранее, империалистическая клика. И все это,

собственно, и создает благоприятную почву для распространения идей империализма в массах и их укоренению.

Нельзя легкомысленно относиться к тому факту (потому что он способствовал империализму), что русский народ не жил еще на протяжении своей истории свободной жизнью, что он не ощущал вкуса свободы человека и общественных прав, что Россия, как писал Герцен, «равно не имеет пристрастия к равенству, ни емкости в свободе. Это так и ведет от аракчеевского императорства к императорству пугачевскому» (А. И. Герцен «Избранные философские сочинения». Огиз, соцэкгиз. 1940 г)

Мы можем прибавить, что это, собственно, привело и к сталинскому императорству. Борьба русского народа против самодержавия, помещиков и капиталистов за социальное освобождение, его революционный порыв в 1917 году не закончился освобождением, он не порвал пут деспотизма, социального гнета и рабства. Из-под гнета помещиков и капиталистов он попал под гнет большевистских паразитов. Вместо царя и императора он получил сегодня генералиссимуса-императора. Если бы русский народ не жил веками в деспотизме, если бы у него были хоть сколько-нибудь выраженные демократические традиции государственной жизни, он бы не попал так легко в зависимость от своего империалистического класса, он бы не позволил ему так запрячь себя в империалистическую упряжку. И об этом нам необходимо помнить, потому что это и сегодня еще позволяет большевистским империалистам легко использовать русские массы для своих империалистических планов.

Влияние империализма и шовинизма так сильно, что от него часто не могут освободиться даже передовые личности. Например, Белинский, который ненавидел царизм всей душой, до конца своей жизни не изменил своего враждебного отношения к украинскому языку и литературе и самым позорным образом напал на Гребинку и Шевченка за то, что они писали на украинском языке. А что в таком случае говорить о людях несознательных, деморализованных империализмом? Насколько труднее перебороть влияние империализма на них? А влияние это сказывается в самых разнообразных проявлениях, оно проникает во все области жизни народа и индивидуумов.

Империалистом или его лакеем становится тот русский, который выступает против перестройки СССР и образования независимых государств всех народов, который отказывает украинскому народу в праве на создание самостоятельного государства, который против отделения Украины от России, который выступает против революционно-освободительной борьбы украинского народа: стреляет в украинских революционеров, называет их бандитами, издевается над украинским населением, терроризирует его, пытается за участие в освободительной борьбе. Империалистом или его лакеем становится каждый русский, который утверждает и поддерживает большевистскую колониально-эксплуаторскую политику на Украине, который грабит богатства Украины, который использует труд украинского народа, который едет на Украину, чтобы колонизировать ее, чтобы занять за счет украинцев лучшие должности, который ведет себя на Украине по-колониаторски, как «старший брат», который относится к украинскому народу, как к завоеванному и поверженному. Империалистом или его лакеем становится тот русский, который потворствует русификаторской политике на Украине, который соглашается с сегодняшним российско-шовинистическим курсом большевистской политики, кто разделяет взгляды о неполноценности украинского народа и стремится чувство неполноценности прививать украинским народным массам. И против таких людей мы, действительно, должны бороться, поскольку они являются русскими империалистами или состоят у них в услужении.

Об укоренении империализма нам необходимо помнить не только сегодня, когда мы боремся за уничтожение русского империализма, но и тогда, когда этот империализм будет уничтожен. Потому что и тогда еще долго будет угрожать опасность возврата империализма к русскому народу.

Об этом необходимо помнить не только украинскому народу и всем другим поработленным народам СССР, но также и русскому народу. Он должен осознать, что русский империализм является причиной и его тяжелого положения на протяжении всей его истории. Собственно, русский империализм был и является причиной тяжелой нужды и

отсталости русских трудящихся масс, потому, что он направлял и направляет всю народную энергию, труд, материальные богатства на захватнические войны эксплуататорского класса, а не на полное развитие материальной и духовной жизни народа. Это ведь русские империалисты гнали и гонят русские народные массы в многочисленные захватнические походы, на угнетение других народов, позорили и позорят имя русского народа. Пока русский народ не уничтожит своих империалистов и не освободится от империалистических влияний, он никогда не будет жить как свободный народ, он всегда будет обречен на рабское существование среди ужаснейшей эксплуатации, насилия и бесправия, он останется единственным народом во всем мире, который не жил хоть мало-мальски демократической жизнью.

Столетие тому назад (1851 г.), когда Россия жила в таком же деспотизме, как и сегодня, только под другими деспотами и в других формах, великий патриот русского народа Герцен писал: «Если Россия может мириться с существующим положением вещей, то у нее не будет будущего, на которое мы надеемся. Если она будет дальше шагать по петербургскому пути или если вернется к московским традициям, тогда она не будет иметь иного назначения, чем накидываться на Европу, как полуварварская орда, разрушать чужие страны и, наконец, погибнуть среди общего опустошения» (А. И. Герцен, «Избранные философские сочинения». Огиз, 1940 г.)

Насколько же актуальны эти глубокие слова Герцена сегодня. Его опасения ныне так близки к осуществлению. Большевицкие империалисты ведут русский народ далее по империалистическому пути, вернув его одновременно к московским традициям. Этим самым они еще уверенней ведут его к положению, предвиденному Герценом. Сталин готовит русскому народу еще худшую судьбу, чем приготовил немецкому народу Гитлер. И это должны осознать все русские патриоты, весь русский народ.

Июнь 1949 год.

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

Марк Дейч

ВАРФОЛОМЕЙ ЗАЙЦЕВ ЧИТАЕТ «ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ»

(Самиздат)

В названии присутствует, конечно, некоторая условность: не мог Варфоломей Зайцев читать «Литературку» — не было тогда этой газеты. Подобные, правда, имелись, и немало (о них-то он и писал), а вот с «Литературкой» не повезло ему: не сподобился жить в одно с нею время. Зато для нее это как раз очень большое везение. Легко можно представить, как много пищи перу Варфоломея Зайцева дала бы «Литературная газета». А с другой стороны — и то правда, что вряд ли уцелело бы его перо, да и он сам, под благодатной сенью социалистического реализма.

На 70-е годы прошлого века пришелся расцвет творчества Варфоломея Зайцева. Был он известнейшим в России журналистом, его статьи и памфлеты впитало в себя поразительное поколение разночинной интеллигенции. Умер он, как подобало тогда талантливым людям, рано, 39 лет от роду. Со старинной фотографии смотрит он на меня сквозь пенсне; глаза у него умные и колючие, а более всего в них — боли. Она присутствует в каждой его статье, хотя ее трудно бывает распознать за резким, издевательским тоном. Понимал он Россию отменно; понимание и причиняло ему боль своей безнадежностью. Это понимание — и эта боль, — тоненькой ниточкой начинаясь от крещения россиян, загнан-

ных конями Владимировой дружины в днепровские воды, проходит через сердце Варфоломея Зайцева и тянется в наши дни.

...В конце 60-х годов началось у нас повальное увлечение книгой маркиза де Кюстина «Никопаевская Россия».¹ Путевые заметки французского аристократа о России 1839 года припись в наши дни как непызя более кстати: в стране, где критика является удепом власть имущих, а значит — не способной на то, к чему она изначально призвана, неизбежны поиски анапогий в сатире и публицистике прошлого, попытки — и весьма успешные — возместить отсутствие советской критической питературы произведениями, к примеру, Салтыкова-Щедрина, осовремененными нашим прочтением.

Надо сказать, что эти самые «власть имущие» прекрасно отдают себе отчет в возможности такого прочтения, и потому тот же Щедрин издается у нас как бы нехотя, а уж маркиз де Кюстин не издается вовсе. В последний раз книга его вышла у нас в 1922 году, а в результате бума вокруг нее в последние годы ее и в библиотеках стапи выдавать тоько по специальному разрешению. Ну а где такие разрешения получают — всем известно: языком прошлого века выражаясь, в III отдепени их получают.

Впечатнения маркиза де Кюстина о России попуторастопетней давности точно пожатся на Россию сегодняшнего, «советского» дня. Ощущению современности его записок не мешает даже некоторая старомодность его языка. Напротив, она как-то особенно пикантно оттеняет картину нашей российской действительности. А действительность эта, как выясняется, за исключением некоторых мепочей, практически неизменна, хотя и зовется теперь не «царизмом», а «развитым социапизмом».

Словом, впечатления от книги маркиза де Кюстина были очень сильными. Известный поэт и переводчик Ю. А. даже написал великопепное эссе, в котором — без особого,

---

1. «La Russie en 1839», 4 тт., Париж, 1943; отрывки переведены в «Рус. Старине», 1890-91; неполн. перевод — «Николаевская эпоха. Воспоминания франц. путешественника Маркиза де Кюстина», М., 1910, переиздан под названием «Записки о России», Нью-Йорк, 1982.

впрочем, труда — соотнес с нашей реальностью выражения де Кюстина типа: «В России жертвы произвола могил не имеют» или «Тиранам нравится, когда вокруг улыбаются»...

Дальше — больше. В среде московских интеллектуалов появилась даже своеобразная игра: поиски в литературе прошлого о России аналогий с сегодняшним днем. В ход пошли письма первого русского политического эмигранта князя Курбского, записки английского дипломата Джайлса Флетчера,² сербского реформатора православия³ Юрия Крижанича, думного дьяка Григория Котошихина. И чем больше аналогий мы находили (а их действительно немало), тем радостнее становилось у нас на душе. Впрочем, ликование это вполне безопасное. В самом деле: писали-то ведь не мы. А тем, кто писал, — так тем и подавно 190-я «прим» Уголовного кодекса уже не страшна.

В этих поисках аналогий заметил я одну любопытную деталь. Почему-то поиски наши в значительной мере избирательны. Вот, скажем, Щедрин: и отыскивать его произведения особого труда не составляет, и время отделяет его от нас не слишком большое. Мысли же Щедрина о России настолько точны, что, если бы не поразительный его литературный талант, их можно было бы посчитать вышедшими из-под пера современного инакомыслящего. Ну вот хотя бы: «Иностранцу хорошо, он и у себя дома — иностранец». Разве не сегодня и не про нас это сказано?

Но почему-то Щедрин нам не по нраву. Ну, не то что совсем не по нраву, а только ссылаться на него мы не слишком любим. Предпочитаем более далеких и значительно менее русских Флетчера с де Кюстином. С чего бы это?

На мой взгляд, дело в том, что государство наше не может не внушать чувство почтительного страха, пусть даже замешанного на изрядной доле неприятия. И действительно: огромное... мощное... шестая часть суши... «Славное море, священный Байкал»... «От Москвы до самых до окраин»...

---

2 «They make no account of the life of a man» («Of the Russe Commonwealth by Giles Fletcher 1591», ed Richard Pipes and John V.A. Fine Jr., Cambridge, Mass., 1966, p. 116).

3. Точнее: «хорватского католического священника».

Флетчеру-то хорошо было писать: «Жизнь человека считается здесь ни по чем»; это он сегодня — здесь. А завтра — там, у себя. А мы-то ведь всегда здесь! Вот и приходится искать утешения в том, что «броня крепка, и танки наши быстры». И вправду — быстры! И государство — огромное, страшное (недаром же все боятся), этаким Левиафан: если вдуматься, прямо оторопь берет.

Эту оторопь Флетчер с де Кюстином прекрасно в нас подогревают. Они «ненавидят, потому что боятся». Но их-то страх недолгий, до границы. А у нас он — постоянный, врожденный. Он стал нашим вторым «я». Испытывая панический ужас перед этим драконом, мы — от безысходности — начинаем гордиться его величием. Ну, там, балет... Спутник. Хоккей опять же. Колбасу вчера в магазине давали... И уже не драконом государство нам кажется, а милым, домашним дракошей, с которым ни один чужой дракон нипочем...

Вот потому-то и неуютно нам со Щедриным. Страх в нем не было ни малейшего, и на наши потуги — возместить избыток ужаса гордостью — взирал он с брезгливой усмешкой. Ну и мы к нему... соответственно: с подозрением да с опаской. Да разве ж это можно, чтоб — не бояться? Нет, не наш он. Не советский... Декабристы, вон, — и те: перед царем-батюшкой во фронт и как на духу. Или — покаянное письмо в газету «Известия». А вот Щедрина трудно представить себе автором такого покаяния.

Не стал бы каяться и Варфоломей Зайцев. Хотя ему-то как раз было в чем — и по тем временам, и по нынешним. Вот, скажем, пишет он в статье «Наш и их патриотизм»:

«... когда все живое убито, когда всем, кому есть что сказать обществу, надеты намордники, когда человеку мыслящему в России осталось только два выхода, два пути — на восток, в Сибирь, и на запад, в эмиграцию, когда смолкли голоса правды, чести, разума, — что видим мы торжествующим, ликующим и тон задающим на нашей общественной сцене?

Славянофильство!»⁴

---

4. «Прометей», Историко-биографич альманах серии «Жизнь замечательных людей», М., 1966, т. 1:295.

Не современно ли?! Настолько, что альманах «Прометей», представляя нам в 1966 году забытого Варфоломея Зайцева, счел необходимым извиниться перед современным читателем: дескать, «эта статья сегодня может показаться спорной по той бескомпромиссности, с которой Зайцев перечеркивает русское славянофильство...»⁵

Извинения редакции альманаха вполне понятны: славянофильство — давнишнее прибежище наших «патриотов». Дело это вполне безопасное, а порою и выгодное: можно даже какой-нибудь орден Дружбы народов отхватить. А уж в литературе нашей да в искусстве славянофильство всегда считалось хорошим тоном. Кое-кто, конечно, отворачивается и плюется, но ни прошлых, ни нынешних славянофилов это никогда не смущало. Ведь кто плюется-то? кто отворачивается? Да все те же отщепенцы и космополиты безродные. А с ними и разговаривать-то нечего, с ними в другом месте поговорят.

Правда, славянофилы наших дней открыто так себя называть не рискуют. Понять могут неправильно, а это им с ихними высокими званиями прогрессистов да интернационалистов неудобно как-то. Вот, скажем, художник наш знаменитый, Илья Глазунов. Так у него в студии цвет нашей молодежи собирается, а называют себя — «иноками». Не знаю, какие уж они проблемы современного искусства обсуждают, а вот по части их отношения к инородцам наслышан: любого славянофила прошлого века за пояс заткнут. А что же наставник их, Глазунов? А ничего, благоденствует. У начальства нашего и у дипломатов западных большим спросом пользуется.

Оставим, однако, славянофилов. Обнаружил я у Варфоломея Зайцева памфлет, который называется «Неистовый холуй, или Манифест лакеизма», с подзаголовком «Попурри из российских публицистов»⁶. Посвятил его Зайцев нашей отечественной журналистике. Этот памфлет, написанный более ста лет назад, поразил меня своей современностью. Проработал я в советской журналистике немало лет, нравы е

---

5. Ст. Ф. Кузнецова «Варфоломей Зайцев в „Общем деле“», там же, с. 293.

6. «Прометей»..., сс. 297-301.

знаю неплохо, однако лучше, чем Зайцев, сказать о ней трудно. «Неистовый холуй» мог появиться после знакомства Зайцева с любой советской газетой или журналом. Но я уверен, что нашу замечательную «Литературку» публицист своим вниманием обойти никак не мог. Ну действительно: огромный тираж (2,5 миллиона экземпляров), причем практически весь — по подписке; подписаться же на нее почти невозможно, а в свободную продажу «Литературка» не поступает; пользуется она большим вниманием, считается рупором «нашей советской интеллигенции»; да и в западной прессе на нее ссылаются чуть ли не ежедневно. Популярность ее вполне объяснима: из всей массы совершенно одинаковых советских газет, различающихся только названиями, «Литературка» дает хоть какую-то пищу обездоленному уму советского человека...

Словом, невозможно было Варфоломею Зайцеву миновать «Литературную газету». Конечно, кое-что из прочитанного в ней наверняка повергло бы Зайцева в состояние крайнего изумления — такого оскудения духа он даже представить себе не мог. Да оно и понятно: жил-то он больше ста лет назад, а с тех пор у нас много воды утекло — то с грязью, а то и с кровью... Ну, что для Варфоломея Зайцева непонятно было, взялся я публицисту нашему знаменитому разъяснить: социалистические реалии всевозможные, свободы там разные — и слова, и прочего всего — ему ведь мечтой отдаленной представлялись, как бы в дымке хрустально-голубой; самому-то ему, слава Богу, их вкусить не довелось. Но по большей части разъяснения мои свелись к тому, что представлял я Зайцеву некоторых авторов «Литературки», с которыми мне в свое время работать пришлось. Ну представил — и только. А памфлет свой — это уж он сам, после того, как полистал «Литературку» за последние годы.

Итак:

«Неистовый холуй, или Манифест лекеизма» Варфоломея Зайцева — «Литературная газета» эпохи социалистического реализма.

— Да, положи руку на сердце и взяв православного бога в свидетели, мы громко и торжественно объявляем: мы холуи и

гордился этим! Холуй — это тип православных и императорских добродетелей — смиренномудрия, терпения и любви. Эти три слова в нашем девизе заменяют свободу, равенство и братство.

Смиренномудрие! Мы пи не мудры! «Прикажи начальство, — говорил наш поэт Кукольник, — я завтра же сделаюсь акушером». ...Начальство приказывает — мы душим венгров и поляков; начальство приказывает — мы освобождаем болгар и карапахов.

Прикажут либеральничать — либеральничаем, прославляем английские порядки...⁷

Это как бы общее впечатление Варфоломея Зайцева от знакомства с «Литературкой». И прежде всего, как мне кажется, — от материалов ее иностранного отдела, самого большого отдела газеты.

И сотрудников в нем около полусотни, и три полосы в каждом номере ему предоставляется, и даже свой «спецхран»: несколько просторных кабинетов, барьерчиком от всей прочей редакции отделенных; а в кабинетах тех — газеты и журналы стран, нам не всегда дружественных. За барьерчик этот даже сотрудники иностранного отдела не все допускаются, а только избранные, кто удостоился на это специальный пропуск получить. А уж «допущенные» должны доверие оправдать. И оправдывают.

Вообще-то внешняя политика государства нашего — дело темное. А то и опасное. Поэтому на советских журналистов-международников я всегда смотрю снизу вверх. Ну действительно: информацию ведь они в достаточно полном объеме получают, ежедневно «белый ТАСС» читают (сообщения телеграфного агентства с грифом «только для служебного пользования»); регулярно зарубежную прессу просматривают, которую мы — даже если бы какой-то иностранный язык знали — никогда не увидим; а кроме того — нет-нет, да и за самый что ни на есть рубеж сматаются.

И, будучи людьми информированными, — как же они приобщают к этой информации нас, простых советских читателей? Да как начальство приказывает, так и приобщают. Приказало начальство болгар освободить — так мы до сих

---

7 «Прометей», с 297.

пор их освобождаем. Приказапо душить венгров — пожапуйста: при царе Никитке сделали это не хуже, чем при Николашке; да и то правда — у Николашки-то, поди, танков не было... А уж поляки нас спокон веку донимают, никакого от них спасу. Вот и приходится... Правда, в наше советское время называется это уже по-другому: не «душить», а «выполнять свой интернациональный долг по отношению к братскому (немецкому, венгерскому, чехословацкому, афганскому, польскому — нужное подчеркнуть) народу».

Ну и либеральничаем, конечно. Английские порядки, правда, не прославляем, нам они сейчас как-то не по нраву. Сейчас нам больше по душе хунта аргентинская. Оно и понятно: в Англии — «буржуазная демократия» и продавшиеся монополиям тред-юнионы. Зато в Аргентине — никакой тебе «Солидарности», да и во всем остальном порядок и железная дисциплина. А дисциплина, да еще железная, — дело для нас привычное, родственное. Так что хунта тамошняя нам вроде как тетка родная. Вот и пишет «Литературка» под рубрикой «Алло, Лондон»⁸ и «За кулисами событий»⁹, что, мол, Фолклендским островам под сенью английской демократии как-то горестно и даже колониально. А вот под сенью аргентинской хунты будет в самый раз.

Непонятно, правда, чего это мы так на чилийскую хунту ополчились? чем она нам не угодила? Впрочем, начальству виднее, какая хунта наша, а какая — не наша; его дело — приказывать, а «Литературке» — исполнять. Прошел тут было окольный слушок, будто Аргентина очень помогла нам с зерном после американского эмбарго. И тогда любовь «Литературки» к Аргентине впопне объяснима. Я вот заметил, что в последнее время мы и в адрес Чили не слишком ругаемся. Может, ихняя хунта нам тоже чего продавать стала?..

Или, к примеру, захват американского посольства в Иране: вот уж когда «Литературка» порадовалась! И захваченные дипломаты американские — шпионы и диверсанты¹⁰,

---

8 См. «Лит. газ.», 21. 04 и 5. 05. 82, с 9.

9. Точнее, рубрика «Сообщаем подорожности» (там же, 19. 05. 82, с. 9).

10. См. сообщения И. Беляева «Иран—США. Хроника событий» (там же, 28.11, 5 и 12. 12. 79, с 9).

и испанская революция — светлое будущее всего мусульманского мира, и аятолла Хомейни — великий вождь, и «советский народ приветствует победу исламской революции в Иране»...

Тут бы «Литературке» как «рупору советской интеллигенции» хоть капельку трезвости! Напомнить бы своим читателям, что все-таки дипломаты они, эти захваченные американцы. А уж шпионы они или нет — вопрос другой; небось, наши-то сотрудники посольств и миссий не только тем занимаются, что на дипломатических приемах коктейли дуют. К тому же практика захвата заложников самим Советским Союзом была осуждена еще на Нюрнбергском процессе. А ну как пригласятся кому-нибудь советские дипломаты в качестве заложников — что тогда? Да и вообще — не противоречит ли основополагающим установкам Маркса и Ленина смысл самого этого сочетания: «исламская революция»?

Вот обо всем этом «Литературке» и порассуждать бы! Ан нет: начальство распорядилось по-другому. А события в мире с мнением нашего начальства не слишком считаются. Помощь нашу, «братскую», аятолла Хомейни с порога завернул, лихо объединив советский коммунизм с американским империализмом. А потом и иранскую компартию разогнал, как явный балласт в деле проведения «исламской революции». И «Литературка» о событиях в Иране почти ничего теперь не пишет. А если и коснется чего, там происходящего, так у читателя лишь недоумение возникает: и революция нынче в Иране — вроде как и не революция вовсе, а скорее всего даже и не исламская...

Или вот страницы «Литературной газеты», посвященные Олимпийским играм в Москве. Начальство-то наше пыталось тогда хоть что-нибудь американскому бойкоту противопоставить. И додумалось: пригласило в качестве почетного гостя Олимпиады... Ясира Арафата.

Вот тут бы «Литературке» и напомнить кое-что своим читателям, да заодно сказать несколько слов и «высокому гостю». Вежливо, конечно. Дескать, после Олимпийских игр в Мюнхене, когда террористы ООП убили израильских спортсменов-олимпийцев, как-то не с руки вам, уважаемый товарищ Арафат, быть гостем Московской Олимпиады. В

оставшееся-то время мы к вам с дорогой душой — и оружие дадим, и еще чего, если понадобится. А только на время Олимпиады лучше бы вам от приглашения нашего, не слишком умным чеповеком поспанного, отказаться...

Ничего подобного, конечно, на страницах «Литературки» не появилось. А появилось там большая фотография Ясира Арафата, «почетного гостя Олимпийских игр в Москве».

Но, повторяю, международная попитика государства нашего — дело темное, потому как информация о ней у нас либо односторонняя, либо вообще никакой. Так что оставим полосы иностранного отдела специапистам и вместе с Варфоломеем Зайцевым перепишем другие страницы «Литературной газеты».

«...Но эта мудрость густо подернута смирением. Это смирение составляет как бы наш нравственный хвост, всегда готовый поджаться при первом признаке негодности... Начнет, например, наш публицист речь о том, что ввиду, дескать, общественных жертв на войну и появляющихся признаков необъяснимого исчезновения этих жертв следовало бы обществу присвоить контроль над правительственными пирами; в эту секунду хвост поджимается, и публицист неожиданно заключает объяснением, что контроль должен состоять в добротном писании доносов по начальству...»¹¹

Ну, войны у нас, слава Богу, сейчас нету. А то, что в Афганистане происходит — вроде как и не война вовсе. Правда, на старинном Введенском кладбище, которое неподалеку от моего дома находится, за последнее время появилось множество одинаковых остроконечных надгробий с красными звездами. Лежат под ними моподые советские парни, погибшие в Афганистане непонятно за что. Зато, наверное, с сознанием исполненного «интернационального долга». При этом «Вставай, страна огромная!..» никто не поет, поскольку Афганистан этот самый от нас далеко и что там происходит — никто не знает. Кроме тех, конечно, кому знать положено.

---

11. «Прометей», с. 297

Так что войны нет. Время мирное. Правда, некий лектор «по распространению» всяческих знаний, рассказывая сотрудникам «Моспроекта» о нынешнем международном положении, утверждал: в ближайшие несколько лет война обязательно будет; мы, дескать, с этим непременно боремся, но бронепоезду нашему ржаветь негоже...

И все-таки бронепоезд наш пока что лишь обильно смазывается и переоснащается. Поэтому нет и видимых общественных жертв на войну, о которых пишет Варфоломей Зайцев. Нет поэтому и контроля над правительственными лицами. Впрочем, такого контроля у нас никогда и не было. Зато доброхотных доносов — сколько угодно! И никакого повода к ним, вроде войны, не нужно. А чтоб не забыли мы, что такие доносы — наша святая гражданская обязанность, напоминает нам об этом «Литературная газета», славный рупор советской интеллигенции! Напоминает очерком Анатолия Рубинова, асса отечественной журналистики.

Анатолий Захарович Рубинов заведует в «Литературной газете» отделом социально-бытовых проблем. Работал под его началом и я. Работал, правда, недолго, но вполне достаточно, чтобы понять и специфику отдела, и особенности его руководителя.

Одно время отдел публиковал результаты исследований крупных советских социологов — Кона, Переведенцева, Шляпентоха. Конечно, материалы эти никаких «чуждых» нам сенсаций не содержали: ни общей статистики правонарушений, ни исследований социальных групп в зависимости от их материального достатка, ни размышлений над результатами опроса общественного мнения (таких опросов у нас вообще не проводится: то пи мнений нет, то пи потому, что если оно и есть, то только одно — двух мнений, не говоря уже о трех и более, у нас быть не может). И все-таки любопытные статьи хоть изредка, да попадались. Иногда в них можно было найти даже кое-какую статистику: скажем, число разводов молодых супружеских пар. А среди главных причин — нищенский бюджет и невозможность получить жилье. Дальнейшие выводы, естественно, не делались, но и этого оказалось достаточно: социологов «Литературка» больше не печатает. Похоже, социология опять перешла у нас в разряд «буржуазных лженаук».

Чем же занимается теперь отдел социально-бытовых проблем? Нет, без работы он не остался, важных дел хватает и без социологов. К примеру, во что должны быть расфасованы продукты, которые мы покупаем в продовольственных магазинах, — в бумажные пакеты или в полиэтиленовые? И должны ли мы платить лишний пятак за полиэтиленовые, если мы предпочитаем как раз бумажные, которых почему-то нет?

Разве же не животрепещущая проблема? Да еще при нашем широчайшем продовольственном ассортименте? Вот и посвящает ей «Литературка» три огромных материала в трех номерах газеты.

Или — о не совсем еще хорошей работе нашей почты. Имеют место досадные случайности. Но в основном-то почта наша функционирует замечательно. Так замечательно, что автор статьи, ссылаясь на собственный опыт, торжественно уверяет: «письма приходят все». Тут с автором статьи можно было бы и поспорить, но я почему-то думаю, что ни аргументы Варфоломея Зайцева, ни тем более мои на редакцию впечатления не произведут.

А то еще — об уличных телефонах-автоматах, московских такси, бутылках из-под пива и молока... Словом, забот у отдела социально-бытовых проблем пока хватает. И в гущу этих проблем — Анатолий Захарович Рубинов.

Газетчик он давний и тертый. Раньше работал в «Вечерней Москве»; в «Литературную газету» перешел по протекции Виталия Александровича Сырокомского — первого зама главного редактора «Литературки» (о нем речь впереди). Журналист Рубинов цепкий, хватка у него мертвая, и тему он видит прекрасно. Но, конечно, до обобщений никогда не поднимается. Никогда даже не пытался он хоть краешком задеть: *почему?* Почему не работают телефоны-автоматы, хамят водители такси, неделями не доставляются письма? Не задается этим вопросом Анатолий Захарович не потому, что сам не знает или не понимает — почему? Как раз он-то знает и понимает все прекрасно. Потому-то и обходит его стороной, этот слишком уж опасный вопрос. А так — должность прекрасная, зарплата — еще лучше, да комфортабельный отдых в заветном Переделкине.

Так что Анатолий Захарович — человек неглупый. Даже

очень неглупый. А умному человеку, да еще неплохому журналисту, работать в советской прессе сложно. Приходится ему с начальством в этакую игру постоянно играть: дескать, умный-то я умный и все, конечно, понимаю и вижу, но вы уж на меня за это не гневайтесь, вины моей в этом нет, от природы это...

И действительно: судя по статьям Анатолия Захаровича, винить его в этом нужды нет. Да и в личном общении с начальством он заискивающе подобострастен (по выражению Щедрина — «не просто трепетал, а *любил* трепетать») — видимо, из-за непрерывного опасения, как бы не посчитали его чужим: у нас ведь умным может быть только начальство.

Опасение это для Рубинова — как бы некий стимул, заставляющий его, в общем-то неплохого журналиста, стыдливо умолкать на полуслове, лишь бы только не переступить ту зыбкую черту, за которой от «отдельных недостатков» уже нельзя не перейти к обобщениям. На этой грани и балансирует Анатолий Захарович. Перед читателями «Литературной газеты» он — либерал и даже ниспровергатель, осмеливающийся критиковать отсутствие тары для пустых бутылок. А для начальства — верноподданный «пролетарий умственного труда», каждой своей статьей уверяющий власть имущих в том, что критика его безобидна и основ не затрагивает. А иногда кажется Рубинову, что и таких заверений недостаточно; тогда-то и появляется из-под его пера призыв к «доброхотному писанию доносов по начальству».

Очерк Анатолия Захаровича «Брильянтовые руки» с подзаголовком «О людях, живущих не по средствам»¹² более всего подошел бы для другого отдела «Литературки», отдела коммунистического воспитания, занимающегося юридической проблематикой. Но Анатолию Захаровичу тесно среди социально-бытовых проблем. Оно и понятно: социология нынче у начальства не в почете, а быт у нас такой, что от него и свихнуться недолго. Вот и отдыхает душой Анатолий Захарович на темах выигрышных, «читабельных».

---

12. «Лит. газ.», 1. 07. 81, N27:13.

Расчет у Рубинова верный: узнать о том, кто на какие средства живет, — всегда интересно. У одного из персонажей очерка изъяны доблестные сотрудники ОБХСС драгоценностей на 1 200 000 рублей; у другого — на 70 000; третьему во время его наездов в столицу круглосуточно приспуживаю «личное» такси... Анатолий Захарович не скупится на подробности. С болезненной, завистливой дотошностью копается он в конфискованном имуществе осужденных: стопыко-то костюмов, стопыко-то пар обуви, стопыко-то золотых часов... Ну, вот сейчас, — думаешь, — вот сейчас журналист Рубинов хотя бы попытается объяснить читателю, откуда взялись стремления и возможности к такому обогащению, где и как сбояпа эта система, по которой еще совсем недавно все было отнято, национализировано и рапределено по труду...

Но нет. Ничего подобного в статье «Брипянтовые руки» не найти. Лишний раз проиллюстрировапа она явление, подмеченное еще Михаилом Зощенко: «У нас некоторые хорошо получают. Некоторые по займам выигрывают. Некоторые вообще пес их знает, откуда берут деньги»¹³. Список этих самых «пес их знает откуда» берущих деньги и пополняет Анатолий Захарович.

Однако список такой ничего нового читателю «Литературки» не прибавит. И поэтому в нескольких последних абзацах — ради них-то и написан весь очерк — советский журналист Анатолий Рубинов «для затравки дискуссии» предлагает простую, хорошо проверенную на давнем и недавнем нашем опыте идею. Дескать, оно конечно — работники ОБХСС депо свое знают отменно; да топыко и мы с вами тоже не пыком шиты, кое-что мы и сами углядеть можем. Так что ежели у кого какое подозрение возникнет — ну, там, костюмчик у соседапышний завелся ипи, хуже того, продукты он иногда на рынке покупает — так вы не стесняйтесь и обращайтесь прямо в органы. Там разберутся.

Да уж... Сногшибательная идея! И ведь не на пустом же месте возникпа она у журналиста Рубинова. Стапо быть

---

13. Из его рассказа «Счастливый путь» (Мих. Зощенко. «Рассказы и повести», Л., 1959, с. 62).

почва для нее опять унавожена, что и учуяп Анатолий Захарович. Нюх у него, прожженного советского газетчика, правильный. Предвидит, правда, Анатолий Захарович, что за несколько либеральных пет могли появиться кое у кого чуждые нам возражения относительно такой идеи. И поэтому предупреждает: «Ничего оскорбляющего мораль и закон в такой постановке вопроса нет».

Что да, то да. Оскорбить нашу мораль трудно. Она у нас ко всему привычная. Да и закон никогда особой церемонностью не отличался. А посему опасения ваши, Анатолий Захарович, напрасны: идея вполне к месту, а уж время-то для нее давным-давно пришло. И читатель ваш — советская интеллигенция — воспримет ее правильно и с удовольствием. Не сомневайтесь.

...если бы собака писала о своем барине, то, конечно, писала бы не лапой, а хвостом, и слог этого хвоста чрезвычайно приближался бы к нашему...¹⁴

Не иначе, Варфоломей Зайцев написал это, познакомившись с литературной критикой «Литературной газеты».

Странная эта критика. Если и доведется когда найти статью в подлинном смысле слова критическую, так можно заранее, еще не читая, быть уверенным: речь в ней идет о произведении автора малоизвестного, а чаще всего неизвестного вовсе. Если же в статье «Литературной газеты» замелькает фамилия из справочника Союза писателей, и уж тем более фамилия автора маститого, лауреата Сталинских... то есть, простите, Государственных премий — ничего, кроме славословий, в ней не найти.

Вот, скажем, статья поэта Сергея Смирнова о творчестве уже покойного поэта Сергея Васильева.¹⁵ Один великий советский поэт пишет о другом великом советском поэте. И как пишет! «Молодой напор», «лирическое волнение», «неподдельность сочного народного слова», «пафос революционной героики»... Подстать и стихи Васильева, которыми Смирнов иллюстрирует свой панегирик:

---

14. «Прометей...», с. 300.

15. «К 70-летию со дня рождения Сергея Васильева. ... А песня осталась» — «Лит. газ.», 29. 07. 81, N31:6.

Приходите свататься,
я не стану прятаться,
я невеста не плоха,
выбираю жениха!

Или:

Любимая, знакомая,
зеленая, бескрайная,
земля родная — родина!
Привольное житье!

Эх, сколько мною езжено,
эх, сколько мною видено,
эх, сколько мною пройдено, —
и все вокруг мое!

В поэтическом отношении стихота, мягко говоря, сомнительные, но Сергей Смирнов — в безвыходном положении: других-то у Сергея Васильева не было. Так ведь и у автора статьи стихи не лучше...

Хорошо бы вспомнить Смирнову, от кого и как защищал Сергей Васильев «землю родную — родину!», где у него «все вокруг мое!» Был он патологическим антисемитом и взгляды свои даже не считал нужным скрывать, поскольку пользовались они весомой поддержкой в самых что ни на есть «верхах». Правда, поэма его, в которой он изложил свое кредо, — «Без кого на Руси жить хорошо» (ясное дело: на Руси хорошо жить без пархатых жидов) — поэма эта опубликована не была, однако довольно широко ходила в «Самиздате». Причем за распространение ее, как вы понимаете, никто в тюрьму не попал.

Обо всем этом не написал Смирнов ни слова. Оно и понятно: два Сергея, два поэта, два единомышленника... Так что порицать своего покойного друга за антисемитизм автор статьи не стал, добавив к спаденькому болотцу еще несколько капель лживой патоки.

Говорят: о покойном — либо хорошее, либо ничего. О Сергее Васильеве лучше бы — ничего.

Оба Сергея — и Васильев, и Смирнов — входят в довольно многочисленную когорту советских литераторов,

кого журналисты называют «Великие Писатели Земли Русской», сокращенно — ВПЗЭРы. Неумный фонтан одного ВПЗЭРа во славу другого ВПЗЭРа — явление понятное и для «Литературной газеты» заурядное. Еще более понятно стремление молодых литераторов прибиться к сей славной когорте. Быть писателем для этого совсем необязательно. Зато непереносимое условие — регулярные «литературные портреты» тех, на кого сделана ставка и кто поможет выбиться в ВПЗЭРы.

Вот, к примеру, статья Валерия Поволяева в рубрике «Штрихи к портрету». Подробнее речь о Поволяеве пойдет у нас дальше, сам-то он уже, можно сказать, почти выбился в «великие». Но при этом не забыл, кому персонально он этим обязан. Он, собственно, этого не скрывает и в статье «Судьбы и годы...» так и пишет: дескать, пригласил его как-то в редакцию журнала «Знамя» Анатолий Ананьев, дал командировку, и написал он, Поволяев, свой первый рассказ, в этом же журнале и напечатанный. И поэтому поволяевские «штрихи» к портрету Ананьева — это и не штрихи даже, а крупные мазки, на которые автор статьи не пожалел красок, а «Литературка» — места. Уж какими только благодарственно-раболепными словами не излился Поволяев, расписывая серенькие романы Анатолия Ананьева, одного из генералов советской литературы! Перечисляя заслуги своего благодетеля, забыл почему-то Поволяев упомянуть об одном любопытном факте: последние десять лет командует Анатолий Ананьев журналом «Октябрь». А место это досталось ему после околоточного присоветской литературе Всеволода Кочетова. Учитывая извечную преемственность у нас всего и вся — весьма многозначительный факт.

Написать статью о ком-то из ВПЗЭРов, используя для этого традиционный набор льстивых выражений, — дело нехитрое. А вот опубликовать ее, да еще в «Литературке», не так-то просто: подпись под такой статьей должна быть обязательно именной. Правда, самому мне довелось как-то понежиться в лучах чужой славы. В моей рецензии целых шесть раз (ей-богу, не вру, только что пересчитал) упоминался Георгий Мокеевич Марков, самый большой начальник нашей отечественной литературы. Однако не подумайте, будто посчастливилось мне опубликовать статью, пусть и

хвалебную, об одном из романов Георгия Мокеевича. Хвастать не буду: чего не было — того не было. Не замахивался я на такую статью, да и не допустили бы меня до нее. А написал я рецензию на радиопьесу по роману Маркова «Сибирь». Так что лучи марковской славы, в коих я искупался, были как бы отраженными, опосредованными. Но уж лицом в грязь я не ударил, порасстилался вдоволь. И чего только не нашел я в этой радиопьесе, а значит — и в романе! При том, что роман-то попросту плохой, и пьеса — не лучше. Да и «плохой» — это еще слишком много о романе сказано. Никакой он. А уж как я их расписал: и пьесу, и роман, и его автора! Весь джентльменский набор советского журналиста использовал! И «Сибирь в его (Маркова) сердце», и «яркие картины грандиозных преобразований... неподдельно живые и искренние», и «высокое горение», и «любовь к родному краю, к его людям»...

Прав Варфоломей Зайцев. Хвостом пишем.

... На счет терпения и говорить нечего. Это наша коренная добродетель, в которой мы за пояс заткнем всех ослов и дворняжек. Спать на ларе или на войлоке, питаться объедками, не снимать никогда сапогов, выдерживать 30-градусные морозы, стоя часы на запятках, получать затрещины, не пытаюсь даже отодвинуть физиономию, — все это нам нипочем. Мы можем выдерживать гораздо более трудные искусы, например, строчить ежедневно несколько газет под условием не касаться ни одного существенного интереса страны, прославлять и защищать с пеной у рта от воображаемых врагов все действия правительства, не получая за это не только субсидий, но даже простой рюмки водки, и еще подвергаясь беспрестанно нахлобучкам...¹⁶

Насчет терпения Варфоломей Зайцев, безусловно, прав. И насчет искуса тоже: мы ежедневно строчим теперь не просто «несколько», а несколько *сотен* газет, и при этом даже не представляем, в чем они — «существенные интересы страны».

---

16. «Прометей...», с. 300.

Кое-кто, правда, представляет. Некоторые пытаются быть честными — с собой и с читателями. Но хватает их ненадолго. Одного из них я знал: Владилен Травинский, обозреватель «Литературной газеты». Талантливый журналист, он прекрасно понимал всю тщетность своих попыток писать правду и неуклонно спивался. Умер он от кровоизлияния в мозг, ему было чуть больше сорока. Последняя его забота — озеро Байкал, на берегах которого были построены несколько промышленных предприятий, отравлявших уникальную байкальскую воду. Преодолеть цензурный заслон ему, разумеется, не удавалось, а теперь помочь Байкалу и вовсе невозможно. Поздно. Но ведь пытался же журналист Владилен Травинский пробиться к остаткам совести моих сограждан! Даже несколько материалов удалось ему напечатать, хотя и сильно изуродованных цензурой, — и о Байкале, и о хищнической вырубке сибирских лесов, и о нарушении экологического баланса из-за нерационального использования природных богатств... Конечно, ни к чему все это не привело, да и не могло привести, но ведь *пытался* же!

Пусть хоть эти несколько моих строк будут ему запоздалой эпитафией.

Однако подавляющее большинство представителей нашей газетной братии — той не слишком большой ее части, которая трезво отдает себе отчет в происходящем, — прекрасно ладят со своей совестью. Ну и награда за это соответственная. Так что тут Варфоломей Зайцев поотстал от социалистической действительности. И рюмка водки, и более чем прекрасная зарплата, и высокие гонорары, и лучшие путевки, и... Да мало ли еще какими льготами может пользоваться преуспевающий советский журналист! Во времена Зайцева хоть выбор был: не позволяла совесть питаться жирными объедками правительственного официоза — примыкай к свободной, независимой прессе, в которой, кстати, несмотря на все притеснения цензуры, печатался и сам Зайцев. А сейчас выбора нет. Правда, и объедки теперь такие, что даже Зайцев вряд ли стал бы над ними насмехаться. Одни поездки за границу чего стоят. Впрочем, заграничный вояж Зайцев по достоинству оценить тоже не смог бы: в его время с этим делом было как-то проще. Тургенев прожил в

Швейцарии и Франции более 25 лет, и все свои лучшие *русские* произведения написал в Париже — видите ли, там ему почему-то лучше писалось. Да и сам Зайцев уехал в Швейцарию с русским паспортом, политического убежища не просил, и никто русского гражданства его не лишал.

Так что какие-то сегодняшние наши ценности были бы Зайцеву просто непонятны: с чего это мы так дорожим ими? А с другой стороны, и нахлобучки, о которых пишет Варфоломей Зайцев, в наши дни стали существенно иными. В мрачные времена царизма отщепенца — как бы назвали его теперь — Щедрина никто не снимал с поста вице-губернатора и не посягал на его родовое поместье. А теперь все мы из рук правительства кормимся. Кормиться же каждый день надо, а что с нами завтра будет — непредсказуемо. Потому как неизвестно, одобрит ли оно, правительство, завтра то, за что хвалило сегодня. Осмотрительность тут нужна особая, цепкая. Вон академик Сахаров: повел себя неосмотрительно, и что же? Только звание академика у него и осталось. Да и то, видать, ненадолго. А все остальное отобрали: и лауреатства, и премии, и даже место жительства. Вроде как для государства нашего он ничего и не сделал, примазался просто к передовой советской науке, к бомбе этой самой.

Ну, с академиком история ясна: делаешь бомбу молча — получай премию; а сделав, спросил — зачем она, эта бомба? — отдавай премию обратно. «Литературка» тогда нахлобучку эту академику очень даже одобрила.¹⁷ Но и сама не убереглась. Журналистика — дело тонкое; слово какое не туда вставил или еще что — и вчерашний корифей советской прессы оказывается рядовым сотрудником заштатного издательства. Да хорошо еще, когда так кончается, а то может и похуже чего случиться...

Ужасная эта метаморфоза произошла не с кеминым, как с первым заместителем главного редактора «Литературной газеты» — теперь уже бывшим — Виталием Александровичем Сырокомским.

Ни для кого не секрет, что главный редактор «Лите-

---

17. См. ст. В. Борисова «Клеветник и фарисеи» — «Лит. газ.», 30.01.80, N 5 : 9.

ратурки» Александр Борисович Чаковский — фигура номинальная, в основном, так сказать, для вывески и представительства. Делает газету — именно *делает* — его первый заместитель. В полной мере относилось это к Сырокомскому.

Истинный газетчик, человек незаурядного ума, Виталий Александрович Сырокомский создал газету, которая ярким пятном выделялась на желто-сером фоне советской прессы. Конечно, высокому начальству со Старой площади в сумбурные времена разгула демократии необходимо было издание типа «Литературки», создающей иллюзию этакой широты мнений и свободных дискуссий. Но ведь должен был найтись и такой человек, который сумел бы столь профессионально поддерживать эту иллюзию в течение длительного времени. С нелегкой задачей этой Сырокомский справлялся прекрасно.

В редакции о Сырокомском говорили разное, но всегда — с уважением. Держался он со всеми ровно и демократично. Причем демократичность его выражалась отнюдь не в фамильярном похлопывании по плечу, что во взаимоотношениях советского начальства с подчиненными считается верхом доброжелательства и пролетарского единения. Правда, ответить начальству тем же никто из подчиненных почему-то не рискует...

Демократичность Сырокомского выражалась в том, что никого из своих подчиненных он в обиду не давал, брал на себя все «проколы», нередкие в газетной практике. Управлял он редакцией жестко, и «работать у Сырокомского» — значило именно работать: он умудрялся выжимать из журналиста все, на что тот способен. Но зато во всем остальном жить «под Сырокомским» было одно удовольствие: самые высокие гонорары; нестесненность в средствах во время командировок; путевки в лучшие санатории и дома творчества; в редакционном зале — еженедельные просмотры новейших западных фильмов, каких нигде более не увидишь; подобострастность всевозможных инстанций при виде литературкинского удостоверения... Все это и многое другое — заслуга Виталия Александровича Сырокомского.

И вдруг его не стало. Именно «вдруг»: скоропостижно, в несколько дней перевели Сырокомского рядовым редак-

тором в захудалое издательство. За что же, как сказал Варфоломей Зайцев, такая нахлобучка?

До сих пор ходит в редакции «Литературки» упорный слух, будто подвела Сырокомского дружба с неким западногерманским корреспондентом. Представлял он в Москве известный журнал, который весьма далек от каких бы то ни было левых настроений, но тем не менее неизменно пользуется поддержкой советских органов массовой информации и даже время от времени берется ими под защиту — обстоятельство само по себе достаточно подозрительное. Кроме того, мне доподлинно известно, что и раньше дружба этого западногерманского журналиста с советскими гражданами заканчивалась кое для кого из последних весьма плачевно.

Вот этот-то корреспондент и сопровождал Сырокомского в его отнюдь не первой поездке по ФРГ. Любопытная пара: создатель самой популярной газеты и — западный журналист, уже более 10 лет живущий в СССР и непонятно на кого и как работающий. Никто не знает, какие события произошли во время поездки. А после их возвращения Сырокомского сняли. И до сих пор никому неизвестно — за что. Впрочем, кому-то наверняка известно, и уж конечно — самому Виталию Александровичу. Однако на все вопросы сослуживцев он сокрушенно разводил руками, поднимал плечи и отвечал: «Сам не понимаю...»

Партийная дисциплина.

Или — круговая порука? Omerta, закон молчания, на котором держится всегда любая мафия?..

...Нас приковали на цепь к тесной будке комитета по делам печати, кормят обедками иностранной прессы, посылая нам ее с черными заплатками на всех столбцах, и мы, бегая взад и вперед на этой цепи на пространстве пяти шагов, преисправно лаем, лаем целые дни на весь мир,.. лаем на иностранные нации, на свою молодежь, на всякую прохожую и проезжую мысль, на которой нет клейма нашего барина. Мы никогда не задаем себе вопросов: зачем мы лаем, что нам за расчет лезть из кожи, к чему защищаем мы этот острог, где сами первые сидим на цепи; мы вовсе не убежденные консерваторы и

абсолютисты, какие водятся на Западе; у нас нет никакой теории, никакого предпочтения, никакого выбора. Мы тут лаем, потому что нас тут привязали, и в иных условиях мы ни себя, ни чего бы то ни было существующего вообразить не можем...¹⁸

Действительно: с выбором у нас небогато. Зато теория есть. Одна. Что-то такое о краеугольном камне. Да уж так пережевывают ее нам с самого рождения, что от камня одна только жвачка и осталась, и ничего, кроме отвращения, она не вызывает.

О предпочтении и говорить не приходится. Какое уж тут предпочтение: «Советскую Россию» — «Огоньку», а Ивана Шевцова — Игорю Кобзеву?.. Да и откуда ему взяться, если вся наша многонациональная литература и не менее многонациональная журналистика текут в едином русле социалистического реализма?

Ручейки, правда, кое-какие имеются. Немногие из них текут в западном направлении, очень быстро отрываются от основного потока и после этого перестают существовать для советских читателей. Все же прочие ручейки прекрасно чувствуют себя в главном русле и отличаются друг от друга лишь степенью загрязненности. Исключения, конечно, случаются, да не о них сейчас речь. Более всего заинтересовали Варфоломея Зайцева те ручейки, которые, если исходить из всеобъемлющего у нас принципа партийности, должны были бы на этой почве моментально иссякнуть. Однако ручейки эти весьма полноводны, и для отдающихся их течению писателей становятся они настоящим Эльдorado.

Вот, скажем, термин «бульварная литература». Спросите любого советского литературоведа: к творчеству кого из современных отечественных писателей он применим? И услышите возмущенный ответ, что, мол, подобная литература у нас не водится, потому как она — порождение насквозь прогнившего Запада, и только там ей и место.

А ведь неправда: есть у нас и такая литература. Ну, называется она, конечно, по-другому, а суть та же. И

---

18. «Прометей...», с. 300.

писатели, ею пробавляющиеся, ни в чем не уступят своим западным коллегам по перу — ни в славе, ни в гонорах.

В незабвенные годы правления Гения Всех Времен и Народов ярчайшим представителем советской бульварной литературы был Николай Шпанов. Автор «Поджигателей», «Войны невидимок» и бесконечных «Приключений Нила Кручинина», неоднократный лауреат всех премий Гения и любимец «Литературной газеты», Николай Шпанов лихо закручивал сюжеты. Читать его толстые книги было куда интереснее, нежели буколические романы о колхозной жизни Михаила Бубеннова. «Произведения» свои Шпанов посвящал героической борьбе героических советских контрразведчиков с агентами империалистических держав. При этом акценты расставлялись автором вполне однозначно: здесь — белое, там — черное, а что посередине, — то скорее все-таки черное, чем белое.

Нынче ситуация в мире стала несколько иной, романы Шпанова как-то в нее не вписываются. И хотя поклонников у него и сейчас было бы более чем достаточно, «произведения» его не только не переиздаются — они изъяты из всех библиотек. Почему поступили так именно с этим любимцем Вождя Народов — непонятно: другие-то, и живые, и покойники, благоденствуют. Оно конечно: «творчество» Николая Шпанова, вполне уместное во времена «железного занавеса», в период «разрядки» могло бы показаться несколько экстравагантным, хотя по-прежнему — вполне приемлемым. Но... Наметились, к сожалению, в «железном занавесе» кое-какие щели, законопатить которые оказалось непросто. Ну а раз так, то со Шпановым придется пока погодить. Как оно дальше будет — неизвестно, но надемся: вернутся еще те благословенные времена. Тогда и о Шпанове непременно вспомним. А пока — извините...

Однако не подумайте, будто место, занимаемое когда-то в советской литературе Николаем Шпановым, осталось вакантным. На нем, растолкав многочисленных конкурентов, прочно утвердился иррационально плодовитый Юлиан Семенов — любимец МВД, КГБ и «Литературной газеты».

«... К чему защищаем мы этот острог, где сами первые сидим на цепи», — недоумевал Варфоломей Зайцев. К тому,

что «нас здесь привязали». Сказано беспощадно верно. Правда, цепь у каждого из нас — своя. Иных привязали иллюзией служения высшим идеалам, других — благополучием и достатком, третьих...

Много лет назад Юлиан Семенов, молодой, но уже подающий надежды начинающий литератор, еще только-только приобщался к радостям элитарной жизни, убил на охоте егеря. Убил, наверное, случайно, однако убийство есть убийство, и начинать бы Семенову писательскую карьеру изучением жизни и быта советских лагерей. Вместо этого последовало джентльменское соглашение. Одна из договаривающихся сторон — МВД и КГБ, чья репутация тогда была несколько подмочена сумасбродными разоблачениями Хрущева, — обязалась не доводить до суда дело об убийстве егеря. За это другая сторона — Юлиан Семенов — взяла на себя не слишком благодарный труд: вновь склонить покачнувшуюся было чашу весов общественного мнения в пользу первой стороны. Начало положила наскоро состряпанная повесть «Петровка, 38».

С тех пор деловое соглашение переросло в нежную дружбу, при чем не без выгоды для обеих сторон. После первой повести последовало продолжение, которое называлось «Огарева, 6». Поговаривали злые языки, что уже работал Юлиан Семенов над завершающей цикл повестью — «Лубянка, 2»...

Но нет: врали злые языки. Не было и нет у Юлиана Семенова вещицы с таким названием. Хотя после двух первых, герои коих — славные работники органов МВД, все последующие его «произведения» вполне могут быть объединены общим заголовком «Лубянка, 2». Ибо речь в них идет уже о славных работниках органов ЧК—КГБ. И не опасаясь преувеличений, осмелимся утверждать: переплюнул Семенов своего предшественника. Куда до него Шпанову, чей Нил Кручинин неизменно побеждал хотя и вредных, но не слишком значительных агентов западных разведок. Герой серии «романов-хроник» Юлиана Семенова начинает карьеру доверенным лицом Колчака, а в нацистской Германии становится «штандартенфюрером СС фон Штирлицем». «Фон Штирлиц» ведет философские беседы с Шелленбергом, на равных держится с шефом гестапо Мюллером и

без тени подобострастия общается с Борманом. В послевоенной Германии, уже неонацистской, он срывает коварные замыслы империалистических кругов снабдить атомной бомбой Председателя Мао...

И всегда советский разведчик оказывается победителем. Правда, в отличие от других героев бульварной литературы, славен он не сильными кулаками, а прежде всего тем, что он — гражданин страны победившего социализма, и в качестве такового поражение ему попросту заказано...

Бульварная литература, как бы мастерски она ни была изготовлена, всегда предполагает в читателе дурака и обывателя. Чтобы не слишком это бросалось в глаза, да и для вящего правдоподобия, Семенов сопровождает свои «романы-хроники» подробными выдержками из архивов Третьего Рейха. Казалось бы — пустяковая деталь, но любопытная: в те архивы-то вход — только через Лубянку, 2...

Договор, скрепленный когда-то не знаю уж чем, Юлиан Семенов блюдет свято. За серией книг о Штирлице последовал роман о современных чекистах с разоблачающим наше телеграфное агентство названием «ТАСС уполномочен заявить...»¹⁹ (Причем именно — «уполномочен»; судя по одному лишь заголовку, элементарная грамотность не входит в число неперенных достоинств писателя Семенова). Затем соцреалистическая баллада о «железном Феликсе»...²⁰

Все не за так, конечно: другая договаривающаяся сторона в долгу не остается. О пустяковой детской шалости — убийстве егеря — небось, никто и не вспоминает давно, должок этот Семенов еще когда отработал. Теперь плата посущественней: фантастические тиражи и бесконечные переиздания книг, по каждой из них — обязательный фильм, и как следствие — баснословные гонорары. Миллионер у нас Юлиан Семенов, и не какой-нибудь подпольный, типа Корейко, а вполне официальный, признанный. Другая плата, хоть и помельче, а тоже приятная: поездки за границу — сколько угодно и на любой срок.²¹ То Юлиан Семенов во

---

19. М., изд. «Советский писатель», 1979.

20. «Горение», изд. «Советский писатель», 2 кн., 1977, 1979 (впервые оубл. в журн. «Пограничник», 1976, NN 1-3, 9-12).

21. С марта 1979 Семенов — соб. корреспондент «Лит. газ.» в Бонне («Лит. газ.», 1979, N 12:9).

франкистской Испании берет интервью у Отто Скорцени, то гоняется по всему свету за Мартином Борманом,²² которого, как выясняется, на этом свете и нет давно, то отыскивает похищенные у нас ведомством Гимmlера национальные сокровища. И при всем при том — собственный корреспондент «Литературной газеты». Совсем уж, вроде бы мелочь для него, подумаешь — «собкор», а вот поди ж ты... А с другой стороны, чего же не съездить собкором «Литературки» на Пагуошскую конференцию²³ или не прогуляться по Европе в поисках урана,²⁴ похищенного якобы Израилем? Очень даже хорошо съездить и прогуляться — за казенный-то счет. Тем более, что написать обо всем этом так, как написал Юлиан Семенов, можно было и не выходя из кабинета.

Или вот розыски исторических документов и произведений искусства, вывезенных нацистами из СССР и до сих пор большей частью не найденных. Более всего интересуется Юлиан Семенов судьба знаменитой Янтарной комнаты. В погоне за ней исколесил неутомимый Юлиан всю Европу, прихватил даже Южную Америку, однако, как и многие до него, ничего пока не нашел. Валюта на вояжи по-прежнему казенная, репортажи его «Литературка» печатает, не жалея места, так что прекращать поиски Семенову нет никакого смысла. Несмотря на занятость и усталость, он по-прежнему не жалеет времени и сил, «чтобы награбленные фашистами ценности были возвращены их законному владельцу — советскому народу».

С «законным владельцем» вышла у Семенова некоторая неувязка. Янтарная комната, уникальное произведение искусства, оцениваемое экспертами в десятки миллионов долларов, была создана руками *немецких* мастеров из *немецкого* янтаря, и подаренная одним эксплуататором, прусским королем Фридрихом, — другому эксплуататору, русскому царю Петру I. И если из основных принципов

---

22. См. Семенов, «Приказано выжить» («Москва», 1983, N 8:150 - 151).

23. Ю. Семенов, «Директива N59 и долг ученых» — «Лит. газ.», 3.09.80, N 36:14.

24. Ю. Семенов, «Итак, уран „нашелся“...» — там же, 5.03.80, N 10:14.

коммунистической морали исходить, то как раз немецкий народ истинный владелец Янтарной комнаты и есть. И скинувшему своих эксплуататоров великому советскому народу неплохо было бы вернуть братьям по классу результаты их рабского труда, проявить, так сказать, интернациональную солидарность...

Ничего подобного в репортажах собственного корреспондента «Литературной газеты» Юлиана Семенова мы не найдем. Хотя бы ради дискуссии, которые так любит «Литературка», пусть для того, чтобы сразу опровергнуть и отбросить, — нет, не найдем. Привязали Семенова крепко, ошейник строгий. Цепь, правда, не такая, что во времена Варфоломея Зайцева; тогда она короткая была, только до границ Российской империи. А теперь приходится лаять далеко от того места, где привязали. Потому-то цепь — незаметна, вроде бы и нет ее вовсе.

Но она есть. Стоит только зарычать не в ту сторону, куда требуется, или не в той тональности — мгновенно натянется цепь, и задушит жесткий ошейник. А потом наденут его на другую шею: их у нас так много — тех, кому милы железные шипы такого ошейника, кто жаждет поскорее в нем оказаться...

А ошейник свой отдавать — этого Юлиану Семенову совсем не хочется.

...Известно, что мы пламенные патриоты. Никто больше нашего не любит Россию, потому что другие любят ее абстрактно, любят в ней народ, любят с оговорками, любят с исключениями, и многое в ней так же сильно ненавидят, как другое любят. Мы же любим в ней все, что там ни есть, любим петербургский климат и царский произвол, архангельскую тундру и обращение униатов, сибирскую язву и сенатские приговоры над девочками, народный голод и административные ссылки, лесные пожары и III отделение. Не мудрствуя лукаво, мы все это объемлем своею любовью, как необходимые части одного милого целого...²⁵

---

25. «Прометей..», с. 300.

Поначалу я никак не мог понять: о ком конкретно пишет здесь Варфоломей Зайцев? Ибо, за редчайшим исключением, все те, кто печатаются в «Литературной газете», — пламенные патриоты. Иным на страницах советской печати не место. Но потом все-таки понял и огорчился. Потому что этого человека я хорошо знал.

Редакция «Литературной России», где я работал, печатала первые его рассказы, и он приходил в редакцию довольно часто — Саша Проханов, милый, скромно одетый начинающий литератор. Мне доводилось подолгу разговаривать с ним. Проникновенным шепотом говорил он о Боге, о религии, вере, доверительно показывал висевший на груди старинный крест. Его мысли о литературе были нешаблонны, а понятия о нравственности никак не укладывались в формулу «грабь награбленное». Словом, трудно было заподозрить в Саше Проханове будущего функционера Союза советских писателей.

Был ли у него выбор? Или, как пишет Варфоломей Зайцев, — «никакой теории, никакого предпочтения»?

Мне кажется, выбор у Проханова все-таки был. И поскольку человек он отнюдь не глупый, то выбор он сделал безошибочный. Неожиданный, конечно, — после проникновенных-то речей о вере и христианстве. Да ведь кто из нас первым бросит в него камень? Кое-кто и мог бы, но... «Иных уж нет, а те далече»... Недавно вот объявил себя Проханов «любимым учеником» Юрия Трифонова. При жизни Трифонова об этом его ученике ничего не было известно. А сейчас — кто ж возразит? Кто захочет ссориться с одним из новых, многообещающих секретарей Союза писателей?

Ибо от скромного Саши Проханова не осталось и следа. Одевается он теперь дорого, раскатывает в ярко-красных «Жигулях», частенько бывает за границей, еще чаще выступает по радио и телевидению.

Перемена эта произошла внезапно: еще вчера — способный, подающий надежды молодой прозаик; сегодня — до неприличия хвалебные статьи о нем в «Литературной газете» под рубрикой «Рубежи зрелости» и многочисленные самоинтервью, в которых Проханов делится с читателями своими творческими планами. А между «вчера» и «сегодня» — не блистательный роман, поразивший воображение совре-

менников, или пьеса, от которой разом пришли в восторг издававшие виды московские театралы. В этот краткий промежуток времени побывал Александр Проханов собственным корреспондентом «Литературки» в Афганистане. Его репортажи, опубликованные «Литературной газетой», и сделали Проханова одним из начальников советской литературы.

Начиная с Радищева русские писатели никогда не чурались публицистики. Скорее наоборот: они считали честью для себя — в открытом слове выступить с увещанием, предостережением или протестом.

В наши дни все переменялось. Немногие *истинные* советские писатели (немногие не потому, что советские, а потому, что истинные — всегда немногие) относятся к современной отечественной публицистике недоверчиво и брезгливо. Ибо они не хотят пачкать себя ложью. Это нежелание определяет и их книги: дар слова не позволяетвтискиваться в удушливые рамки социалистического реализма. Кое-кому из них даже удается избежать грубых окриков цензуры и партийных чиновников...

Но такой путь показался Проханову слишком долгим и ненадежным. Он выбрал другой. Ну, грязноватый немного... Олять же — что еще потомки скажут, если, конечно, дойдут до них сочинения Проханова. А впрочем — поймут потомки. Им ведь тоже, небось, и за границу захочется, и машину, и квартиру получше...

Исчез милый, талантливый Саша Проханов. Появился Александр Проханов — энергичный чиновник от советской литературы, «специалист по Афганистану».

«Пламенный патриотизм», о котором пишет Варфоломей Зайцев, присутствует в каждом из афганских репортажей Проханова, опубликованных в «Литературной газете». Оно и понятно: уже если мы здесь, в России, любим в ней все, «что там ни на есть», то с не меньшим восторгом обязаны мы приветствовать деяния нашей страны за ее границами («Внутреннюю и внешнюю политику КПСС одобряем!»). А потому — о миллионах афганских беженцев, о вероятном применении советского химического оружия, о двадцатилетних советских парнях, возвращающихся из Афганистана седыми, — обо всем этом ни слова нет в прохановских репортажах. Читая их,

обнаруживаешь поразительное явление: ложь превращает писателя в заурядного, нечистоплотного газетчика, который, стараясь угодить хозяину, оказывается не в ладах с элементарной логикой. Пишет, к примеру, Проханов о том, что популярная среди «контрреволюционеров» идея неделимого Афганистана сделала бы эту страну «легкой добычей Китая, легкой добычей Пакистана». Но совсем еще недавно Афганистан был и един, и неделим, и никто при этом на него почему-то не зарился. Кроме, как выяснилось, Советского Союза.

Вывод этот несложный напрашивается сам собой, а ведь читатель у нас нынче не дурак пошел. Газеты, конечно, читает, но все чаще с ухмылкой, не всему верит. Так что Проханов тут явно промашку дал: не надо бы ему читателя в грех вводить, на подобные мысли наталкивать. Кстати, руководство наше, кто поумней, старается до таких умозаключений не допустить. Была вот песня у нас популярная, «Летят перелетные птицы». Очень патриотическая. Летят, значит, эти самые птицы, герой песни смотрит им вслед, но совсем даже не завидует, а скорее наоборот — этаким домоседом представляется:

А я остаюсь с тобою,
Родная моя сторона.
Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна!

Поэтическая находка, содержащаяся в слове «остаюсь», наше начальство не коробит, оно и само так говорит. А вот две последние строки выглядят теперь иначе:

Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не нужна!

Потому как со временем выяснилось, что Африка нам очень даже пригодится, да и от турецкого берега мы бы не отказались. Хотя ни того, ни другого нам, как и раньше, никто не предлагает. Впрочем, и Афганистан нам никто не предлагал, тут уж мы сами...

Словом, неаккуратно у Проханова получилось. Ну, бывает, зашился; в угаре пламенного патриотизма чего не

брякнешь... Но вот еще один афганский его репортаж, и еще один, и еще... Их стиль я определил бы как погромно-патриотический: фразы громяют железом, в каждой — гулкая пустота, какая бывает после удара камнем по танковой броне. В этой гулкой пустоте и рождаются у читателя всякие греховные мысли.

Скажем, описывает Проханов партком одного из афганских уездов: «Фотография Ленина на стене. Вороненый „Калашников” на гвозде. Здесь не дискутируют бесконечно на темы экономики и политики».

Да уж! Как-то неуютно дискутировать под таким натюрмортом.

Или вот секретарь парткома Азим: у него, пишет Проханов, «своя „поднятая целина”» и своя «лампочка Ильича».

Так и подмывает продолжить этот перечень: будет у секретаря Азима и своя коллективизация, и свое «Головокружение от успехов» и свой 37-й год...

Повода к таким прогнозам Проханов, конечно, не дает. Ему самому горизонты афганского социализма видятся в столь розовых красках, что описание сих вершин похоже на злую иронию: «... просматривается будущее: столь хорошо знакомые нам хлопковые совхозы-гиганты, армады красных комбайнов, сельские клубы в изразцах и орнаментах, похожие на дворцы, жизнь наших богатых среднеазиатских республик...»

Но иронии здесь нет и следа. Просто зарабатывает себе Проханов на хлеб с большим куском масла. Потом эти свои репортажи он перекроит немного, и появится роман «Дерево в центре Кабула», который сначала выпустит миллионным тиражом издательство «Правда» в серии «роман-газета», а позднее он выйдет отдельной книгой.

И потекла к Проханову молочная река с кисельными берегами. Чтобы не оскудевало русло ее, одной лишь лжи о ситуации в Афганистане недостаточно. И Проханов идет дальше. Он предваряет показ по советскому телевидению афганского фильма «Возмездие». Главный герой картины сделанной явно на киностудии «Мосфильм», повторяет «подвиг» Павлика Морозова, и Проханов, энергично жестикулируя, звонким голосом энтузиаста-рапповца прослав-

ляет пламенный патриотизм ребенка, предавшего своего отца...

А ведь совсем еще недавно рассуждал Проханов о христианстве. И как проникновенно, как убедительно!..

В метаморфозе, происшедшей с Александром Прохановым, обиднее всего то, что писатель он был явно не бесталанный. Талант же, растраченный на правительственные заказы, мстит за себя неотвратимо и страшно — достаточно вспомнить о судьбе Владимира Маяковского; да и о судьбе Александра Фадеева тоже. Ни прекрасному поэту, ни администратору от литературы не помог пламенный патриотизм, о котором пишет Варфоломей Зайцев.

В раннем детстве прививают нам этот патриотизм, как оспу. А потом, на протяжении всей нашей жизни, поддерживают его регулярными принудительными инъекциями.

...Помню, сдавал я вступительные экзамены на факультет журналистики Московского университета. Первым было сочинение, и писал я его на «свободную» тему: «Почему я выбрал профессию журналиста?» На следующем экзамене по русскому языку и литературе — перед экзаменатором лежало мое сочинение, и, заглянув в него, чтобы освежить в памяти, он сказал:

— Мы вынуждены были поставить вам «удовлетворительно». Другие абитуриенты, избравшие эту тему, писали прежде всего о своем патриотизме. А у вас — желание посмотреть мир и понять, что в нем делается. Это, знаете ли, вторично...

Я смело возразил (время тогда еще хрущевское было), что патриотизм — не в словах и что человек, кричащий о нем на каждом углу, похож на того самого воришку, который первым кричит: «Держите вора!»

Экзаменатор посмотрел на меня с сожалением, но спорить не стал. Он-то давно уже понял: кто громче других о своем патриотизме кричит — тому-то и доведется мир посмотреть и прочие радости социализма изведать.

Вот эту истину и усвоил Александр Проханов.

Прекрасно усвоил.

... И при том как же не любить всего этого, когда в этом наша жизнь, а жизнь всякому любя. Приходится полюбить и девятимесячную зиму, когда в ней живешь,

точно так же приходится любить царскую администрацию, которая составляет столь же непрменный атрибут этой жизни, как и девятимесячная зима. «Стерпится — слюбится», — говорит пословица, и точно, мы так стерпелись со всякими заушениями, что всей душой нашей полюбили их. Истинная мудрость состоит в приобретении мира и удовлетворения душевного, и мы достигли ее, потому что вполне довольны своей участью. Мы живем в твердом уповании, что в Петербурге растут лучшие апельсины, что наше самодержавие совершенно то же самое, что и американская свобода, так что если написать «Россия», то выйдет Америка, что самое достойное человека положение есть положение лакея, притом служащего не за жалованье, а так сказать, лакея-добровольца...²⁶

Нет, не растут апельсины в Ленинграде. И в Москве не растут. Теперь это все знают. И самодержавие наше давно уже не то же самое, что американская свобода, а гораздо, гораздо лучше. Те, кто уверяют нас в этом с экранов телевизоров и со страниц газет, в том числе и со страниц «Литературки», — они-то и получают лучшие апельсины. Работа у них, конечно, лакейская, Варфоломей Зайцев тут абсолютно прав, да и занимаются они ею совершенно добровольно. Но вот чтоб без жалования — это вряд ли. Времена русских идеалистов прошли, и нынешние лакеи отдают себе отчет в том, что труд их — лгать без зазрения совести, не краснея, — грязный, а посему оплачиваться должен по высшей категории.

Любопытная деталь: работник советской торговли, наживаясь на обмане, вполне довольствуется материальными выгодами и даже не помышляет о признании своих «заслуг», ибо такое признание грозит ему солидным тюремным сроком. Напротив — «бойцу идеологического фронта» недостаточно роскошной дачи и машины, которые ему, в отличие от бедняги-торговца, совсем не нужно скрывать от людских глаз. Одни только материальные блага не устраива-

---

26. «Прометей...», с. 300-301.

ют нынешнего лакея. Ему необходимо общественное признание его заслуг: рукопожатия, ордена, членство, а еще лучше — руководство какой-нибудь, непонятно зачем существующей, общественной организацией. Ну и конечно — статьи в советской прессе о его замечательно полезной деятельности.

Печатает такие статьи и «Литературка». Внимание Варфоломея Зайцева привлекла, в частности, рецензия на новую книгу Юрия Жукова²⁷ — международного обозревателя газеты «Правда», председателя Советского комитета защиты мира, постоянного ведущего радио- и телепрограмм, депутата Верховного Совета, и прочая, и прочая. Словом, Юрий Жуков — человек популярный, причем популярности этой не мешает даже косноязычие, присущее его выступлениям по радио и телевидению.

Основа книги, рекламируемой «Литературной газетой», — дневниковые записи Юрия Жукова 30-х и 40-х годов. Приведу только одну цитату из многословной и велеречивой рецензии:

«Читая новую книгу славного ветерана советской печати, одного из тех, кто создавал ее традиции, радуешься энергии его мысли, волнуешься его чувствами, проникаешься его подлинно гражданским пафосом».²⁸

Насчет пафоса — это верно. У «славного ветерана» его более чем достаточно. Собственно ничего другого, кроме пафоса, в публицистике Жукова попросту нет. Пишет автор рецензии, что создавал Жуков традиции советской печати. Тут бы и вспомнить «Литературке» (все таки *литературная* же газета), что именно Юрия Жукова, тогда еще молодого и прыткого журналиста, публично назвал лжецом Иван Александрович Бунин. За дело назвал. И ничего, переморгал Жуков. Продолжал создавать эти самые традиции. Их плоды мы теперь и пожинаем.

Но нет — не дано написать об этом «Литературной газете». А что до Юрия Жукова, то участью своею он вполне доволен. Давно уже достиг он удовлетворения душевного, которое пришло к нему с сознанием собственной значимости

---

27. Юрий Александрович Жуков, 1908 г. р., «Крутые ступени. Записки журналиста», М., изд. «Мысль», 1983.

28. Георгий Вирен, «Сердце гражданина, перо бойца» — «Лит. газ.», б. 05. 83, с. 4.

и большим жалованьем. Ну обзовет кто-нибудь из эмигрантов-отщепенцев лжецом и лакеем — что из того? Еще и гордиться можно: ведь первым обозвал его так сам великий Бунин!..

...Если мы позволяем себе иногда помечтать, то мечтаем «о покорении под ножи» нашему барину всех народов, обитающих на земном шаре, и о приведении их в православие логикой станových с обязательством обучения русскому языку, так чтобы даже в отдаленнейших уголках мира двое, встречаясь, говорили друг другу: „Здравствуйте, батюшка, как ваше здоровье?“...»²⁹

Мечты у нас все те же. Правда, называются они не «покорением под низи» — по дипломатическим соображениям такого лозунга сейчас не услышишь. Однако осовремененный, он и теперь звучит все так же определенно: «Коммунизм — светлое будущее всего человечества!»

И с логикой станových у нас все в порядке. Раньше, правда, эта логика опиралась на шашки. Зато нынче — на танки и ракеты. Их у нас много, и потому логика наша — самая лучшая и правильная.

С русским языком тоже хорошо. Ну, о многонациональной отчизне нашей и говорить не приходится: у всех советских людей язык унифицирован. Но теперь и другие страны — как социалистические, так и не совсем еще социалистические — наперегонки стараются русским языком раньше собственного овладеть. Готовятся к светлому будущему.

И будущее это не за горами. Перелистайте любой праздничный номер «Литературной газеты» — а таких номеров хватает, потому как праздников всенародных у нас предостаточно — и вы легко со мною согласитесь.

Вот один из таких номеров со статьей Анатолия Сафронова, Великого Писателя Земли Русской и по совместительству — предводителя Союза Михаила Архангела. К какому празднику статья? Да не все ли равно! Подобный опус

---

29. «Прометей...», с. 301.

годится для любой даты. Изготавливается он по раз и навсегда утвержденному шаблону.

Вступление:

«Советский народ с народами социалистического содружества, международным коммунистическим и освободительным движением, вместе со всем прогрессивным человечеством отмечает (...летие Великого Октября, День международной солидарности трудящихся, День рыбака, Международный женский день, День Советской Конституции, День ракетных войск и артиллерии и т. д.)»

Основная часть делится примерно на две половины. В первой — невиданные успехи страны победившего социализма:

«Здесь строится завод („Атоммаш“, комбинированных кормов, вычислительной техники и т. д.). Машинный гуд, производственные бригады, сложная, тончайшая техника. Дух творчества, оптимизма, понимание высокой роли нового поколения (энергетиков, свиноводов, партийных работников и т. д.)».

Во второй половине основной части — ужасающее загнивание стран капитализма и непомерные амбиции их правительств:

«Невольно вспоминаешь о тех западных политиках, кто легкомысленно и бездумно... Думаешь о Президенте Соединенных Штатов (Никсоне, Картере, Рейгане) со всеми его агрессивными выходками, одной из которых была недавняя вооруженная авантюра в (Иране, Сальвадоре, Никарагуа). В эти дни мне хочется поделиться мыслями и о (Вьетнаме, Кампучии, Афганистане). Я был когда-то в этой стране, суровой, мужественной, умеющей сражаться со своими поработителями. Сейчас мы — рядом с (вьетнамским, кампучийским, афганским) народом, попросившим помощи для того, чтобы помешать империалистической реакции поставить его на колени. И мы, советские люди, конечно, выполним свой интернациональный долг. Никакие угрозы, никакая истерия из-за океана не смогут изменить неумолимого хода истории».

Финал:

«Мы радостно смотрим на (зеленеющие поля, убранный урожай, новые города на необъятных просторах) и говорим

себе: сила международной солидарности трудящихся непоколебима!»

Последнее слово следует читать: непокобелима. Достойное завершение для непокобелимой статьи непокобелимого Анатолия Сафронова.

...При этом для себя мы не предвидим никакой выгоды, напротив того, предвидится расширение мест отдаленных и не столь отдаленных, куда и мы можем попасть, потому что все ходим под царем, а какого-то еще Бог даст; может быть, такого сахара, что всех грамотных велит выслать из столицы — ведь мы от такой фантазии не гарантированы. Но холуй все-таки обладает бессмертной душой, которая отличается от бездушного инстинкта собаки тем, что этой душе доступно чувство гордости не за себя, конечно, а за барина. Пес благоговеет перед хозяином одинаково, будет ли он царь ассирийский или слепой нищий, но холуй умеет гордиться величием своего барина...³⁰

И опять прав Варфоломей Зайцев: ходим все под царем, как его ни назови — самодержцем всея Руси или Политбюро ЦК КПСС. А посему жизнь современного холуя, как и раньше, непредсказуема. Ну а раз непредсказуема, то гордиться величием своего барина — насущная потребность. Правда, и в этом случае легко угодить в места отдаленные и не столь отдаленные, ибо, как предвидел Зайцев, расширение их все продолжается и продолжается. Но гордиться все же надежнее: дольше протянешь. А то вдруг и вовсе минует чаша сия.

И мы гордимся. Гордимся все: колхозники и артисты, музыканты и ассенизаторы, повара и стюардессы. И писатели. Писатели особенно. Они веди не только сами должны гордиться, но и нас на то вдохновлять. А это с каждым годом становится все труднее. Приходится писателям напрягаться, истощать свою творческую фантазию.

Вот, скажем, Михаил Макарович Колосов: Великий

---

30. «Прометей...», с. 301.

Писатель Земли Русской, автор всяких книжек и главный редактор еженедельника «Литературная Россия» — желто-серого листка, в котором и мне довелось поработать несколько лет. Колосов не только гордится сам, но и описывает гордость своих друзей. В одной из своих статей рассказывает он о том, как поздно вечером, почти ночью, пришел к нему Гавриил Троепольский. Объяснил он свой поздний визит тем, что не может уснуть. А уснуть не может, потому как чрезвычайно взволнован речью Генерального Секретаря ЦК КПСС товарища Андропова...

Может, и не было никогда такого разговора. И визита ночного не было. Но не возразит Троепольский — кстати, автор очаровательной повести «Белый Бим Черное Ухо» — не уличит публично Колосова во лжи. Наоборот: благодарен будет Колосову за своевременную сказочку...

А может, и правда все это. И если правда — тем обиднее за Гавриила Троепольского.

А что же Михаил Макарович? Какая ему от барина награда вышла?

Точно не знаем, предположения одни. Ну, гонорар, конечно, аксельбант новый... А читательского признания за такую галиматью теперь не дождешься. Кривая усмешка да взгляд презрительный — вот и вся благодарность нынешнего читателя. Михаила Колосова это не смущает: его поколение, сбившее ладони в аплодисментах Главному Барину Всех Времен и Народов, на такие пустяки, как презрительные взгляды внимания не обращает. Однако и среди подросшей смены немало тех, кто за барскую похвалу готовы снести все, что угодно.

Читая «Литературку», Варфоломей Зайцев уже обратил внимание на то, как расшаркивается Валерий Поволяев перед одним из боссов советской литературы, главным редактором журнала «Октябрь» Анатолием Ананьевым. И благодарность начальства не заставила себя ждать: рецензия на новую книгу Поволяева³¹ начинается снисходительной похвалой самого Сергея Михалкова, благополучно пережившего три эры —

---

31. «Тихий ветер памяти», М., 1982; автор рецензии — Г. Алифанов («Лит. газ.», 20. 07.83, N 29:4).

Сталина, Хрущева и Брежнева — и все так же благополучно существующего в четвертой, андроповской.

Рецензия в «Литературной газете» называется «Восхождение». Речь идет о восхождении Поволяева к высотам социалистического реализма. Судя по рецензии, эти его высоты уже отчетливо видны. Чуть-чуть до них осталось.

А еще совсем недавно Валерий Поволяев был самым что ни на есть рядовым сотрудником отдела информации «Литературки» и писал крошечные заметки о юбилеях и общении писателей с народом. Мы приятельствовали, встречаясь за чашкой кофе в редакционном буфете или в Доме литераторов. Ничто не предполагало в нем будущего ВПЗЭРа — ни добродушный бас, ни открытая улыбка. И вдруг — резкий скачок; скорее взлет, нежели медленное, упорное восхождение от ступеньки к ступеньке. Видимо, надоело Поволяеву корпеть над десятистрочными информациями, а литературное дарование свое он оценивал трезво. И сделал ставку на «рабочую тему».

Тема эта никого еще из советских писателей не подводила. Она не требует ни таланта (редкие исключения мы оставляем сейчас в стороне), ни больших затрат от государства, ибо довольно быстро смыкается в кольцо: отправляясь в макулатуру, каждая новая книга «о рабочем классе» тем самым открывает дорогу следующей. Расходы на бумагу, таким образом, сведены к минимуму. Однако, совершая сей краткий круг, очередной роман успевает одарить автора солидным гонораром и репутацией «народного писателя». Ныне вкушает сей славы и Валерий Поволяев. Сегодня он — один из секретарей Союза писателей, ведущий телепрограммы «По Сибири и Дальнему Востоку», участник всевозможных симпозиумов и «встреч с читателями». Стоило подвизаться на просторной ниве «рабочей темы», как из ничем не примечательного журналиста превратился Поволяев в солидного и влиятельного писателя.

Сюжеты поволяевских «произведений» банальны до патологии. Главный герой, непременно рабочий, вступает в конфликт с администратором-ретроградом, с риском для жизни ликвидирует угрозу какой-нибудь аварии и тем самым доказывает свою правоту. Между делом — песни под гитару (при молчаливом попустительстве цензуры она заменила

обязательную гармошку) и весьма целомудренная любовная история. Однако весь этот примитив разворачивается на фоне очередной «стройки века»: БАМа, нефтепровода «Дружба» или Атоммаша. А посему назвать это примитивом никто не осмелится. Напротив: каждый такой сюжет — утверждает «Литературка» в своей рецензии — «еще одна высота, покоренная автором в его восхождении».

На чем же воспаряет Валерий Поволяев к вершинам социалистического реализма и собственной карьеры?

На гордости. Мало кто из нынешних молодых умеет так гордиться «величием своего барина», как Поволяев.

Все восхищает Поволяева. И энтузиазм строителей БАМа (а на многих его участках надрываются зэки, чего не может не знать Поволяев), и «вдохновенное волнение» агронома при виде обильного урожая (а урожая того годот года все меньше, и это тоже не секрет для Поволяева). А более всего восхищается Поволяев «необъятными просторами нашей отчизны» и особенно Сибири. Под его восторженным пером природные богатства этого края становятся прямым следствием неуклонно правильной внутренней и внешней политики советского правительства. Вот как если бы гордилась Индия тем, что в результате мудрой заботы государства вырос на ее территории Эверест...

Бесхитростное добродушие Поволяева в известной мере обезоруживает критика. Поволяев как бы говорит своим возможным читателям: что ж тут поделаешь — лучше писать я не умею. Мне, может, и самому мои «творения» не слишком по душе, да ведь печатают; а жить-то надо, сами понимаете... Ну и горжусь. Восхищаюсь даже. А вы — не гордитесь разве?

Увы! Гордимся, конечно. Тем и живем. Хозяин-то у нас — почище царя ассирийского, его щедрот на всех хватает. Но в себе эту гордость таить мы не в состоянии, раслирает она нас. Потому как ежели восхищаться молча, то награда от хозяина уже другая выходит, помельче. Так что стараемся. А изливать горделивое восхищение нашим барином помогают нам всевозможные газеты и журналы. Собственно, для этого они и предназначены. Ну а тем, кто в справочнике Союза писателей числится, — им предоставляет для этого свои полосы «Литературная газета».

...Таковы наши принципы и качества русской прессы. Никто не станет спорить, что она представляет собой образец пакейской добродетели, и даже злейшие враги ее, конечно, не расстались бы с лакеем, одаренным такими качествами.³²

Таково мнение Варфоломея Зайцева о принципах советской журналистики и о «Литературной газете», рупоре современной отечественной интеллигенции. И мы к этому мнению всецело присоединяемся. Добавим только с горестным вздохом: какова интеллигенция — таков и ее рупор.

Август, 1983 г.

---

32. «Прометей...», с. 301.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. Малинкович

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ...

Что и говорить, Александр Зиновьев — мастер удивлять читателя. Каждый раз поражает он его воображение совершенно неожиданными «парадоксальными» суждениями по тому или иному поводу. В последнее время Зиновьев часто обыгрывает одну и ту же, видимо любимую, тему — настойчиво убеждает нас в том, что советские государство и общество стабильны.

Надо сказать, что зиновьевский тезис о стабильности существующей в СССР системы противоречит мнению не только тех, кто относится к этой системе критически, но и тех, кто стремится ее укрепить. Зиновьев, к примеру, пишет:

«Система власти (т. е. управления и контроля) в коммунистическом обществе представляет собою сложнейшую сеть, пронизывающую общество во всех направлениях и разрезах и опутывающую каждого индивида, каждое учреждение, каждое предприятие, каждую группу... централизованная система управления и контроля... дает руководству страны почти неограниченные возможности для манипулирования материальными и людскими ресурсами в интересах целого общества (в их понимании, конечно).

Я не хочу останавливаться на том, какие преимущества с точки зрения степени стабильности дает централизация системы управления и контроля...

Первичные деловые коллективы и более сложные социальные группы объединяются не просто в некую совокупность, ограниченную пространственно и связанную различными исторически данными отношениями, а в единый социальный организм — в органическое целое...

Советские предприятия... выполняют строго определенные функции в системе советской жизни, производят заданную продукцию по советским (!) нормам и качества и количества, дают работу определенному числу людей с определенными профессиями, принимают участие в общественной жизни по советским социальным нормам. С этой точки зрения большинство советских предприятий удовлетворяет советским требованиям к ним».¹

Так считает Зиновьев. А вот мнение ведущих советских социологов, которым критиковать существующую экономическую систему вроде бы и не с руки:

«В последние 12-15 лет в развитии народного хозяйства СССР стала обнаруживаться тенденция к заметному снижению темпов роста национального дохода,— сказала на семинаре в Москве (где, кстати, присутствовали высшие чины советского руководства) акад. Т. Заславская, зав. отделом социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР. — Если в восьмой пятилетке среднегодовой прирост его составлял 7,5% и в девятой 5,8%, то в десятой он снизился до 3,8%, а в первые годы одиннадцатой составил около 2,5% (при росте населения страны в среднем на 0,8% в год). Это не обеспечивает ни требуемых темпов роста жизненного уровня народа, ни интенсивного технического перевооружения производства».²

Как мы видим, даже люди, работающие в системе управления советской экономикой, хорошо знают (в отличие от Зиновьева), что нынешняя экономическая система вовсе не стабильна, что она все больше погружается в кризис. И причину этого кризиса они видят именно в том, что Зиновьев считает основой *стабильности* советской хозяйственной системы — в централизации управления экономикой:

«Сложность народохозяйственной структуры давно уже перешагнула порог, когда ее можно было эффективно регулировать из единого центра. Наблюдаемое в последние пятилетки возникновение и непрерывное углубление регио-

---

1. А. Зиновьев, Стабильно ли советское общество?, «Континент» № 37, сс. 131-149.

2. Т. Заславская. О необходимости более углубленного изучения в СССР социального механизма развития экономики, «Форум» № 5, сс. 127-156.

нальных, отраслевых, и экономических диспропорций в народном хозяйстве СССР яснее, чем что-либо другое, свидетельствует об исчерпании возможностей централизованно-административного управления хозяйством... Рассчитанная на сравнительно низкий уровень развития трудящихся, эта система оказывается неспособной регулировать поведение более развитых в личностном отношении и экономически свободных работников, обеспечить достаточно эффективное использование их трудового и интеллектуального потенциала, высокий уровень трудовой, производственной и плановой дисциплины, хорошее качество работы, эффективное использование техники, равно как и позитивные способы поведения руководителей предприятий, работников бухгалтерского учета, материально-технического снабжения и проч.

Все это, как нам кажется, свидетельствует о том, что действующая система производственных отношений существенно отстала от уровня развития производительных сил. Вместо того, чтобы способствовать их ускоренному развитию, она все более превращается в тормоз их поступательного движения».³

Создается впечатление, что суждения Зиновьева часто кажутся «парадоксальными» лишь потому, что основаны на ложных исходных посылах, о чем читатель, в силу разного рода причин не всегда догадывается.

Можно было бы не реагировать на «оригинальность» суждения Зиновьева о стабильности советского общества (хочет человек и пишет — на то и свобода слова), если бы оно не оказывало порой «парализующего» влияния на читателей. А среди них есть немало людей, которые могли бы оказать существенную поддержку делу сопротивления советскому тоталитаризму. Имя же Зиновьева пользуется таким пиететом, что каждого, кто осмелится выступить с критикой в его адрес (пусть даже хорошо аргументированной), тут же стараются одернуть. Чего стоит, например, примечание редактора «Континента» к письму Доры Штурман в редакцию этого журнала: «Публикуя письмо уважаемого в эмиграции публициста, мы считаем необходимым заметить, что статья Алесандра Зиновьева гораздо сложнее и значительнее по своей структуре и содержанию, чтобы ее можно было бы прочесть так удручающе однозначно».⁴

---

3. Там же.

4. «Континент», N 37, стр. 393.

Рискну и я быть «удручающе однозначным» и попытаюсь показать, на чем основано (точнее, почему безосновательно) одно из «парадоксальных» суждений А. Зиновьева.

Начну с цитаты из статьи Зиновьева «Стабильно ли советское общество?»:

«Советский Союз превратился в колониальную державу, но с обратным отношением колоний и метрополии: здесь основной народ империи, а именно — русский, и его территория стали объектом колонизации для других народов. Представители самых различных национальностей устремились в большие русские города с целью добиваться здесь успеха, делать карьеру, спекулировать и т. п. В результате русский народ оказался в этой империи в самом тяжелом положении. Русскому народу следовало бы в первую очередь бороться за равенство среди других народов и независимость от них. Но он не имеет для этого никакой возможности. Он обречен нести на своих плечах основное бремя исторической роли советской империи. А что касается прочих народов, то в их среде центростремительная тенденция стала доминирующей в такой сильной степени, что противоположную тенденцию (центробежную) в серьезных расчетах вообще принимать во внимание не следует. Фактов поверхностного фрондерства и спекуляций на конъюнктуре можно найти сколько угодно. Но население национальных республик не настолько глупо, чтобы не видеть преимуществ пребывания в составе советской империи. Легко стремиться к отделению от нее, если заранее известно, что такое отделение невозможно и не нужно!»⁵

Вот так. Оказывается, Россия является «объектом колонизации» для нерусских народов. Оригинально, не правда ли? Даже сторонники «единой и неделимой» откроют рот от изумления. Такое им и в голову не приходило.

Может быть, за всем этим все же что-то стоит? Правда, присутствие в городах метрополии значительного числа жителей колоний вовсе не меняет на обратное «отношение колоний и метрополии». И в столицах классических империй — Лондоне и Париже, например, — всегда был большой процент жителей колоний.

Но действительно ли в СССР поток миграции из национальных республик в РСФСР намного больше, чем

---

5. Там же, стр. 147-148.

обратный — из России в эти республики? Не будем спешить с заключением, попробуем проанализировать факты. Посмотрим материалы последних переписей населения СССР:

В Российскую Федерацию «с целью добиваться здесь успеха, делать, карьеру, спекулировать и т. п.» приехало и живет там около 6 млн. нерусских граждан из других союзных республик. Много? Возможно. Да только вот в нерусских республиках поселилось не 6, а 24 млн. русских. *На одного нерусского, поселившегося в России приходится четверо русских, приехавших к нему домой.*

2% населения РСФСР — украинцы, но зато более 21% жителей Украины — русские; 0,5% казахов в России и 6 млн. русских — в Казахстане (0,4% населения РСФСР и 41% населения «суверенной» Казахской республики). Во всех союзных республиках (за исключением, разве что, Армении) русские составляют значительный процент населения (от 7,5% в Грузии до 28% — в Эстонии, 33% — в Латвии, 41% — в уже упоминавшемся Казахстане).

Живут русские в нерусских республиках преимущественно в городах, занимают ведущие позиции в промышленности и управлении политической, экономической и культурной жизнью республик. Прочности их положения способствует политика русификации, интенсивно проводимая советским государством. Примеры?

На Украине во всех высших учебных заведениях, готовящих специалистов для республики, язык преподавания — русский (исключения — факультеты украинской филологии). Язык промышленности и науки, бытовой язык — тоже русский. Во многих городах Украины на улицах не услышишь украинской речи. Возможности украинца, говорящего на родном языке в своей республике, ограничены селом (см. Ю. Бадзьо «Право жить»). Ограничены возможности грузинского языка в Грузии (см., например, письмо 365 крупнейших представителей грузинской науки и культуры о нарушениях конституционных прав грузинского народа, июнь 1980 г.) армянского — в Армении (см. выступление известной армянской поэтессы С. Капутикян на съезде писателей Армении). 97,6% школьников в городах Белоруссии получают образование на русском языке (см. Р. Сольчаньк, «Русский язык и советская политика»). Более половины населения

столицы Эстонии Таллина — русские; эстонцам здесь насильно навязывают русскоязычное общение (см. «Находится ли эстонский народ и его культура под чужеземным гнетом?»). Вольготно русским в Средней Азии и в Казахстане. Еще в 20-х годах получили они без всяких на то оснований лучшие земли, на которые претендовали местные крестьяне (см. М. Чокай Оглы, «Туркестан под властью Советов»). В Литве... (см. статью В. Иуодейки «Есть ли решение?» в этом же номере «Форума»).

Одним словом, примеров русификации и привилегированного положения русских в нерусских республиках можно привести сколько угодно.

Трудно понять, откуда все же берет Зиновьев данные для утверждения, что «центростремительная тенденция стала доминирующей до такой степени, что противоположную ей тенденцию (центробежную) в серьезных расчетах вообще принимать во внимание не следует». Что это — шутка? А может быть Зиновьеву помогает диалектическое мышление. Мы приводим голые факты, а он знает тенденцию развития, которую другие не замечают. Попробуем и мы проследить за тем, как меняются во времени направления миграции населения СССР.

Оказывается, процент русского населения в нерусских республиках растет *непрерывно*. Лишь за 20 лет (с 1959 по 1979) количество русских в национальных республиках увеличилось в 1,5 раза (с 16 196 000 до 23 922 000) и продолжает расти и сегодня. Нет, не спасает Зиновьева диалектика.

Колониальная политика советской власти действительно вовсе не отвечает интересам России. И потому, что борьба за империалистические цели советского руководства требует жертв, которые совсем не нужны русскому народу (расплачиваясь за эту политику, приходится не только потуже стягивать ремень, но иногда отдавать и жизни — например, в Афганистане); и потому, что управлять огромной империей гораздо сложнее, чем отдельной республикой; и потому, в частности, что миграция русского населения в нерусские республики никак не способствует экономическому и культурному развитию русских областей (сельские районы Северо-Запада, Центра, Поволжья, Урала, Сибири в запусте-

нии: люди бегут в города, в том числе и в города Латвии, Эстонии, Украины и Средней Азии, где рабочая сила не нужна, здесь — избыток национальных людских ресурсов). Именно ради будущего России, а не ее сиюминутных выгод «русскому народу следовало бы бороться» за предоставление независимости нерусским республикам и, соответственно, за свою «независимость от них».

Словом, данные статистики, отражающие объективную реальность, никак не подтверждают тезиса Зиновьева о жуликоватых инородцах, угнетающих русский народ. Если же использовать эти данные для анализа других аргументов Зиновьева в пользу его идеи стабильности советского общества, то окажется, что и они не выдерживают проверки фактами. Можно согласиться с Зиновьевым лишь в том, что «феодално-крепостнический строй в дореволюционной России по степени стабильности может конкурировать с советским строем». Да, в конце XIX — начале XX веков многие люди на Западе удивлялись тому, как может существовать столь нежизнеспособный режим как российское самодержавие. Вот только агонии «стабильного» самодержавного строя не пришлось ждать «столетиями и тысячелетиями» — в феврале 1917 года Российская империя рухнула (и, кстати, нерусские народы тотчас же отказались от «преимущества пребывания в составе» империи и образовали свои независимые государства, большинство из которых было уничтожено большевиками).

В общем, если принимать во внимание факты реальной действительности, нельзя не признать, что «парадоксы» Зиновьева напоминают мыльные пузыри: тронешь — пустота.

ОНА ЛУКАУСКАЙТЕ—ПОШКЕНЕ

Четвертого декабря 1983 года в Литве, в городе Шауляй скончалась писательница и общественная деятельница Она Лукаускайте-Пошкене. Шестого декабря ее останки были преданы земле на кладбище Гинкунай.

Она Лукаускайте принадлежала к числу крупнейших литовских правозащитников. Да и не только литовских: имя ее было хорошо известно и в Москве, и за пределами Советского Союза. Наряду с другими членами так называемых групп Хельсинки несколько лет она была кандидатом Нобелевской премии мира. Я всегда буду гордиться тем, что был одним из ее младших друзей. Сейчас я не могу посетить ее могилу; возможно, никогда не смогу. Могу только сказать о ней несколько слов на прощание.

Вся жизнь Оны Лукаускайте связана с городом Шауляй. Здесь она родилась 29 января 1906 года, здесь и скончалась на семьдесят восьмом году жизни. Но на своем веку она

видела не только Литву, но и западноевропейские столицы, и полярные лагеря; она могла остаться где-то в общей могиле в зоне вечной мерзлоты, сгинуть бесследно. Эта судьба угрожала ей даже в последние годы. Но сейчас ее прах лежит в родной литовской земле, и многие поколения будут носить цветы на ее могилу. Да будет это нашим утешением.

Родители Оны Лукаускайте были людьми демократических взглядов. Ее отец был крупным шауляйским адвокатом. Шауляй — промышленный город, там всегда было сильным рабочее и национальное движение. Отец Оны Лукаускайте еще в царские времена защищал тогдашних революционеров и борцов за свободу Литвы. Дочь унаследовала его характер и взгляды. В двадцатые и тридцатые годы, когда Литва была независимой страной, Она Лукаускайте примыкала к левому крылу общественного движения. Уже тогда она помогала политзаключенным (в независимой Литве их было немного, но все же они были — в том числе эсеры и коммунисты). Она Лукаускайте писала стихи, близкие к литовскому фольклору, исполненные глубокого сочувствия к обездоленным; она входила в ту же литературную группу, что и Саломея Нерис, позднее ставшая знаменитой советской поэтессой. В те годы Она Лукаускайте считалась достойной литературной соперницей Саломеи Нерис; она издала два сборника стихов, которые останутся в литовской литературе.

В 1940 году в Литву были введены советские войска, и страна лишалась независимости. Пути писателей, да и просто людей разошлись. Саломея Нерис написала восторженную поэму о Сталине. Она Лукаускайте избрала иной путь: она решила, что ее долг — по-прежнему защищать обездоленных и заключенных, число которых в сталинские годы во много раз увеличилось. Она Лукаускайте стала участницей литовского национального и демократического движения. За это после войны она провела около десяти лет в лагерях Воркуты. О своем лагерном опыте Она Лукаускайте написала книгу рассказов, известную в литовском самиздате. Думаю, когда-нибудь историки будут обращаться к этой книге так же, как обращаются к книгам Евгении Гинзбург или Варлама Шаламова.

В семидесятые годы в Литве возникло правозащитное движение. Хотя Она Лукаускайте была уже в преклонных

летах, и ее здоровье после лагерей было слабым, она справедливо посчитала это движение своим. Многие из нас могли поучиться у нее гражданскому мужеству, сочувствию к людям, трезвому и глубокому взгляду на историю и настоящее. Между собой мы иногда называли ее «литовской Надеждой Мандельштам». Кстати, в те годы Она Лукаускайте и Надежда Яковлевна Мандельштам познакомились и подружились.

В 1976 году Юрий Орлов, Александр Гинзбург и Анатолий Щаранский создали московскую группу «Хельсинки» — открытую правозащитную ассоциацию, отмечавшую нарушения прав человека в Советском Союзе. Литовские правозащитники решили последовать их примеру. Мне поручили поговорить об этом с Оной Лукаускайте. После короткого разговора на шаупяйской улице она без малейших колебаний согласилась вступить в литовскую группу «Хельсинки». Для нее это было естественным и единственным выбором. Через несколько дней, 1 декабря 1976 года, наша группа провела пресс-конференцию в Москве — первую независимую литовскую пресс-конференцию за тридцать с лишним лет. Она Лукаускайте по состоянию здоровья на пресс-конференции не была, но после нее сказала главе группы Викторасу Пяткусу и мне: «Noblesse oblige — положение обязывает. Никто из нас теперь уже не может отступать. Я-то, наверно, отделаюсь ссыпкой — впрочем, для меня это депо привычное».

Литовская группа «Хельсинки» существовала несколько лет и подготовила много правозащитных документов, которые стали известны в разных странах и цитировались на международных конференциях, в том числе в Мадриде. Она Лукаускайте не отступила даже тогда, когда другие члены группы оказались в тюрьмах, в могилах или в изгнании. Допросы и преследования окончательно подорвали ее здоровье, но так называемого раскаяния власти от нее не добились. Она Лукаускайте считала деятельность групп «Хельсинки» законной и важной для судеб Литвы и Советского Союза. Как обычно, она не ошибалась.

Сейчас правозащитники в Литве и не только в Литве находятся под огромным давлением. Парализована деятельность литовской группы «Хельсинки»; совсем недавно

нанесен удар Католическому комитету защиты прав верующих, который был создан по ее образцу. Два священника-правозащитника — Альфонсас Сваринскас и Сигитас Тамкявичюс — приговорены к длительным тюремным срокам. Но пока была жива Она Лукаускайте, я твердо знал, что в Литве все еще есть по крайней мере один совершенно свободный человек — тот самый праведник, без которого не стоит ни село, ни город, ни страна.

Я знаю, что такие праведники в Литве всегда найдутся.

Томас Венцлова

SOVIET NATIONALITY SURVEY

The West long failed to notice what every Soviet leader since Lenin has known — that the Union of Soviet Socialist Republics (U.S.S.R.) has a nationality problem. The U.S.S.R. and Russia, so the thinking went, were one and the same.

The last two decades have witnessed a substantial change in Western attitudes. Although misconceptions still abound, the Soviet 'nationality question' is now acknowledged to be both important and far from answered. The non-Russian nationalities of the U.S.S.R. have become a legitimate subject of inquiry. But, one thing has not changed — Soviet nationality affairs still do not receive the attention they merit.

Soviet Nationality Survey has as its immediate goal to serve as a newsletter providing concise and topical information about the 'other Russia' — its peoples, its problems and its relationship to Russians. Our long-term goal is to illuminate broad trends and serve as a handy reference guide to Soviet nationality affairs. We hope eventually to become an indispensable source of news for policy makers, journalists, academics and businesspersons interested in the Soviet nationality question.

Soviet Nationality Survey is published by Suchasnist Publishers, whose other periodical publications include Suchasnist, a Ukrainian-language monthly, and Forum, a Russian-language quarterly specialising in Soviet nationality affairs.

Soviet Nationality Survey will appear ten times annually. The price of a one year subscription is £20 / 30 \$ U.S., or the equivalent in other currencies.

Please make cheques payable to Soviet Nationality Survey:

**15 Sherringham Avenue,
London N17 9RS, England.**

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

- 3 *К. Любарский.* Заметки о недалеком будущем.
15 *Б. Шрагин.* Почему необходима демократия?

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

- 33 *Б. Вайль.* Послесталинская ссылка в Сибирь.
48 *Балис Гаяускас.* Концлагерь особого режима для политзаключенных.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- 54 *Владас Иуодейка.* Есть ли решение?
75 *Роберт Конквест.* Забытый голокост.
79 *Звиад Гамсахурдиа.* О дискриминации грузинского населения в трех районах АзССР.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 84 *Збигнев Бжезинский.* Советский Союз — мировая сверхдержава особого типа.
104 *Станислав Пилка.* Почему и как начнется война.

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЭТИКА

- 114 *Михайло Михайлов.* Ценнее чем жизнь.

ПОЛЬСКИЙ ОПЫТ

- 119 *Ян Юзеф Липский.* Два отечества — два патриотизма.

ТРУД — РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ — ПРОБЛЕМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ

- 139 *Джон Майкл.* Независимое рабочее движение в СССР: начало.

ИЗ ПРОШЛОГО

- 151 *Мустафа Чокай Оглы.* О советском Казахстане.
171 *Осип Горновой.* Наше отношение к русскому народу.

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

- 185 *М. Дейч.* Варфоломей Зайцев читает «Литературную газету».

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 227 *В. Малинкович.* Несколько слов по поводу...

- 234 *Т. Венцлова.* Она Лукаускайте-Пошкене.

